

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

Международное научное издание
№2/2020

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО
SOCIAL PSYCHOLOGY AND SOCIETY

2020 г. Том 11. № 2

2020. Vol. 11. No. 2

Московский государственный
психолого-педагогический университет

Moscow State University
of Psychology and Education

«СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО»

**Включен в перечень ВАК. Включен в РИНЦ.
Включен в базу Web of Science. Включен в базу SCOPUS.**

Главный редактор
Наталья Толстых

Ответственный секретарь
Елена Виноградова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.А. Гулевич, Е.М. Дубовская, Ю.М. Забродин, В.А. Ильин,
В.А. Лабунская, А.В. Махнач, Н.К. Радина, О.Е. Хухлаев,
Л.А. Цветкова, Н.М. Швалева, Т.И. Шульга (Россия),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Александр Донцов

Заместитель председателя
Наталья Толстых

Заместитель председателя
Вера Лабунская

Члены редакционного совета

Ю.М. Забродин, Л.А. Цветкова, Т.И. Шульга (Россия),
Ф. Зимбардо (США), И. Маркова (Великобритания),
Л.А. Пергаменщик (Беларусь), И.Д. Плотка (Латвия),
А.А. Файзуллаев (Узбекистан), К. Хелкама (Финляндия)

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический
университет»

Все права защищены. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций
возможны только с письменного разрешения редакции.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Плющ А.Н.* Информационное сопровождение как инструмент коррекции социальных реформ 5
- Семечкин Н.И.* Психология масс и социальная история 20

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Сычев О.А., Протасова И.Н., Власов М.С.* Моральные основания и намерение участвовать в голосовании на выборах президента России 38
- Шамионов Р.М.* Роль индивидуальных ценностей, авторитарных установок и социальной идентичности в общей дискриминационной направленности личности в России 54
- Гулевич О.А., Сариева И.Р.* Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины 74
- Федотова В.А., Жданова С.Ю.* Адаптация студентов из Индии и арабских стран к образовательному пространству российского вуза 93
- Бодзяны М., Новаковская М.* «Сердце тьмы» и «Темный континент»: Африка и ее народы в польских СМИ и социальном восприятии (на английском языке) 107
- Балева М.В.* Особенности межличностного восприятия юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт 121
- Воронцова Т.А.* Влияние целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин 142
- Цыганкова П.В., Цамерян Л.Р.* Особенности восприятия женской телесности женщинами, прибегавшими к услугам эстетической хирургии 162
- Хломов К.Д., Бочавер А.А., Корнеев А.А.* Копинг-стратегии и образовательная среда подростков 180

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Водопьянова Н.Е.* Рецензия на учебно-методическое пособие «Управление конфликтами в образовательной среде: теория и практика». Астрахань, Издательский дом «Астраханский университет», 2019. 146 с. 200
- Белинская Е.П.* Парадоксы эпохи эмоциональной неопределенности. Рецензия на книгу Е. Иллуз «Почему любовь ранит? Социологическое объяснение». Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с. 204

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Крушельницкая О.Б.* Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: психологическая наука и практика о социальных изменениях и новых вызовах современности 209

CONTENTS

THEORETICAL RESEARCH

- Pliushch A.N.* Information support as a tool of social reforms' correction 5
Semechkin N.I. Mass Psychology and Social History 20

EMPIRICAL RESEARCH

- Sychev O.A., Protasova I.N., Vlasov M.S.* Moral foundations and intention to vote on presidential elections in Russia 38
Shamionov R.M. The role of individual values, authoritarian attitudes and social identity in the General discriminatory orientation of the personal in Russia 54
Gulevich O.A., Sarieva I.R. Social beliefs, political trust and readiness to participate in political actions: comparison of Russia and Ukraine 74
Fedotova V.A., Zhdanova S.Yu. Adaptation of students from India and Arab countries to the educational context of institutions of higher education in Russia 93
Bodziany M., Nowakowska M. "Heart of Darkness" and "Dark Continent": Africa and its Nations in Polish Media and Social Perception 107
Baleva M.V. Intergroup perception of men and women with different levels of negative traits 121
Vorontsova T.A. The influence of the holistic appearance design on the perceived age of women 142
Tsygankova P.V., Tsameryan L.R. Specifics of the perception of female corporality by women who resorted to the services of aesthetic surgery 162
Khломov K.D., Bochaver A.A., Korneev A.A. Coping strategies of adolescents and educational environment 180

CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

- Vodopyanova N.E.* Study guide review "Conflict management in the educational setting: theory and practice". Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2019.146 p. 200
Belinskaya E.P. Paradoxes of the age of emotional uncertainty. Review of the book by E. Illuz "Why does love hurt? Sociological explanation". Moscow; Berlin: DirectMedia Publishing, 2020. 400 p. 204

SCIENTIFIC LIFE

- Krushelnitskaya O.B.* The conference commemorating Conference in memory M.Yu. Kondratyev: psychological science and practice on social changes and new challenges of our time 209

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Информационное сопровождение как инструмент коррекции социальных реформ

Плющ А.Н.

Институт социальной и политической психологии

Национальной академии педагогических наук Украины, г. Киев, Украина

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8398-5148>, e-mail: plyushch11@mail.ru

Цель исследования. Углубить представления о роли информационного сопровождения в качестве инструмента внедрения социальных реформ.

Контекст и актуальность исследования. Социокультурная динамика текущей современности по-новому ставит проблемы демократизации государственного управления, общественного контроля над ним, передачи части полномочий гражданам. Появление современных информационно-коммуникативных технологий предоставляет возможность дополнить известные способы социального управления использованием новых форматов коммуникаций и видов социальной активности, подразумевающих переход к самоорганизации субъектов общества на основе совместно конструируемого общественного мнения.

Используемая методология. Использован синергетический подход, в рамках которого общество рассмотрено как текст, конструируемый коллективным автором на основе имеющегося у него социокультурного проекта. Это позволило представить социальные реформы как коррекции этого проекта, предлагаемые одним из групповых субъектов общества.

Основные выводы. Информационное сопровождение реформ проанализировано в двойном контексте: оно является необходимым компонентом процесса внедрения реформ, которые, в свою очередь, являются частью процессов модернизации общества. Это привело к расширению его трактовок, когда помимо распространения информации о реформах и организации коммуникаций с потенциальной аудиторией, которая заинтересована в продвижении реформ, информационное сопровождение становится составляющей процессов самоорганизации общества. В этом случае оно выступает инструментом обратной связи, позволяющим различным субъектам вносить коррективы в предлагаемые проекты модернизации общества. Прослежено расширение понимания информационного сопровождения, которое проходит путь от инструмента заказчика, приспособленного для решения его целей, до инструмента коллективного участника социальных реформ, привлеченного перспективами их внедрения, становясь инструментом саморазвития общества, позволяющим привлекать к этому процессу всех субъектов общества.

Ключевые слова: социальные реформы, модернизация общества, информационное сопровождение, информация, коммуникация, обратная связь, коррекция проекта.

Для цитаты: Плющ А.Н. Информационное сопровождение как инструмент коррекции социальных реформ // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110201>

Information support as a tool of social reforms' correction

Aleksandr N. Pliushch

Institute for Social and Political Psychology of NAES of Ukraine, Kiev, Ukraine,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8398-5148>, e-mail: plyushch11@mail.ru

Objectives. *To get a deeper knowledge of the informative accompaniment being a tool to get social reforms adopted.*

Background. *Sociocultural dynamics as for the fluctuations of modernity in a new fashion pose the problems of government democratization, public control over it, being some part of the citizens commissioned. The appearance of modern informative and communicative technologies gives an opportunity to complete certain ways of social management using the new communicative formats and some types of social activity implying the transition to the subjects of the society being self-organized on the basis of jointly constructed public opinion.*

Methodology. *A synergistic approach is used within the framework of which the society is regarded as a text constructed by a collective author on the basis of a sociocultural project it has. It made social reforms possible like some corrections of this project proposed by one of the subjects of the society being grouped.*

Conclusions. *The informative accompaniment of the reforms is analyzed in a dual context: it is a necessary component of the process to get reforms adopted which become a part of some processes the society is being modernized as it turns out. It has led to an expansion of its interpretations when in addition to spreading of some information about the reforms and organizing some communications with a potential audience being interested in reforms' promoting, the informative accompaniment becomes a part of some processes the society to be self-organized. In this case, it's a feedback tool allowing different subjects to introduce some changes into proposed projects of the modernized society. The expansion of the informative accompaniment has been traced meaning its path from the tool of the customer, adapted for the solution of its goals, to the tool of the collective participant of social reforms, attracted with the perspectives of their application becoming a tool for the self-development of the society, allowing all the subjects of the society to be involved into this process.*

Keywords: *social reforms, modernization of society, information support, information, communication, feedback, correction of the project.*

For citation: Pliushch A.N. Information support as a tool of social reforms' correction. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 5–19. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110201> (In Russ.).

Постановка проблемы

Социокультурная динамика текущей современности по-новому ставит проблемы демократизации государственного управления, общественного контроля над ним, передачи полномочий гражданам. В информационном обществе реализация государственными институтами своих функций обусловлена использованием коммуникативных (несиловых, переговорно-игровых) инструментов и технологий применения власти при проектировании и легитимации решений, затрагивающих общественные интересы [28]. Способность совместно конструировать будущее становится необходимым условием развития общества [19], при этом новые социальные проекты не должны разрушать устойчивость общественного развития [13; 23].

Основной целью социального реформирования становится не столько конечный результат, сколько обеспечение преемственности развития, сохранения управляемости общественной системы, возможности коррекции ситуативных планов. Происходит сдвиг в сторону делиберативной (или коммуникативной) демократии, в рамках которой диалог и взаимопонимание по важности опережают прагматическое решение проблем [32]. Учитывая, что в системах с динамической сложностью отдельные результаты инноваций мало предсказуемы, основным критерием оценки социальной инновации становится ее направленность на сохранение коммуникативной целостности социальной системы [17].

Появление новых информационно-коммуникативных технологий дополняет известные способы социального управления, когда иерархические структуры по степени влияния на социальные

процессы все более уступают горизонтальным, сетевым структурам, использующим новые форматы коммуникаций и виды социальной активности [2]. Вместе с тем использование этих технологий предполагает и появление новых угроз. Дематериализуя контакты между гражданами, между гражданами и институтами, эти технологии делают более зыбкой грань между реальным и виртуальным, расширяют возможности погружения объектов воздействия в виртуальный мир, а значит, и возможности манипулирования сознанием и ведения информационной и психологической войны [1].

Известные способы социального управления, опиравшиеся на административное или экономическое давление, могут оказаться неэффективными, если общество не будет активно участвовать в проведении реформ. Общественная поддержка является одним из главных условий результативности преобразований. Даже самые прогрессивные реформы не смогут иметь созидательного характера, если они не будут поняты и поддержаны большинством населения. Поэтому чрезвычайно важно постоянно поддерживать связь с населением, которое ценит не столько четкое выполнение всех поставленных задач, сколько то обстоятельство, что к его мнению прислушиваются, и оно активно вовлечено в процесс изменения и улучшения социального климата в своей стране [29].

В информационном обществе на первый план выходят коммуникативные методы управления, подразумевающие переход к самоорганизации субъектов общества на основе совместно конструируемого общественного мнения. Это означает замену социального контроля социальным управлением путем предварительного формирования общественного мнения,

в рамках которого выдвигаются необходимые цели. Осуществление управления процессами конструирования общественного мнения позволяет реализовывать желательные социальные изменения. Технологии информационного сопровождения, являясь частью технологий социального управления, основаны на «мягких» способах воздействия на человека (убеждение, формирование эмоционального отношения, мотивации к определенным действиям, ценностей и т.п.). Управляющее воздействие носит неявный характер, когда потребителю предоставляется информация, ориентируясь на которую он как бы самостоятельно выбирает свое отношение к предлагаемым социальным инновациям [14]. Цель исследования, результаты которого представлены в данной статье, заключается в выявлении возможностей использования информационного сопровождения в качестве инструмента внедрения социальных реформ.

Метод исследования

Исследовательский метод определяет то, что мы считаем фактом, а исследовательская стратегия (или подход) задает точку зрения, режим или перспективу видения и интерпретации окружающего мира [15]. Поэтому перед началом исследования очертим понимание автором базовых понятий, таких как общество и социальные реформы. В рамках синергетического подхода определим общество как (ре)конструируемый текст коллективного автора на основе имеющегося у него социокультурного проекта. В основе данного подхода лежит выделение трех измерений анализа общества: автономного текста, социальных взаимоотношений коллективного автора, трансфор-

мирующегося социокультурного проекта общества [21; 22]. Социальные реформы будем рассматривать как проекты модернизации общества, заключающиеся в возникновении, внедрении и усовершенствовании социальных нововведений, предполагающих целенаправленное изменение существующих социальных институтов [31]. Суть реформ заключается в том, что один из субъектов общества предлагает внесение отдельных изменений в существующий социетальный проект с целью усовершенствования жизнедеятельности общества.

Исследование проблемы

Успешное внедрение реформ предполагает поддержку со стороны общества. С целью обеспечения этой поддержки и вовлечения субъектов общества в процессы внедрения социальных реформ их авторы организуют кампании по информационному сопровождению, которые являются составной частью процессов внедрения реформ.

Информационное сопровождение социальных процессов значимо в обществах любого типа, а его организация обуславливается уровнем развития информационных технологий. Обычно под информационным сопровождением понимают организованный процесс распространения информации о каком-то объекте, явлении, событии с использованием различных средств, обращенный к кругу заинтересованных лиц [4; 16; 33]. Целью этого процесса является создание направленного информационного потока, занимающего сегмент информационного пространства. Встречается более широкое толкование информационного сопровождения, когда под ним пони-

мают систематический и целенаправленный процесс создания эффективной коммуникации, предполагающей предоставление информации целевой аудитории, заинтересованной в ее получении [5; 6; 33]. В этом случае технологии информационного сопровождения в некотором смысле схожи с технологиями рекламы, маркетинга и «public relation», несколько отличаясь по идеологии. Использование последних технологий предусматривает привлечение внимания и удержание интереса целевой аудитории с целью формирования желаемого образа и продукта, и самого заказчика, при этом ей передается только та информация, которая отвечает требованиям и интересам заказчика [4; 33]. Целью же информационного сопровождения социальных процессов является разностороннее их рассмотрение в интересах всего общества, а не только его отдельных субъектов.

Понимание информационного сопровождения обусловлено логикой его рассмотрения, в какой контекст помещается данная деятельность. Если информационное сопровождение рассматривается как автономная деятельность (без учета контекста), то акцент делается на содержательной характеристике этой деятельности, и она понимается как распространение информации. Понимание этой деятельности расширяется, когда она анализируется в контексте как составляющая деятельности по внедрению социальных реформ. В рамках коммуникативного подхода информационное сопровождение дополнительно включает в себя организацию коммуникаций с потенциальной аудиторией, целью которых становится увеличение количества сторонников социальных реформ и их вовлечение в эти процессы как заинтересованных в результатах данных реформ.

Рассмотрение информационного сопровождения в двойном контексте, когда оно является частью социальных реформ, которые, в свою очередь, предполагают модернизацию социетального проекта, приводит к его новым трактовкам. Информационное сопровождение становится частью процессов самоорганизации общества, в ходе которых осуществляется коррекция социетального проекта. В информационное сопровождение социальных реформ, помимо их автора и потенциальных сторонников, рассчитывающих на некоторые преференции, включаются и другие субъекты общества, оценивающие результаты этих реформ в информационном пространстве не только с точки зрения выгодополучателей реформ, а с точки зрения интересов всего общества. В этом случае информационное сопровождение выступает инструментом обратной связи, когда процесс модернизации социетального проекта предполагает возможность внесения в него корректив со стороны субъектов общества.

Частным следствием становится то, что информационное сопровождение социальных реформ может становиться инструментом коррекции их проектов. То, что может быть выгодно отдельным социальным группам, не всегда выгодно обществу в целом. Субъекты общества, не участвующие во внедрении реформ, оценивают не столько результаты частных реформ, сколько последствия их внедрения для всего общества, насколько модернизации общества в результате социальных реформ позволяют повысить потенциал развития этого общества или, наоборот, снизить устойчивость его развития [12]. Последнее как раз и предполагает необходимость допуска общества к коррекции проектов частных социальных реформ.

Использование синергетического подхода позволило расширить представления о возможностях использования информационного сопровождения социальных реформ. Три измерения текста (текст, автор, замысел), которые были выделены при определении общества, прослеживаются и при развертывании понимания информационного сопровождения. Оно одновременно включает в себя: распространение информации, организацию коллективного участника социальных реформ, коррекцию проекта реформ со стороны общества.

Обсуждение результатов

Доля инноваций и высоких технологий в отраслевой структуре мировой экономики растет примерно на 10–12% в год и постепенно интегрирует в себя нематериальные факторы производства: знания, дигитальность продукта, специфические понятия человеческого капитала (goodwill) и т.д. [11]. Новое не всегда означает лучшее, всего порядка 30% новаторских инициатив, связанных с изменением существующей системы или процесса, оказываются жизнеспособными [9]. Общество должно отслеживать внедрение реформ, создавая механизмы, позволяющие вносить коррективы и в проекты реформ, и в процессы их внедрения.

Успешность внедрения инноваций обусловлена организацией социального контекста, предполагающего их использование [8; 10]. Административное воздействие может запустить процесс внутренних преобразований общества, тогда как конечный результат является следствием внутренних рекурсивных процессов и не предопределен однозначно. Разработка и реализация новых

социальных проектов — в экономике, политике, культуре, науке и т.д. — предполагает вовлечение субъектов общества в эту деятельность. Внедрение инноваций зависит не только от информации об эффективности конкретной инновации, но и от решений и действий тех пользователей, которым предоставили возможность ознакомиться с преимуществами использования нововведений [35].

Всякое принятие решения о поддержке реформ есть сложный вероятностный процесс со многими отклонениями и возвратными ходами, отягощенный неожиданными последствиями и непредвиденными результатами. Этот процесс может быть квалифицирован как саморегулирование, то есть «обучение посредством социальной активности и перманентной рефлексии» [34]. В связи с потенциалом современных информационных технологий у индивидуальных субъектов появляется возможность стать соавторами предлагаемых проектов, участвуя в их коррекции и предлагая свои способы осуществления идей проектов. Когда люди воплощают в жизнь стратегии, в создании которых принимают непосредственное участие, они работают с большим усердием и с большим энтузиазмом [9]. Ключевым компонентом, обеспечивающим поддержку в осуществлении предлагаемых преобразований, становится институт «активного гражданства», когда авторами проектов инноваций выступают не только реформаторы, но и общество в целом [27]. Информационное сопровождение социальных реформ позволяет наладить процесс обратной связи, предоставляющий возможность оценить их эффективность и обеспечить принятие и поддержку реформ большинством населения в случае их успешности.

Распространение информации в процессе социальных коммуникаций предполагает создание сети сторонников проекта. Не просто сети, а саморазвивающейся сети. Автор проекта запускает цепную реакцию по привлечению новых соавторов, которые будут делиться позитивным опытом и вовлекать новых сторонников, совершенствующих проект. Особое внимание обращается на представленность этой структуры в интернет-пространстве и использование ею популярных социальных сетей, которые становятся наиболее влиятельным проводником информационного влияния. Такие технологии социального управления, как принуждение и привлечение к выполнению проектов других авторов, сменяются технологиями самоорганизации коллективных субъектов, в рамках которых индивидуальные субъекты могут стать организаторами коллективных субъектов и соавторами их целей. Помимо инноваций эффективными ресурсами развития социума становятся способы самоорганизации общества на основе коммуникаций его субъектов, позволяющих сконструировать долговременные перспективы и приоритеты развития.

Реформы, предлагаемые обществу, могут быть рассмотрены как коррекции социетального проекта, предлагаемые одним из (групповых) субъектов общества, который может придерживаться собственных далеко идущих замыслов. Проведение социальных реформ предполагает оптимизацию жизнедеятельности общества, что позволяет уменьшать затраты, перераспределять некоторые ресурсы и открывать их новые источники. Вместе с тем реформы не обязательно проводятся в интересах всего общества, они могут проводиться в интересах за-

казчика, приватизирующего возможные предпочтения; группы избранных реформаторов, с которой заказчик может делиться их частью; общества в целом.

Социальные реформы — это часть целостного процесса модернизации общества. Инновации, рассматриваемые как отдельные коррекции существующего социетального проекта, в свою очередь, должны предполагать собственную коррекцию и возможность участия в этом процессе всех заинтересованных субъектов общества. В ходе осуществления реформ начинает действовать принцип обратной связи, когда результаты внедрения реформ, выраженные в общественном мнении, будут определять отношение к ним. Общественное мнение предоставляет возможности оценить реализацию задуманного и внести в него коррективы, при этом обратная связь может быть инструментом в руках заказчика реформ, их сторонников, общества в целом. Учитывая, что информационное сопровождение рассматривается в трех измерениях, по результатам обратной связи коррективы могут вноситься в распространение информации, организацию коммуникации с потенциальной аудиторией, коррекцию проекта реформ.

Возможность коррекции проектов социальных реформ выступает одним из условий их эффективности. Если предлагаемые реформы проводятся в интересах отдельной группы, то она не всегда стремится учитывать мнение остальных субъектов общества. Если в качестве автора социетального проекта выступает общество, то оно заинтересовано во всестороннем обсуждении результатов реформ, предполагающем организацию широких общественных дискуссий с привлечением субъектов, имеющих различные точки зрения. Увеличение числа этих субъек-

тов позволяет получать более целостное представление о результатах реформ.

Внедрение инноваций становится одним из инструментов социального управления, позволяющим достигать управляемости обществом. Реформаторы, направляя усилия системы управления на внедрение реформ, берут ее под свой контроль, что позволит со временем перейти к достижению их глобальных целей. Одним из примеров является квазиреформирование системы образования и науки, которое проявляется во внедрении иностранных стандартов и программ, в зависимости от зарубежных грантов, в перекосе структуры специальностей, не соответствующей приоритетным направлениям развития страны, в «утечке мозгов» студентов и ученых [11]. Возможность вовремя вносить изменения в предлагаемые проекты реформ, сохраняя контроль над внедрением инноваций, становится для общества условием сохранения культурной уникальности собственного проекта, а иногда и просто условием выживания этого общества.

Современные информационные технологии позволяют манипулировать общественным мнением, когда субъекты, управляющие процессами конструирования информационного пространства общества, предоставляют возможность активному меньшинству («реформаторам») доминировать в этом пространстве. Запускается «спираль молчания» [20], когда пассивное большинство не только непропорционально представлено в информационном пространстве, но и не может противостоять попыткам меньшинства внедрять их проекты в жизнедеятельность общества.

Вместе с тем информационное сопровождение и его технологии являются инструментом, которым могут восполь-

зоваться не только заказчик или сторонники реформ, но и все общество. С помощью этого инструмента при нынешнем уровне развития информационных технологий все субъекты общества могут отстаивать и собственные интересы, и интересы общества в целом. Общественное мнение позволяет осуществлять социальный контроль над процессом внесения корректив в его социокультурный проект, а информационное сопровождение социальных реформ может выступать инструментом самоорганизации общества, формирующим культуру гражданственности. Готовность сторонников реформ допустить общество к процессу коррекции проекта реформ и будет лакмусовой бумагой для определения истинных целей реформаторов: отстаивают они интересы общества в целом или только отдельной группы реформаторов и части потенциальной аудитории, заинтересованной в возможности получения некоторых предпочтений.

Рассмотрим два подхода к оцениванию информационного сопровождения реформ на Украине, которые используют различные аналитические центры этой страны. Представители обоих подходов подчеркивают важность учета общественного мнения как обратной связи процесса внедрения реформ. В рамках первого подхода, обозначим его как «коммуникативный», основной упор делается на рассмотрении организации информационного сопровождения реформ [25; 26]. В рамках другого подхода, обозначим его как «результативный», в фокусе внимания оказываются последствия процесса внедрения реформ и оценка их обществом [3].

При анализе представители «коммуникативного» подхода опираются на данные общенационального и экспертных

опросов, проведенных в 2017 году [25; 26]. В качестве экспертов были привлечены сотрудники организаций, входящих в общественную коалицию «Реанимационный Пакет Реформ» [24], которая финансируется за счет средств «международной технической помощи». Отмечена кардинальная разница между мнениями общества и экспертов: большинство украинцев не верят в успех реформ (верят — 5%; в целом верят, но сомневаются — 27%; не верят, хотя доля надежды остается — 27%; не верят в успех совсем — 40%), тогда как эксперты, наоборот, демонстрируют уверенность в их успехе (верят — 23%; в целом верят, но сомневаются — 62%). Была выявлена закономерность: в группе граждан те, кто лучше информированы о реформах, гораздо чаще склонны считать их влияние положительным [25; 26]. Результаты общественного мнения эксперты объясняют недостаточной коммуникацией реформаторов с населением, что приводит к непринятию реформ гражданами. Отсюда следует вполне логичный вывод о необходимости увеличения масштабов проведения информационной кампании в поддержку реформ. Высказываются и опасения, что если претензии граждан к процессу и последствиям политики реформ не будут учтены, то это может вызвать рост антиреформаторских настроений.

Вместе с тем следует учитывать, что в этих исследованиях были опрошены эксперты тех организаций, которым, как указано выше, оказывается зарубежная финансовая помощь на осуществление реформ, и продолжение внедрения этих реформ, которые большинство населения не поддерживает, означает дальнейшее финансирование этих организаций. Аналитические центры, которые проводили экспертные опросы, поддерживают мнение экспертов и тоже настаивают на

продолжении реформ. Не возникает ли тут конфликт интересов, поскольку эти аналитические центры так же функционируют в основном за счет зарубежного финансирования и деньги на проведение этих исследований получают из тех же источников.

Представители «результативного» подхода при оценке реформ опираются на анализ изменений, происходящих в обществе, и их выводы по поводу низкой эффективности проводимых реформ созвучны мнению большинства населения [3]. В частности, оценивая реформу системы образования, они отмечают, что эта реформа, новый этап которой начался в 2014 г. [18], «не привела к повышению качества украинского образования». По их мнению, об этом свидетельствует доклад о человеческом развитии Организации Объединенных Наций. Украина в этом рейтинге среди всех европейских стран находится на 3-м месте с конца — хуже показатели только у Боснии и Молдавии. Снижаются и ежегодные показатели. Если по качеству образования в докладе за 2013 г. Украина была на 78-м месте, то в докладе за 2016 г. Украина находится на 84-м месте. Также вследствие проводимых реформ Украина продолжает терять социальный капитал. Со времени старта новой реформы образования количество украинцев, предпочитающих обучение в иностранных университетах, резко выросло и в 2016 г. достигло не менее 68 тысяч человек, большинство из которых после получения иностранного образования «не захотят возвращаться в Украину, а значит, будут потеряны для нее» [3]. В заключение делается вывод о том, что «без существенного изменения дизайна реформ образование в Украине продолжит деградировать, а молодые украинцы и дальше будут искать счастья за рубежом» [3].

Отличия у представителей этих подходов заключаются в базовых установках по поводу того, кто может выступать автором проекта модернизации общества: все субъекты общества или его избранные представители. Вследствие этого для одних неприятие обществом реформ означает, что общество как соавтор реформ предлагает внести коррективы в проект реформ, потому что они не ведут к запланированным результатам — улучшению жизнедеятельности всего общества, а не его отдельных групп. Для других неприятие обществом реформ предполагает необходимость внесения изменений в организацию коммуникаций группы реформаторов с обществом, которое не может быть допущено к корректированию проекта реформ, поскольку не способно оценить всей «глубины замысла» реформ, копирующих образцы «развитых цивилизационных» стран. Одни и те же факты помещаются в различный контекст, для одних они являются обратной связью процесса модернизации общества, которые затрагивают всех субъектов общества, для других — обратной связью процесса внедрения реформ, которые внедряют «прогрессивные реформаторы», являющиеся выгодополучателями этих реформ.

Сложившаяся с внедрением реформ ситуация на Украине приводит к тому, что 83,7% населения недовольны курсом страны, но власть выражает интересы 11,2% украинцев, удовлетворенных направлением, в котором власти ведут страну, и настаивающих на том, что реформы «необходимо продолжать» [30]. Именно поэтому при проведении образовательной реформы на Украине дискредитируется советская система образования, которая была основана на других цивилизационных принципах и стремилась обеспечить возможность качественного

образования для всех субъектов общества, а не только для избранных.

Заключение

В рамках синергетического подхода общество рассматривается как текст, который коллективный автор конструирует на основе имеющегося у него социокультурного проекта. Социальные реформы предоставляют возможность внести коррективы в проект общества с целью оптимизации его жизнедеятельности. Информационное сопровождение как деятельность, основанная на использовании информационных технологий и способствующая достижению целей авторов социальных реформ, является неотъемлемым компонентом внедрения реформ. Эта деятельность включает в себя распространение информации о реформах; организацию коммуникаций с потенциальной аудиторией, которая заинтересована в продвижении реформ; конструирование общественного мнения, выполняющего функцию обратной связи и позволяющего вносить коррективы в первоначальный проект реформ.

В связи с тем, что проводимые частные социальные реформы предполагают внесение изменений в социетальный проект общества, процессы внедрения этих реформ должны предусматривать возможность коррекции их проектов со стороны общества. Если общество не имеет возможности корректировать проекты внедряемых реформ, то в конечном итоге оказывается, что оно не контролирует процессы изменения социокультурного проекта в целом. Как следствие, проводимые реформы могут проводиться не в интересах всего общества, а в интересах отдельных «избранных» групп или прослоек.

Научно-технический прогресс приводит к новым техническим возможностям средств коммуникации. Информационные технологии становятся фундаментом «социального конструирования реальности» [7], представляя собой не просто нейтральный «инструмент» взаимосвязей субъектов, но и способ совершенствования организации общества посредством культуры коммуникаций, заложенной в организацию технологий. Автор социальных реформ будет выступать в роли заказчика информационного сопровождения, предполагая возможные

способы участия субъектов общества во внедрении этих реформ (в ролях агитаторов и пропагандистов, участников преобразований, соавторов проекта реформ). Информационное сопровождение социальных реформ проходит путь от инструмента заказчика, приспособленного для решения его целей, до инструмента коллективного участника социальных реформ, привлеченного перспективами их внедрения, становясь инструментом саморазвития общества, позволяющим привлекать к этому процессу всех его субъектов.

Литература

1. *Баталов Э.Я.* Современные глобальные тренды и новое сознание // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1. С. 4—17.
2. *Болтански Л., Кьятелло Э.* Новый дух капитализма. М.: НЛО, 2011. 976 с.
3. *Бортник Р., Спиридонов Н., Гаевский Д., Семенов М.* Реформа образования [Электронный ресурс]. URL: <https://uiamp.org.ua/cref/reforma-obrazovaniya> (дата обращения: 09.04.2020).
4. *Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. 285 с.
5. *Дзялошинский И.М.* Коммуникационное сопровождение versus PR? // Информационное сопровождение социальных проектов в современном обществе / Под ред. М.И. Дзялошинской. М.: ИД АТИСО, 2010. С. 164—174.
6. *Дзялошинская М.И., Дзялошинский И.М.* От информационного сопровождения к информационному партнерству // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. Т. 4. № 4. С. 349—365.
7. *Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2008. 480 с.
8. *Инновационная сложность* / Отв. ред. Е.Н. Князева. СПб.: Алетейя, 2016. 608 с.
9. *Кейнер С., Линд Л., Толди К., Фиск С., Бергер Д.* Руководство фасилитатора: как привести группу к принятию совместного решения. М.: Издательство Дмитрия Лазарева, 2013. 344 с.
10. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно—сетевую теорию. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2014. 384 с.
11. *Лепский В.Е.* Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеоклассике). М.: «Когито—Центр», 2016. 160 с.
12. *Луков Вал. А.* Социальное проектирование. М.: Флинта: Социум, 2003. 240 с.
13. *Луков Вал. А.* Тезаурусная концепция социального проектирования [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gumtech/projection/articles/2007/Lukov/3/> (дата обращения: 09.04.2020).

14. *Манойло А.В.* Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. 388 с.
15. *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Предисловие редакторов тематического выпуска // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 7–9. DOI:10.17759/sps.2018090301
16. Модернізаційні процеси в освіті та суспільстві: психотехнології супроводу / За ред. П.Д. Фролова. Кіровоград: Імекс—ЛТД, 2013. 312 с.
17. *Москалев И.Е.* Методология и методика государственного управления инновационными социальными процессами // Образование и общество. 2007. № 5. С. 62–69.
18. Національна доповідь про стан і перспективи розвитку освіти в Україні / За заг. ред. В.Г. Кременя. Київ: Педагогічна думка, 2016. 448 с.
19. *Нестик Т.А.* Коллективный образ будущего: социально–психологические аспекты прогнозирования // Вопросы психологии. 2014. № 1. С. 3–13.
20. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение: открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с.
21. *Плющ А.Н.* Конструируемый текст идентичности // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 28–39.
22. *Плющ А.Н.* Синергетическая модель организации общества // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 14–22.
23. *Плющ А.Н.* Социально-психологические механизмы информационного влияния. Нежин: Аспект–Поліграф, 2017. 244 с.
24. Реанімаційний пакет реформ [Електронний ресурс]. URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/Реанімаційний_пакет_реформ (дата обращения: 09.04.2020).
25. Реформи в Україні: чи знають, чи вірять, чи підтримують // Громадська думка. 2018. № 32. С. 2–15.
26. Рівень поінформованості населення України про реформи, оцінка впливу реформ на особисте становище громадян [Електронний ресурс]. URL: <http://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/riven-poinformovanosti-naselennia-ukrainy-pro-reformy-otsinka-vplyvu-reform-na-osobyste-stanovyshche-hromadian> (дата обращения: 09.04.2020).
27. *Семененко И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03
28. *Соловьев А.И.* Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. 2016. № 2. С. 90–108. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.08>
29. *Соловьев А.И.* Принятие государственных решений. М.: КНОРУС, 2006. 344 с.
30. Суспільно–політичні настрої жителів України: червень 2018 року [Електронний ресурс]. URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=767&page=1&y=2018&m=6> (дата обращения: 09.04.2020).
31. *Тощенко Ж.Т.* Социология. Общий курс. М.: Прометей: Юрайт–М, 2001. 511 с.
32. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
33. *Шишкина М.А.* Паблик рилейшнз в системе социального управления. М.: Паллада-медиа, 2002. 444 с.

34. Яницкий О.Н. Социальные изменения и управление // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 134–143. DOI: 10.17976/jpps/2016.05.11
35. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor–Network–Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 301 p.

References

1. Batalov E.Ya. Sovremennye global'nye trendy i novoe soznanie [Modern global trends and new consciousness]. *Mezhdunarodnye protsessy [International processes]*, 2012. Vol. 10, no. 1, pp. 4–17.
2. Boltanski L., K'apello E. Novyi dukh kapitalizma [New spirit of capitalism]. Moscow: NLO, 2011. 976 p. (In Russ.).
3. Bortnik R., Spiridonov N., Gaevskii D., Semenov M. Reforma obrazovaniya [Elektronnyi resurs] [Education reform]. URL: <https://uiamp.org.ua/cref/reforma-obrazovaniya> (Accessed 09.04.2020).
4. Gavra D.P. Osnovy teorii kommunikatsii [Basics of communication theory]. Saint-Petersburg: Piter, 2011. 285 p.
5. Dzyaloshinskii I.M. Kommunikatsionnoe soprovozhdenie versus PR [Communication support versus PR?]? In Dzyaloshinskaya M.I. (ed.). *Informatsionnoe soprovozhdenie sotsial'nykh proektov v sovremennom obshchestve [Information support of social projects in modern society]*. Moscow: ID ATISO, 2010, pp. 164–174.
6. Dzyaloshinskaya M.I., Dzyaloshinskii I.M. Ot informatsionnogo soprovozhdeniya k informatsionnomu partnerstvu [From information support to information partnership]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki [Questions of the theory and practice of journalism]*, 2015. Vol. 4, no. 4, pp. 349–365.
7. Devis E. Tekhnognozis: mif, magiya i mistitsizm v informatsionnyu epokhu [Technognosis: Myth, Magic and Mysticism in the Information Age]. Ekaterinburg, Ul'tra. Kul'tura, 2008. 480 p. (In Russ.).
8. Innovatsionnaya slozhnost' [Innovative complexity]. In Knyazeva E.N. (ed.). Saint-Petersburg: Aleteiya, 2016. 608 p.
9. Keiner S., Lind L., Toldi K., Fisk S., Berger D. Rukovodstvo fasilitatora: kak privesti gruppu k prinyatiyu sovместного resheniya [Facilitator's Guide: How to lead a group to make a joint decision]. Moscow: Publ. Dmitriya Lazareva, 2013. 344 p. (In Russ.).
10. Latur B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno–setevuyu teoriyu [Rebuilding the social: an introduction to actor-network theory]. Moscow: Publ. NIU VShE, 2014. 384 p. (In Russ.).
11. Lepskii V.E. Tekhnologii upravleniya v informatsionnykh voynakh (ot klassiki k postneklassike) [Management technologies in information wars (from classics to post-non-classics)]. Moscow: «Kogito–Tsentr», 2016. 160 p.
12. Lukov Val.A. Sotsial'noe proektirovanie [Social engineering]. Moscow: Flinta: Sotsium, 2003. 240 p.
13. Lukov Val.A. Tezaurusnaya kontseptsiya sotsial'nogo proektirovaniya [Elektronnyi resurs] [Thesaurus Concept of Social Design]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*. 2007, no. 3. URL: <http://www.zpu-journal.ru/gumtech/projection/articles/2007/Lukov/3/> (Accessed 09.04.2020).

14. Manoilo A.V. Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v osobykh usloviyakh [State information policy in special conditions]. Moscow: MIFI, 2003. 388 p.
15. Mel'nikova O.T., Khoroshilov D.A. Predislovie redaktorov tematicheskogo vypuska [Preface editors of thematic edition]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 7–9. DOI:10.17759/sps.2018090301 (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Modernizatsiini protsesi v osviti ta suspil'stvi: psikhotehnologii suprovodu [Modernization processes in education and society: psychology of support]. In Frolov P.D. (ed.). Kirovograd: Imeks—LTD, 2013. 312 p.
17. Moskalev I.E. Metodologiya i metodika gosudarstvennogo upravleniya innovatsionnymi sotsial'nymi protsessami [Methodology and methods of state management of innovative social processes]. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and society], 2007, no. 5, pp. 62–69.
18. Natsional'na dopovid' pro stan i perspektivi rozvitku osviti v Ukraïni [National report on the state and prospects of education development in Ukraine]. In Kremen V.G. (eds.). Kiïv: Pedagogichna dumka, 2016. 448 p.
19. Nestik T.A. Kollektivnyi obraz budushchego: sotsial'no—psikhologicheskie aspekty prognozovaniya [The collective image of the future: social psychological aspects of prognostication]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 2014, no. 1, pp. 3–13.
20. Noel'-Noiman E. Obshchestvennoe mnenie: otkrytie spirali molchaniya [Public Opinion: Opening the Spiral of Silence]. Moscow: Progress-Akademiya, Ves' Mir, 1996. 352 p. (In Russ.).
21. Pliushch A.N. Konstruiruemyi tekst identichnosti [Identity as a constructed text]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 2018, no. 1, pp. 28–39. (In Russ., abstr. in Engl.).
22. Plyushch A.N. Sinergeticheskaya model' organizatsii obshchestva [A synergetic model of society organization]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2014, no. 10, pp. 14–22.
23. Plyushch A.N. Sotsial'no—psikhologicheskie mekhanizmy informatsionnogo vliyaniya [Socio-psychological Mechanisms of Information Influence]. Nezhin: Aspekt-Poligraf, 2017. 244 p.
24. Reanimatsiyni paket reform [Elektronnyi resurs] [Resuscitation reform package]. URL: https://uk.wikipedia.org/wiki/Реанімаційний_пакет_реформ (Accessed 09.04.2020).
25. Reformi v Ukraïni: chi znayut', chi viryat', chi pidtrimuyut' [Reforms in Ukraine: Do they know if they believe or support]. *Gromads'ka dumka* [Public Opinion], 2018, no. 32, pp. 2–15.
26. Riven' poinformovanosti naseleण्या Ukraïni pro reformi, otsinka vplivu reform na osobiste stanovishche gromadyan [Elektronnyi resurs] [Awareness of the population of Ukraine about reforms, assessment of the impact of reforms on the personal situation of citizens]. URL: <http://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/riven-poinformovanosti-naseleण्या-ukrainy-pro-reformy-otsinka-vplyvu-reform-na-osobyste-stanovyshche-hromadian> (Accessed 09.04.2020).
27. Semenenko I.S. Politika identichnosti i identichnost' v politike: etnonatsional'nye rakursy, evropeiskii kontekst [Identity politics and identity in politics: ethnonational

- perspectives, the European context]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 4, pp. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03 (In Russ., abstr. in Engl.).
28. Solov'ev A.I. Gosudarstvo kak proizvoditel' politiki [The State as Manufacturer of Policy]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 2, pp. 90–108. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.02.08> (In Russ., abstr. in Engl.).
29. Solov'ev A.I. Prinyatie gosudarstvennykh reshenii [Government decision making]. Moscow: KNORUS, 2006. 344 p.
30. Suspil'no–politichni nastroi zhiteliv Ukraïni: cherven' 2018 roku [Elektronnyi resurs] [Public-political mood of the inhabitants of Ukraine: June 2018]. URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=767&page=1&y=2018&m=6> (Accessed 09.04.2020).
31. Toshchenko Zh.T. Sotsiologiya. Obshchii kurs [Sociology. General course]. Moscow: Prometei: Yurait–M, 2001. 511 p.
32. Khabermas Yu. Filosofskii diskurs o modern [The Philosophical Discourse of Modernity]. Moscow: Ves' mir, 2003. 416 p. (In Russ.).
33. Shishkina M.A. Pablik rileishnz v sisteme sotsial'nogo upravleniya [Public relations in the social management system]. Moscow: Pallada–media, 2002. 444 p.
34. Yanitskii O.N. Sotsial'nye izmeneniya i upravlenie [Social change and governance]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2016, no. 5, pp. 134–143. DOI: 10.17976/jpps/2016.05.11 (In Russ., abstr. in Engl.).
35. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor–Network–Theory. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 301 p.

Информация об авторах

Плющ Александр Николаевич, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория методологии психосоциальных и политико-психологических исследований, Институт социальной и политической психологии Национальной академии педагогических наук Украины, г. Киев, Украина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8398-5148>, e-mail: plyushch11@mail.ru

Information about the authors

Aleksandr N. Plyushch, Doctor of Psychology, Senior Researcher, Leading Researcher Department of Psycho-Social and Politico-Psychological Research Methodology, Institute for Social and Political Psychology of NAES of Ukraine, Kiev, Ukraine, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8398-5148>, e-mail: plyushch11@mail.ru

Получена 13.06.2019

Received 13.06.2019

Принята в печать 09.04.2020

Accepted 09.04.2020

Психология масс и социальная история

Семечкин Н.И.

**ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет»
(ФГАОУ ВО ДВФУ),**

г. Владивосток, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semechkin_nik@mail.ru

Цель исследования. Проанализировать исторический процесс и, в частности, движения народных масс не с привычных для отечественных исследователей позиций знаменитого тезиса К. Маркса «бытие определяет сознание», а с противоположных — общественное сознание детерминирует общественное бытие — с тем, чтобы проследить, как трансформация общественного сознания в направлении его деколлективизации и демифологизации, вызывающая шокирующий психический дискомфорт, порождает массовые социальные движения, бессознательно стремящиеся в прошлое, что и предопределяет ход социальной истории.

Контекст и актуальность исследования. Наивно-стихийный «материализм» обыденного сознания, что еще удивительнее, ученых-психологов затрудняет понимание реальных детерминант человеческого поведения, то есть того факта, что в подоплеке и индивидуального поведения, и общественной жизни, и истории в целом лежит не политика, не экономика, а социальная психология, что, вопреки известному ленинскому афоризму, политика и экономика являются концентрированным выражением психологии.

Используемая методология. Теоретический анализ социально-философской и психологической литературы; сравнительно-исторический анализ.

Основные выводы. Трансформации общественного сознания инициируют создание утопических проектов, спроецированных в прошлое. Утопии вызывают мощные социальные движения масс, зачарованных иррациональной идеей возврата в «золотой век», в рай. Таким образом, динамику социально-историческим процессам задают не экономика и не политика, а логика трансформации архаического коллективного сознания в ходе его индивидуализации и демифологизации.

Ключевые слова: психология масс, коллективное сознание, ментальная индивидуализация, социальные движения, «золотой век» (рай).

Для цитаты: Семечкин Н.И. Психология масс и социальная история // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 20–37. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110202>

Mass Psychology and Social History

Nikolai I. Semechkin

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semechkin_nik@mail.ru

Objectives. *To analyze the historical process and in particular the movements of the masses not from the familiar for Russian researchers positions of famous Karl Marx's thesis: "being determines consciousness", but from the opposite point of view — social existence is determined by the state of public social consciousness, with the purpose to see how the transformation of social consciousness towards its decollectivization and demythologization, that creates shocking mental discomfort, generates mass social movements unconsciously seeking back in time, which predetermines the course of social history.*

Background. *Naive-spontaneous "materialism" of ordinary consciousness, but, even more surprising, scientists' psychologists, makes it difficult to understand the real determinants of human behavior, that is, the fact that in the basis of individual behavior, and public life, and history in general lies not politics, not economics, but social psychology, that, contrary to the well-known Lenin's aphorism, politics and economics are a concentrated representation of psychology.*

Methodology. *Theoretical analysis of socio-philosophical and psychological literature; comparative-historical analysis.*

Conclusions. *Transformation of public consciousness initiates the creation of utopian projects oriented into the past. Utopias evoke powerful social movements of the masses, fascinated by the irrational idea of returning to the "golden age," in paradise. Thus, the dynamics of social-historical processes are determined not by economics and politics, but by the logic of the transformation of the archaic collective consciousness in the course of its individualization and demythologization.*

Keywords: *mass psychology, collective consciousness, the masses, mental individualization, social movements, «the Golden Age» (Paradise).*

For citation: Semechkin N.I. Mass Psychology and Social History. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 20–37. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110202> (In Russ.).

В этом великом мифологическом сценарии с его ритуальным противоборством, состояниями священной ярости, надеждами на искупление, определенностью хода планет и ожиданиями великого золотого века революция является парадигматическим действием архаического человечества, архетипом первобытного мира.

*Мелвин Ласки
«Утопия и революция»*

Выросшие на идеологии истмата с его концепцией линейного прогресса, мы привыкли все социальные движения в истории, за редким исключением (напри-

мер, фашистского), рассматривать как революционные и прогрессивные. В то же время призыв Жан-Жака Руссо «Назад, к природе!» в советском обществоведении либо игнорировался и никак не объяснялся, либо считался утопическим чудачеством «мелкобуржуазного мыслителя» (что возьмешь — не марксист!), но встречал сочувствие.

Между тем Густав Лебон, характеризуя сознание народных масс, которые и выступают движущей силой социальных движений, отмечает его консерватизм и реакционность. Несмотря на то, что, на первый взгляд, помыслы масс устремлены в будущее, на самом деле, полагает Лебон, под видом отказа от прошлого и движения вперед в массах постоянно теплится и возрождается идея возврата в прекрасное прошлое [20; 21]. Массы, таким образом, мечтают не о светлом будущем, а о «великом» прошлом.

Лебону стоит доверять: вся история XX и начавшегося XXI веков — блестящее и трагическое¹ подтверждение истинности его идей и прогнозов. Остается лишь выяснить: насколько далекое прошлое очаровывает «коллективную душу массы»? Зигмунд Фрейд в этой связи развивает мысль Лебона и уточняет, что поскольку в каждом отдельном индивиду латентно сохраняется первобытный человек, то масса кажется нам вновь ожившей первобытной ордой с присущей ей

древнейшей психологией человечества [35, с. 328].

С Фрейдом, конечно, принято не соглашаться. Он хоть и более популярная, чем Лебон, фигура, но поставил человека перед таким беспощадным зеркалом, что с homo sapiens`а, привыкшего к самолюбованию², слетела вся его спесь, чем вызвал шквал остервенелой критики в свой адрес, которая не смолкает вот уже более ста лет, и приобрел, таким образом, неоднозначную репутацию.

Но, с другой-то стороны, первооткрывателем данного факта является совсем не Фрейд и даже не Лебон, а Джеймс Дж. Фрэйзер [36]. Кроме того, современные как отечественные [3; 7; 30], так и зарубежные [34; 41; 42; 43; 44] авторы обнаруживают и анализируют различные элементы архаической психики и магического мышления, имплицитно (и влиятельно) присутствующие в жизни уже сегодняшнего общества.

Поэтому обратимся к фактам. Первые масштабные движения народных масс возникают в европейской античности, которой, согласно марксистской историографии, предшествует первобытнообщинный строй, где социальных движений не могло быть по определению. Античная культура, как известно, была разрушена. Закат античности ознаменовался крушением Римской империи. Хосе Ортега-и-Гассет утверждает

¹ Трагическое, поскольку психологию масс Лебона всерьез восприняла лишь небольшая группа диктаторов — Ленин, Сталин, Гитлер, Муссолини — и авторитарных лидеров: Рузвельт, Шарль де Голль и т.д. Для «респектабельной» же психологии, как, впрочем, и всей остальной академической антропологии, построенной на шатком фундаменте утопических идей просвещения и гуманизма (XVIII век), психология масс Лебона до сих пор так и остается периферийной и даже маргинальной теорией. Как пишет издатель его книг в России: «Те, кому книги (Лебона) адресовались автором, остались глухи к его предупреждениям и предвидениям» [21, с. 12].

² Поскольку, как правило, знает лишь о первой части линнеевского определения, игнорируя вторую: Homo sapiens nosce te ipsum — человек разумный, познай себя самого.

по этому поводу, что история Римской империи есть, в сущности, история ее гибели, история восстания и господства масс, которые поглотили и уничтожили ведущее меньшинство [29, с. 123]. Если согласиться с бесспорным, думается, тезисом Карла Юнга, что «перевороты, происходящие в нашем мире, и сдвиги в нашем сознании — суть одно и то же» [40, с. 215], то нам вновь придется обратиться к психологии масс и попытаться выяснить, что за сдвиги в массовом сознании привели к перевороту, уничтожившему античность.

Сразу оговорюсь, развернутый анализ архаического сознания — отдельная проблема, которая исследовалась ранее [31]. Здесь же, поскольку предметом разговора является психология массовых социальных движений, ограничимся констатацией важнейших ее характеристик.

Эмиль Дюркгейм [15] называет архаическое сознание «коллективным сознанием»³, а совокупность имеющихся в нем знаний — «коллективными представлениями». Важно отметить трансперсональный характер этого психического образования, субъектом данного типа сознания выступает не отдельный индивид, а популяция в целом. Кроме того, коллективному сознанию присущи мифичность, пралогичность, инкорпорированность⁴, синкретность, эмоциональность, внеморальность, ощущение собственного всемогущества и бессмертия [11; 17; 22; 24; 40]. Носитель коллективного сознания ограничен этноцентриче-

ской установкой, мир для него делится на своих и чужих, на «Мы» и «Они», где «Они» — средоточие зла, а «Мы» — кладезь добродетели. Его жизнь регулируется находящейся по ту сторону добра и зла системой табу. Этнос подобного типа Анри Бергсон называет «закрытой моралью» [6]. Ей не введома совесть, которая доставляет массу проблем сознанию цивилизованному — индивидуальному, личностному. Поведение субъекта коллективного сознания безальтернативно, оно регулируется обычаями, а не выбором.

Коротко обобщая, можно сказать, что совокупность всех этих характеристик архаического сознания формирует у его субъекта предпосылки «райского» самоощущения и служит исходным источником и материалом для формирования как архетипа, так и мифологемы Рая (парадиза, райских кущ, елисейских полей, элизиума, эдема, обители блаженных, «небес», «золотого века» и т.д.).

Распад первобытности связан с деформацией коллективного сознания и вычлениением сознания персонального. Причину ментальной дезинтеграции и разрушения коллективного сознания Бергсон усматривает в росте численности первобытных популяций. Коллективное сознание, полагает философ, хорошо «работает» в условиях небольших по численности социальных групп, оно возникает и функционирует в рамках малочисленных сообществ. Увеличение численности популяций вызывает деформирование коллективного сознания,

³ Дюркгейм, как и подавляющее большинство мыслителей того времени, придерживался господствующей в Европе философской парадигмы Декарта—Локка, согласно которой человеческая психика (душа) отождествлялась с сознанием. Таким образом, «коллективное сознание» Дюркгейма, по сути, означает коллективную психику.

⁴ От латинского *in corpore* — в целом, целиком, без разделения (понятие Алексея Лосева) [24].

так как оно не «растягивается» на большие группы [6]. Добавим, что процесс этот, по всей вероятности, каузально связан с ослаблением идентификаций индивидов с группами членства — семейными, родовыми, этническими и т.д., благодаря чему психический распад групп ускоряется и интенсифицируется.

Первый значительный итог ментальной индивидуализации — античная культура и начало фиксируемой истории. На смену эпохам дикости и варварства⁵ приходит цивилизация. Античность наносит еще более мощный удар по коллективному сознанию, создав философию. Эдмунд Гуссерль в этой связи утверждает, что созданная в Древней Греции в VII—VI столетиях до Р.Х. философия сформировала у человека новую установку в отношении универсума, благодаря которой и зародилась европейская цивилизация, возникло европейское человечество [13, с. 104].

Когнитивный переворот, вызванный рождением философии, инициировал широкомасштабные социальные процессы двоякого рода. С одной стороны, теоретический способ мышления быстро распространяется, поскольку «незамедлительно воспринимается и перенимается путем обучения и подражания» [13, с. 108], причем не только в национальных границах. С другой же стороны, философское, теоретическое постижение мира разрушает прежние коллективные представления, порождая тем самым психологические диссоциации, душевные расколы, духовную, идейную борьбу. Противоборство сторонников и противников философии постепенно распространяется на сферу социально-поли-

тических коллизий, в результате чего национальные культуры оказываются на переломе. Понятно, что идеологическая борьба неизбежно порождает преследование и гонения инакомыслящих, философы и их последователи подвергаются травле, остракизму [13, с. 110].

На «раскол в душе» как на ключевую причину упадка Римской цивилизации указывает и Арнольд Тойнби, отмечая, что раскол в человеческих душах — это эпицентр общественного раскола. Душевный раскол отражается во всех сферах общественной жизни, поэтому для понимания глубинной социальной реальности необходимо анализировать именно диссоциации, раскол человеческой психики [33, с. 358].

Внутренние расколы, о которых говорят Гуссерль и Тойнби, возникают не только в масштабах национальных культур, они образуются в психике каждого индивида. Финал — восстание масс и гибель античности, о чем и пишет Ортега-и-Гассет [29, с. 123]. Следовательно, бунт, приведший к упадку античности, был бунтом против цивилизации, против нового человека и человечества. Это был мятеж человека против самого себя, против раздвоенности своего духа.

Социальный взрыв, прогремевший в то время, оказался настолько мощным, что разрушил не только античную культуру, но и на тысячелетие задержал становление новой европейской культуры.

В этой связи необходимо хотя бы вкратце затронуть проблему факторов социогенеза и, в частности, «роли личности в истории». В упоминавшейся работе Гуссерль замечает, что европей-

⁵ По классификации Адама Фергюссона, который в 1768 г. разделил историю человечества на эпохи дикости, варварства и цивилизации.

ская культура обязана своим рождением «паре греческих чудиков» [13, с. 110]. Думается, с философом здесь можно согласиться лишь частично. Свои «чудаки» появлялись и в других культурах, в частности, в Китае и Индии, но ничего похожего на «европейское человечество» с его социально-экономическим, научно-техническим и гуманитарным динамизмом там не возникло.

Кстати, точно так же дело обстоит и с таким фактором общественного развития, как появление капиталистической формы хозяйствования. На ключевой роли капитализма в развитии индустриальной экономики, а следовательно, и современного общества, настаивает марксистская, материалистическая социология, согласно которой капиталистические отношения возникают как результат диалектики производительных сил и производственных отношений [39].

Данный основополагающий постулат марксизма довольно убедительно опровергает Макс Вебер, утверждая, что капитализм в том виде, как его понимают марксисты, существовал уже в Древней Индии, Древнем Китае и Вавилоне. Древнему капитализму — Вебер называет его традиционным — были присущи жажда наживы, классовое общество, эксплуатация (получение прибавочной стоимости), то есть все то, что марксизм вкладывает в понятие «капитализм». Но в нем отсутствовало главное качество, присущее современному капитализму — дух капитализма, сформировавшийся вследствие европейской Реформации Нового времени [8]. Таким образом, именно протестантская трудовая этика, а не диалектика производительных сил и производственных отношений, породила дух современного капитализма, который, в свою очередь, придал невиданный ди-

нализм сначала европейской, а затем и глобальной истории.

Некоторые исследователи [2; 4; 9; 17] называют еще один фактор, повлиявший на становление европейской культуры — христианство. Но и с этим выводом можно согласиться лишь частично. Ни монотеизм как таковой, ни христианская его разновидность сами по себе не могли оказать решающего влияния на становление «европейского человечества». Конечно, «чудаки», в том числе и греческие, нанесли сильный удар по коллективному сознанию, дав толчок развитию психической индивидуализации человека. Разумеется, и монотеизм во всех его разновидностях внес дополнительный импульс в этот процесс. Но оба эти импульса и в Европе могли заглохнуть, как это произошло в других культурах и регионах планеты.

Поэтому, представляется, не христианское вероучение вообще, а отдельный его элемент — институт исповеди, который отсутствует во всех остальных мировых религиях, выступил мощнейшим механизмом деколлективизации сознания индивидов, послужив основной предпосылкой для формирования как современной нравственности, так и «общечеловеческих» ценностей. Наглядным свидетельством того, что в основании и кантовского категорического императива, и системы цивилизованной нравственности в целом лежит исповедальная практика, является «Исповедь» Августина Блаженного [1]. Благочестивый христианин, вынужденный перед лицом Страшного суда заботиться о спасении, обязан каждодневно проводить «ревизию» собственной души и поступков, исподволь втягиваясь в рефлексивную практику, итогом которой становится формирование новых структур сознания,

отсутствующих в сознании коллективном — самосознания, самооценки, самоанализа, совести и т.д. Конечно, процесс этот долгий и неспешный.

Перечень факторов, повлиявших на становление европейской культуры, разумеется, не исчерпывается названными. Здесь же важно отметить, что практика исповеди принесла свои плоды, и уже в конце XVII века Джон Локк открывает в Европе человека нового социально-психологического типа — личность⁶, существенными признаками которой он называет разум (сознание и мышление) и рефлексию [23].

После крушения европейской античности во всю эпоху средневековья коллективное сознание вроде бы восстановило утраченные позиции. Как отмечает Юнг, миропонимание средневекового человека мало чем отличается от картины мира любого другого субъекта коллективного мифического сознания [40, с. 211].

Но предпосылки ментальной индивидуализации, заложенные ритуальной практикой исповеди в основание христианства, вкупе с детищем «пары греческих чудачков» — теоретическим мышлением в виде философии, а затем и науки — медленно, но неизбежно разрушали коллективное сознание средневекового европейского человечества. И уже в позднем средневековье произошло новое «восстание масс».

Об этом можно судить по всплеску социальных волнений, войн, бунтов, захлестнувших Европу эпохи позднего Средневековья. Проследивая логику социальных изменений того периода, Мелвин Ласки утверждает, ссылаясь

на мнение историка Нормана Кона, занимающегося проблемой «поиска тысячелетнего царства», что предпосылки к европейским реформам XVI века и даже Великой французской революции XVIII века возникли еще в XIV веке. Именно тогда, в 1380 году, полагает Кон, в мятежные времена английского крестьянского восстания под водительством Джона Болла зарождается новая, революционная эсхатология позднего Средневековья, сменившая вектор наивных социальных мечтаний об обществе без различий в статусе и богатстве, когда вместо ностальгических грез о безвозвратно канувшем в прошлое золотом веке люди расположили его в неизбежном ближайшем будущем [19].

Здесь стоит уточнить, что утверждение Н. Кона об изменении в XIV веке временного вектора в поисках «рая» противоречит историческим фактам. Фрэнк и Фриззи Мэньюэль убедительно свидетельствуют, что и в XIV веке «рай» все еще виделся в прошлом. Авторы пишут, что и в позднем Средневековье (XIV век) массами отвергаются как древние мотивы фольклорных утопий страны Кокейн, так и рационалистические городские утопии греческих философов. Коллективные грезы бунтующих масс и в позднем Средневековье все так же были преисполнены райскими образами, навеянными Библией и пророчествами. Это было характерно и английским лоллардам во главе с Джоном Боллом, для которых оправданием социального протеста служили Евангелия, где мир был описан таким, каким он должен быть, и гуситам Богемии, которые мечтали о патриархаль-

⁶ Причем не разрозненных одиночек, как в античности, а представляющих значительные социальные слои.

ных порядках и правителях, подобных пророкам Ветхого завета. Фантазии уходили своими корнями еще глубже, к садам Эдема, к естественности и простоте первого человека. Призывы к духовной истине и телесной наготе (хотя первое не является необходимым условием второго) соединялись в виде нового рождения. И Томас Мюнцер призывал верующих предстать перед Богом нагими, освобожденными от всего тварного [27, с. 22].

Как видим, и в XIV веке поиски рая продолжались в прежнем направлении — в прошлом. Но в позднем Средневековье и Возрождении грезы о «золотом веке» дополнились социальной активностью. Она стала следствием усилившейся ментальной индивидуализации и возросшей уверенности человека в своих силах. Бесплодная тоска и пассивное переживание потери «рая» сменяются активными его поисками и попытками в него вернуться.

Эрих Фромм называет реакцию на процесс индивидуализации сознания и отчуждения «бегством от свободы» [37]. Механизмами бегства, по его мнению, выступают авторитаризм, разрушительность и конформизм. Разумеется, разрушительность проявляется наиболее зримо и чувствительно. Причем, согласно Гансу Гюнтеру, враждебность и разрушительность отчетливо ориентированы. Анализируя «Чевенгур» Андрея Платонова, он замечает: «Ни в Новой Сурже, ни в Чевенгуре нет искусства или науки». «Нам нужно сочувствие, а не наука...», — говорит один из чевенгуровских большевиков. Саша Дванов выражает по отношению к культуре типичное для чевенгуровского мышления представление, что «пустое место», *tabula rasa* является лучшей предпосылкой для создания

будущей культуры: «Он в душе любил неведение больше культуры: невежество — чистое поле, где еще может вырасти растение всякого знания, но культура — уже заросшее поле. Поэтому Дванов был доволен, что в России революция выколола начисто редкие места зарослей, где была культура, а народ как был, так и остался чистым полем...».

Гюнтер отмечает, что аналогичные взгляды характерны были и для средневековых хилиастических движений. Так, например, Карл Каутский сообщал, что мюнстерские «перекрещенцы» испытывали глубокое недоверие по отношению к учености и знаниям, так как видели в них направленный против себя инструмент угнетения. Точно так же и в Таборе искусство и наука рассматривались как занятия, враждебные народу [14, с. 271–272].

В такой адресной ненависти нет ничего необычного. Интуитивно, но точно коллективным сознанием определяется главная угроза — философия, наука, искусство, то есть плоды индивидуальной когнитивной деятельности.

Период духовных потрясений и вызванных ими социально-политических катаклизмов занял в Европе четыре столетия. Заключительным аккордом европейской драмы того времени стала Великая французская революция. Значение этого времени в европейской истории трудно переоценить. Хосе Мараваль полагает в этой связи, что биполярное напряжение между «актуальной реальностью» и «парадигмой будущего» проявляется в разных формах (в наши дни оно сместилось в другие регионы планеты). Именно это напряжение, очень рано ставшее фактом истории Запада, и выступило движущей силой прогресса европейского общества, действуя на про-

тяжении веков как фактор изменений. Благодаря этому напряжению европейская культура приобрела непрерывную динамичность, которая, начиная с эпохи Просвещения, создает ее неповторимый облик [25, с. 211].

В одном пункте не соглашусь с Х. Маравалем — в определении полюсов «биполярного напряжения». Реальное «биполярное напряжение» в истории возникает не между «актуальной реальностью» и «парадигмой будущего», а между реальностью и парадигмой «золотого века», прошлого. Вместе с тем Мараваль справедливо указывает на то, что ныне это напряжение переместилось в другие регионы планеты. Уточню, что перемещаться оно стало не сегодня и не вчера.

Так, в Россию зона ментального конфликта и «биполярного напряжения» сместилась в XVI—XVII веках. Смутное время и церковный раскол, когда в российском христианстве возникают движения, напоминающие западную Реформацию, ознаменовали в России начало тех же процессов, что пережила постсредневековая Европа. На сходство этих движений указывает К. Каутский, отмечая, что российское сектанство может дать ключ к пониманию западной реформации, и наоборот [18]. Таким образом, окончание «русского средневековья» по сравнению с европейским запоздало примерно на полтора-два века.

Показателен в этом отношении и возникший в начале XIX века спор между славянофилами — «почвенниками» — и «западниками» в российской общественной мысли. Спор этот не только об ориентирах — на Запад или на Восток, но и о том, к какому типу культуры принадлежит Россия.

Сам факт попыток осмысления себя и своего места в мире — свидетельство того, что европейское рационально-теоретическое мышление появилось и в российском общественном сознании. Субъектом данного типа мышления в российском обществе выступила интеллигенция. Об этом пишет, в частности, Витторио Страда, отмечающий, что после реформ Петра Великого в России, повернувшейся в сторону Запада, «...возникло два национальных самосознания: одно, свойственное узкому кругу, обладающему властью и образованием, другое — самосознание народных масс» [32, с. 80]. Этот раскол общественного сознания, его раздвоение, а затем и растроение, когда интеллигенция оформилась в самостоятельный слой, не совпадающий с властными группами, и определил те «странность» и противоречивость положения российской интеллигенции, которые любят подчеркивать.

Мессианизм и идея избранности — тоже следствие и показатель того, что в российском общественном сознании возникла диссоциация, началось размежевание и противостояние двух менталитетов — традиционалистского и цивилизованного, коллективистского и индивидуалистического. Обнаружение и констатация того и другого, «восточного» и «западного» типов сознания в российской ментальности приводят к появлению идей о возможности «примирения» и даже синтеза Востока и Запада. Ведь поскольку российское общественное сознание уже «синтезировало» и то, и другое, то закономерно напрашивается вывод об исключительности, уникальности российской культуры (а там, конечно, и государственности, веры, народа-богоносца, которым пред-

уготовано дать миру пример, послужить образцом)⁷.

Но в споре славянофилов и западников о месте России в мире — Запад она или Восток — большей истиной обладают все же сторонники российской «самобытности». Россия действительно не Восток и не Запад, она между ними. Пётр Чаадаев первым, пожалуй, почувствовал, именно почувствовал, а не понял это, и в знаменитых «Философических письмах» как в зеркале отразил сложившуюся ситуацию [38].

После отмены крепостного права, а точнее, в конце XIX века, с началом столыпинских реформ, процесс разрушения коллективного сознания пошел в России особенно интенсивно. И серия российских революций начала XX века явилась закономерным следствием обострившегося конфликта в общественном сознании. Происходило нечто, аналогичное «восстанию масс» в Римской империи и постсредневековой Европе. Долго копившиеся иррациональная энергия и потенциал разрушительности («бегство от свободы») выплеснулись в самых мрачных проявлениях гражданской войны и всеобщего хаоса.

Каутский полагал, что в тогдашней России на смену традиционным религиозным формам социального протеста пришел социализм, являющийся более

высокой и современной формой борьбы народных масс, который и решит задачи, первоначально поставленные «наивным и неумелым» религиозным коммунизмом [18].

Стоит уточнить, что коммунизм, какие бы к нему эпитеты ни прилагались — религиозный, научный, утопический, реакционный, — сути от этого не меняет. И как идея, и как теория, и как учение, и как вера, и как строительство он был и остается бессознательным поиском «золотого века», стремлением в потерянный «рай». Коммунизм — бессознательная рационализация импульсов к возвращению в состояние коллективного сознания, к деиндивидуализации, к первобытности. К. Юнг считает, что коммунистическая идея является одним из архетипов коллективного бессознательного. Он пишет, что коммунистическая идея основывается на свято почитаемом архетипическом образе золотого века (или Рая), где, согласно мифу, в изобилии имеется все для каждого, где всем человеческим детским садом правит великий, справедливый и мудрый вождь.

Это архетипическое видение распространено не только в коммунистических обществах с их инфантильной психологией, оно распространено и на Западе, где массы находятся во власти той же самой мифологии и поэтому бессознательно до-

⁷ В контексте рассуждений об исключительности и самобытности российской культуры особенно интересно выглядит тот факт, что и идея особого пути, и даже само понятие особого пути (Sonderweg) пришли в российские общественное сознание и дискурс от немецких, националистически ориентированных романтиков — мыслителей, поэтов, писателей, выдвинувших эту компенсаторную идею в период политической раздробленности и промышленной отсталости немецкой нации начала XIX века. «Интеллигенция и правящие слои России механически заимствовали германские идеологические штампы, без какого-либо критического осмысления и не делая поправки на местные условия. Поэтому русский национализм, возникший как копия германского, до сих пор несет на себе печать немецкого рессентимента XIX века, что проявляется даже в терминологии вроде “духовности” (кальки с немецкого Spiritualität) или “особого пути” (Sonderweg)» [11].

рожат теми же детскими предрассудками, надеждами и ожиданиями [40, с. 78].

Сознание индивидов и общества на рефлекслируемом уровне может быть искренне устремлено в будущее, но на бессознательном уровне, на что справедливо указывает Г. Лебон [20; 21], эта жажда будущего оборачивается древней тоской по архаическому прошлому. Таким образом, в коммунистических мечтаниях за сияющими стенами воздушных замков постоянно скрываются мрачные пещеры — стойбища доисторического человека. Именно так, думается, обстоит дело с коммунистической идеей, где дорогу в будущее предполагается искать через прошлое «в снятом виде».

Еще в 30-е годы прошлого века это ясно понимал Ортега-и-Гассет, утверждая, что большевизм и фашизм представляют собой два ярких примера существенного социального регресса. Причем не только и даже не столько по содержанию своих теорий, сколько по антиисторизму и анахронизму направленности движений, типичных для человека массы. Ортега-и-Гассет пишет в этой связи, что движения эти «управляются, как всегда, людьми посредственными, несовременными..., которые с самого начала ведут себя так, словно уже стали прошлым, влились в первобытную фауну... Поэтому все, происходящее в России, не представляет исторического интереса; что-то, но это не переход к новой жизни. Наоборот, это монотонное повторение прошлого, трафарет... Почти то же самое, только с обратным знаком, можно сказать и о фашизме. Ни большевизм, ни фашизм не стоят на высоте эпохи, и большевизм, и фашизм — ложные зори, они предвещают не новый день, а возврат к архаическому, давно пережитому, они первобытны. И та же судьба ожидает все движения, которые простодушно вступят в бой с той или иной

частью прошлого вместо того, чтобы его пережить» [29, с. 153].

И уж коли речь зашла о коммунизме и марксизме, то нельзя не сказать о роли, которую сыграла эта идеология в метаморфозах сознания той части человечества, где в XX веке возникла зона столкновения традиционалистского и цивилизованного менталитетов. Лучше всего ее проясняет характеристика марксизма, данная Даниелом Беллом — «начавшись как движение разума, марксизм заканчивается как культ» [5, с. 106].

Действительно, социальная философия марксизма даже генетически очень противоречива. Это видно уже на примере сочетания «трех источников, трех составных частей» марксизма. С одной стороны, в нем оказалась до мозга костей рациональная английская политэкономия, с другой — иррациональное стремление в потерянный «рай» — утопический социализм. И как мостик между ними, где и того, и другого намешано вдоволь — немецкая классическая философия.

В качестве такого идеологического кентавра марксизм и явился на российскую почву. Затем, по мере распространения европейского менталитета, когда цивилизация в своей экспансии вторгается в другие регионы планеты, марксистскую идеологию — именно в силу ее «кентаврической» сущности — стали охотно примерять к своему диссоциированному сознанию другие общества, пребывающие в состоянии социально-психологического хаоса — в Азии, Африке, Латинской Америке.

То, что марксизм в XX веке «пришелся ко двору» именно в России, Китае, других обществах, где господствовало коллективное сознание, не случайно. На закономерный характер российской катастрофы 1917 года справедливо указывает

В. Страда, отмечая, что попытки русских националистов переложить ответственность за гибель «подлинной России» на евреев беспочвенны, поскольку это сама «подлинная Россия» двинулась к своему концу [32, с. 62].

Владимир Зотов, исследовавший революционные процессы в Китае, также свидетельствует, что искренний энтузиазм масс в годы «большого скачка» и безропотное принятие его трагических последствий (особенно в деревне), широкое участие молодежи в шабашах «культурной революции» и выдвигаемые рабочим классом лозунги типа «Нам не нужны свобода и демократия, мы хотим есть» — все это заставляет серьезно усомниться в том, что «большой скачок назад» — это случайность или кратковременное отступление [16, с. 215].

Провозгласивший конечной целью построение «рая», то есть воссоздание общества — субъекта коллективного сознания, марксизм в качестве идеологии был благосклонно принят общественным сознанием российского общества. Это подтверждает мысль Д. Белла о том, что марксизм строится на переработанных религиозных мифах. В развитии своей мысли он пишет, что миф о грехопадении и восстановлении единства человека с богом был философски изложен Гегелем в учении о законе, соединяющем противоположности. Маркс же, утверждая, что первобытный коммунизм отрицается различием эксплуататоров и эксплуатируемых, физического и умственного труда, города и деревни, но затем будет восстановлен на высшей основе как царство человека, стоял на почве того же религиозного мифа [5].

Но поскольку марксистская идеология внутренне противоречива, а общественное сознание, очаровывающееся

коммунистической идеей, диссоциировано, то и коммунистическое учение не могло уже претендовать на роль истинной мифологии. Марксизму, как, впрочем, и любому другому деградационному учению, всегда уготована роль псевдомифологии. «Аналог мнимого конца капиталистической цивилизации и наступления коммунизма многими усматривался в крушении античного мира и рождении христианства, — говорит В. Страда. — Однако сегодня особенно очевидно, что эта зловеще-карикатурная аналогия отражает лишь гротескную претензию коммунизма создать «новый мир» и заменить собой христианство и вообще все религии, претензию, не имеющую шансов на успех» [32, с. 62].

Отметив мысль В. Страда о тщетности претензий коммунизма заменить религию и вообще мифическое сознание, необходимо сказать и о другом — о том, что идея коммунизма, став политической доктриной, способна законсервировать состояние диссоциации общественного сознания, особенно в тех случаях, когда в обществе доминирует механическая солидарность. Созданная для воплощения в жизнь коммунистического идеала соответствующая социально-политическая система прилагает все усилия к тому, чтобы поддерживать, сохранять, даже культивировать и создавать условия существования коллективного, мифологизированного сознания.

Свидетельством того, как коммунистическая идеология функционирует в роли консерванта мифического сознания масс, служат социологические исследования в России начала 90-х годов. Вот, к примеру, данные исследования политического сознания молодежи: «В результате факторного анализа были обнаружены три ориентации. Демократическая

и патриотическая образовывали самостоятельные факторы, описывающие, соответственно, 2,7 и 2,1% общей вариации признаков. Но 95% вариаций описывает тоталитарно-большевистская ориентация!» [28, с. 73].

Но и не только. В. Зотов в упоминавшейся статье констатирует, что в Китае частичная деидеологизация 80-х годов сопровождалась всплеском массового интереса к идеям, имеющим самые прочные корни в бессознательном. Помыслы и действия людей резко переместились в этноконфессиональную сферу. Многими умами овладела всегда присутствующая в китайской традиции идея национальной исключительности, обратной стороной имеющая комплекс неполноценности [16, с. 220].

Уже в наше время, более полувека спустя после «большого скачка» и «культурной революции» современные китайские исследователи, анализируя крестьянские волнения в провинции Ухань («Уханьский инцидент»), констатируют в массовом сознании сельского населения Китая, то есть подавляющей части китайского общества, наличие все тех же паттернов коллективного сознания: патерналистскую убежденность (правители государства должны заботиться о благополучии каждого жителя), веру в высшую справедливость («благословение богов», «космическая власть», «небесные принципы»), общинную этику («борьба за “Ци”⁸»), религиозность, мифичность сознания, магическую и мистическую составляющую верований [41; 43; 44].

Лев Гудков в начале 90-х годов, ссылаясь на результаты социологических ис-

следований «Советский человек», отмечает преобладание в структуре ценностей советского населения этноцентрической установки. Реакцией на распад тоталитаризма в СССР стал рост социальных движений, ставших показателем распада «державного» коллективного сознания, в умах людей возродились «почвеннические» романтические утопии, мифология автократии и аристократии, ксенофобия и шовинизм, формировались и зрели компенсаторные психические комплексы. Разложение и диссоциация тоталитарного сознания, вызвав социально-психологический хаос, активизировали архаические пласты психики: дикое суеверия, магическое мышление, мистику и первобытные ритуалы социальной регуляции. Ментальная смута нашла свое отражение в разнонаправленных социальных и социально-политических движениях самого широкого спектра — от неоязычников до «истинных» марксистов-ленинцев, от «Памяти» до неохристиан, от христианских демократов до групп имитационного традиционализма [12, с. 11]. Социально-психологический раздрай, возникший в то время, длится и поныне, достаточно упомянуть набирающее сегодня массовость движение «Назад в СССР!».

Все это свидетельствует, что рецидивы социально-невротического стремления в «рай» не остались в прошлом. Подтверждается мысль К. Юнга о том, что «даже в цивилизованном обществе люди, образующие с точки зрения психологии низший слой, живут в состоянии бессознательности, мало отличающейся от первобытного состояния» [40, с. 206]. Более радикальной (и пессимистической) точки зрения

⁸ «Ци» как когнитивная конструкция изоморфна конфуцианской патриархальной системе.

придерживается в этом вопросе Ортега-и-Гассет, полагающий, что цивилизован лишь мир, в котором живет человек массы, а не сам его обитатель [29]. Его утверждение тем более справедливо в отношении обитателя полуцивилизованного мира. А потому и опасность новых социальных потрясений, к сожалению, постоянно сохраняется, поскольку ментальный конфликт двух типов сознания — архаического, коллективного и современного, индивидуального — продолжается.

В заключение можно сделать вполне, думается, обоснованный вывод, что все «великие» социальные проекты пере-

устройства общества, приводящие массы в движение, — это различные варианты рационализации грез о возрождении «золотого века», о возврате в потерянный Рай. Данные проекты всегда воспринимаются массами с горячным воодушевлением и фанатическим энтузиазмом, поскольку, как отмечает Лебон, управлять массой — значит ее обманывать. Делать это тем более легко, что масса сама этого жаждет [20]. Именно эта социально-психологическая закономерность, как представляется, и детерминирует исторические общественные изменения, в том числе и сегодня.

Литература

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. *Аверинцев С.С.* Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 4—15.
3. *Ахиезер А.С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89—100.
4. *Баткин Л.М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 271 с.
5. *Белл Д.* Мятёж против современности // Социологические исследования. 1992. № 5. С. 105—111.
6. *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М.: Канон, 1994. 384 с.
7. *Бочаров В.В.* Власть и табу: о культурно-психологических истоках традиционализма // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13. № 4. С. 109—117. DOI: 10.17759/chp.2017130412
8. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 44—271.
9. *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 375 с.
10. *Галеев К.* Сказка про Зондервег: Духовность как неудачная калька с немецкого // Новая газета. 2016. № 51 от 16 мая.
11. *Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
12. *Гудков Л.Д.* Феномен простоты (о национальном самосознании русских) // Человек. 1991. № 1. С. 9—22.
13. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 103—136.
14. *Гюнтер Г.* Жанровые проблемы утопии в «Чевенгуре» А. Платонова // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 252—272.
15. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Наука, 1991. 573 с.

16. *Зотов В.* Китай: «дух Лэй Фэна» против «буржуазной либерализации» // Иностранная литература. 1990. № 8. С. 210–238.
17. *Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Философские науки. 1991. № 7. С. 102–146.
18. *Каутский К.* Предшественники новейшего социализма. Коммунистические движения в Средние века. М.: Либроком, 2012. 243 с.
19. *Ласки М.* Утопия и революция // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 170–210.
20. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 316 с.
21. *Лебон Г.* Психология социализма. СПб.: Макет, 1995. 544 с.
22. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
23. *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении: в 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1985. 621 с.
24. *Лосев А.Ф.* Знак, символ, миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. 480 с.
25. *Мараваль Х.* Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 210–232.
26. *Мэмфорд Л.* Миф машины // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 79–97.
27. *Мэньюэль Ф., Мэньюэль Фр.* Утопическое мышление в западном мире // Утопия и утопическое мышление. М.: Прогресс, 1991. С. 21–48.
28. *Немировский В.Г.* Красные, зеленые, белые... // Человек. 1992. № 3. С. 69–73.
29. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119–158.
30. *Позаненко А.А.* Самоизолирующиеся сообщества. Социальная структура поселений родовых поместий // Мир России. 2016. № 1. С. 129–153.
31. *Семечкин Н.И.* Психологические координаты рая // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 64–75.
32. *Страда В.* Национализм русский, национализм советский, постнационализм // Человек. 1991. № 6. С. 60–82.
33. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
34. *Триандис Г.С.* Культура и социальное поведение. М.: Форум, 2007. 384 с.
35. *Фрейд З.* Психология масс и анализ человеческого Я // Тотем и табу. СПб.; М.: Олимп; «АСТ-ЛТД», 1998. С. 279–348.
36. *Фрэзер Дж.Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М: Политиздат, 1980. 832 с.
37. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 272 с.
38. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 180 с.
39. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х томах. Т. 3. М.: Политиздат, 1970. С. 211–370.
40. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 300 с.
41. *Hou Y.* The Role of Religious Force in the Wukan Incident // The China Nonprofit Review. 2013. Vol. 5 (1). P. 155–175.
42. *Rozin P., Millman L., Nemeroff C.* Operation of the laws of sympathetic magic in disgust and other domains // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 50 (4). P. 703–712.

43. *Shih Y.-K.* The Isomorphism of Family and State and the Integration of Church and State: On the Differences between the Confucian Political Tradition and Democratic Politics / In T. Cao, X. Zhong, K. Liao (eds.) // *Culture and Social Transformations in Reform Era China*. Leiden. 2010. P. 97–118. DOI:10.1163/ej.9789004175167.i-447

44. *Tong Y.* Morality, benevolence, and responsibility: Regime legitimacy in China from past to the present // *Journal of Chinese Political Science*. 2011. Vol. 16 (2). P. 141–159.

References

1. Avgustin Avrelii. Ispoved' [Confession]. Moscow: Respublika, 1992. 335 p. (In Russ.).
2. Averintsev S.S. Dva rozhdeniya evropeiskogo ratsionalizma [Two births the European rationalism]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1989, no. 3, pp. 4–15. (In Russ.).
3. Akhiezer, A. S. Arkhaizatsiya v rossiiskom obshchestve kak metodologicheskaya problema [Archaization in Russian society as a methodological problem]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2001, no. 2, pp. 89–100. (In Russ.).
4. Batkin L.M. Ital'yanskoe Vozrozhdenie v poiskakh individual'nosti [Italian Renaissance in search of individuality]. Moscow: Nauka, 1989. 271 p. (In Russ.).
5. Bell D. Myatezh protiv sovremennosti [Revolt against Modernity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 1992, no. 5, pp. 105–111. (In Russ.).
6. Bergson A. Dva istochnika morali i religii [The Two Sources of Morality and Religion]. Moscow: Kanon, 1994. 384p. (In Russ.).
7. Bocharov V.V. Vlast' i tabu: o kul'turno-psikhologicheskikh istokakh traditsionalizma [Power and Taboo: On the Cultural-Psychological Sources of Traditionalism]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2017. Vol. 13, no. 4, pp. 109–117. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI: 10.17759/chp.2017130412
8. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. M. Veber. Izbrannye proizvedeniya. Moscow: Progress, 1990, pp. 44–271. (In Russ.).
9. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [The Relevance of Beautiful]. Moscow: Iskusstvo, 1991. 375 p. (In Russ.).
10. Galeev K. Skazka pro Zonderveg: Dukhovnost' kak neudachnaya kal'ka s nemetskogo [Fairy tale about Zonderveg: spirituality as unsuccessful vellum from German]. *Novaya gazeta* [New newspaper], 2016, no. 51ot 16 maya. (In Russ.).
11. Golosovker Ya.E. Logika mifa [Logic of myth]. Moscow: Nauka, 1987. 218 p. (In Russ.).
12. Gudkov L.D. Fenomen prostoty (o natsional'nom samosoznanii russkikh) [Phenomenon simplicity (of the national identity of Russian)]. *Chelovek* [Human being], 1991, no. 1, pp. 9–22. (In Russ.).
13. Gusserl' E. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofiya [Philosophy and the Crisis of European Man]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1986, no. 3, pp. 103–136. (In Russ.).
14. Gyunter G. Zhanrovye problemy utopii v «Chevengure» A. Platonova [Genre Problems of utopia in “Čevengure” by A. Platonov]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie* [Utopia and Utopian Thinking]. Moscow: Progress, pp. 252–277. (In Russ.).

15. Dyurkgeim E. O razdelenii obshchestvennogo truda [The Division of Labor in Society]. Moscow: Nauka, 1991. 573 p. (In Russ.).
16. Zotov V. Kitai: «dukh Lei Fena» protiv «burzhuznoi liberalizatsii» [China: “The Spirit of Lei Feng against bourgeois liberalization]. *Inostrannaya literatura [Foreign literature]*, 1990, no. 8, pp. 210–238. (In Russ.).
17. Kassirer E. Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiyyu chelovecheskoi kul'tury [The essay on man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture]. *Filosofskie nauki [Philosophical sciences]*, no. 7, pp. 102–146. (In Russ.).
18. Kautskii K. Predshestvenniki noveishego sotsializma. Kommunisticheskie dvizheniya v Srednie veka [Predecessors newest socialism. The Communist movement in the middle ages]. Moscow: Librokom, 2012. 243 p. (In Russ.).
19. Laski M. Utopiya i revolyutsiya [Utopia and Revolution]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie [Utopia and Utopian Thinking]*. Moscow: Progress, pp. 170–210. (In Russ.).
20. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass [The Crowd: A Study of the Popular Mind]. St. Petersburg: Maket, 1995. 316 p. (In Russ.).
21. Lebon G. Psikhologiya sotsializma [Psychology of Socialism]. St. Petersburg: Maket, 1995. 544 p. (In Russ.).
22. Levi-Bryul' L. Sverkh"estestvennoe v pervobytnom myshlenii [Primitives and the supernatural]. Moscow: Pedagogika-Press, 1994. 608 p. (In Russ.).
23. Lokk Dzh. Opyt o chelovecheskom razumenii: v 3 t. T. 1. [Essay Concerning Human Understanding: in 3 vol. Vol. 1]. Moscow: Mysl', 1985. 621 p. (In Russ.).
24. Losev A.F. Znak, simvol, mif [Sign. Symbol. Myth]. Moscow: Publ. MGU, 1982. 480 p.
25. Maraval' Kh. Utopiya i reformizm [Utopia and reformism]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie [Utopia and Utopian Thinking]*. Moscow: Progress, 1991, pp. 210–232. (In Russ.).
26. Memford L. Mif mashiny [Machine myth]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie [Utopia and Utopian Thinking]*. Moscow: Progress, 1991, pp. 79–97.
27. Menyuel' F., Menyuel' Fr. Utopicheskoe myshlenie v zapadnom mire mire [Utopian Thought in Western World]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie [Utopia and Utopian Thinking]*. Moscow: Progress, 1991, pp. 21–48. (In Russ.).
28. Nemirovskii V.G. Krasnye, zelenye, belye... [Red, Green, White ..]. *Chelovek [Human being]*, 1992, no. 3, pp. 69–73. (In Russ.).
29. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass [Revolt of the Masses]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 1989, no. 3, pp. 119–158. (In Russ.).
30. Pozanenko A.A. Samoizoliruyushchiesya soobshchestva. Sotsial'naya struktura poselenii rodovyykh pomestii [Self-isolated Communities – The Social Structure of Kin's Domain Settlements]. *Mir Rossii [Russia's world]*, 2016, no. 1, pp. 129–153. (In Russ., abstr. in Engl.).
31. Semechkin N.I. Psikhologicheskie koordinaty raya [Psychological co-ordinates of Paradise]. *Voprosy filosofii [Questions of philosophy]*, 2015, no. 8, pp. 64–75. (In Russ., abstr. in Engl.).
32. Strada V. Natsionalizm russkii, natsionalizm sovetskii, postnatsionalizm [The Russian Nationalism, Soviet nationalism, Postnationalism]. *Chelovek [Human being]*, 1991, no. 6, pp. 60–82. (In Russ.).

33. Toinbi A. Dzh. Postizhenie istorii [A study of history]. Moscow: Progress, 1991. 736 p. (In Russ.).
34. Triandis G. S. Kul'tura i sotsial'noe povedenie [Culture and social behavior]. Moscow: Forum, 2007. 384 p. (In Russ.).
35. Freid Z. Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo Ya [Mass Psychology and the Analysis of the «I»]. Totem i tabu. St. Petersburg – Moscow: Olimp; «AST-LTD», 1998, pp. 279–348. (In Russ.).
36. Frezer Dzh. Dzh. Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii [The golden bough. A study of magic and religion]. Moscow: Politizdat, 1980. 832 p. (In Russ.).
37. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from freedom]. Moscow: Progress, 1990. 272 p. (In Russ.).
38. Chaadaev P. Ya. Stat'i i pis'ma [Articles and the letters]. Moscow: Sovremennik, 1989. 180 p. (In Russ.).
39. Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva [Origin of the family, private property and the State]. Marks K., Engel's F. *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. T. 3. [Featured Works: v 3 vol. Vol. 3]*. Moscow: Politizdat. 1970, pp. 211–370. (In Russ.).
40. Yung K.G. Arkhetip i simvol [Archetype and symbol]. Moscow: Renessans, 1991. 300 p. (In Russ.).
41. Hou Y. The Role of Religious Force in the Wukan Incident. *The China Nonprofit Review*. 2013. Vol. 5, Iss. 1, pp. 155–175.
42. Rozin P., Millman L., Nemeroff C. Operation of the laws of sympathetic magic in disgust and other domains. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986. Vol. 50, Iss. 4, pp. 703–712.
43. Shih Y-K. The Isomorphism of Family and State and the Integration of Church and State: On the Differences between the Confucian Political Tradition and Democratic Politics. In Cao T., Zhong X., Liao K. (eds.). *Culture and Social Transformations in Reform Era China*. Leiden, 2010, pp. 97–118. DOI:10.1163/ej.9789004175167.i-447
44. Tong Y. Morality, benevolence, and responsibility: Regime legitimacy in China from past to the present. *Journal of Chinese Political Science*, 2011. Vol. 16, Iss. 2, pp. 141–159.

Информация об авторах

Семечкин Николай Иванович, кандидат философских наук, профессор Школы искусств и гуманитарных наук, ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ДВФУ), г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

Information about the authors

Nikolai I. Semchkin, PhD in Philosophy, Professor, Department of Psychology and Education at School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8738-3686>, e-mail: semchkin_nik@mail.ru

Получена 05.04.2019

Принята в печать 09.04.2020

Received 05.04.2019

Accepted 09.04.2020

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EMPIRICAL RESEARCH

Моральные основания и намерение участвовать в голосовании на выборах президента России

Сычев О.А.

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукшина (АГПУ им. В.М. Шукшина),
г. Бийск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru*

Протасова И.Н.

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукшина (АГПУ им. В.М. Шукшина), г.
Бийск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru*

Власов М.С.

*Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. В.М. Шукшина (АГПУ им. В.М. Шукшина), г.
Бийск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7848-5114>, e-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru*

Цель исследования. Изучение связи моральных оснований с намерением участвовать в голосовании на выборах президента России.

Контекст и актуальность исследования. Голосование на выборах имеет большое значение для обеспечения консенсуса в обществе, однако значительная доля избирателей не принимает в нем участия, что может быть вызвано, наряду с другими факторами, индивидуально-психологическими особенностями. В связи с появлением теории моральных оснований в мире растет интерес к моральным факторам политических предпочтений и электоральной активности. Тем не менее связь особенностей моральной сферы личности с электоральным поведением, а также возможные медиаторы такой связи остаются недостаточно изученными.

Дизайн исследования. Использовался корреляционный дизайн с последующим структурным линейным моделированием связей. Опрос проводился в 2018 г. за 2–6 недель до выборов президента Российской Федерации.

Выборка. 126 студентов заочного отделения (80% женщин) в возрасте от 18 до 50 лет.

Методы. Опросник моральных оснований Дж. Грэхема и др., разработанный для этого исследования опросник вовлеченности в политику, а также анкета с вопросами о намерении голосовать и социально-демографических характеристиках респондентов.

Результаты. Структурное линейное моделирование подтвердило связь сплывающих моральных оснований с интересом к политике, предсказывающим, в свою очередь, намерение голосовать. Также подтвердилась выявленная в прошлых исследованиях тенденция к снижению готовности голосовать у более молодых респондентов. С помощью путевого анализа показано, что связь возраста с готовностью к участию в голосовании опосредована усиливающимися с возрастом сплывающими моральными основаниями и интересом к политике.

Основные выводы. Намерение голосовать на выборах зависит от вовлеченности в политику, связанной с выраженностью сплывающих моральных оснований.

Ключевые слова: моральные основания, абсентеизм, намерение голосовать на выборах, вовлеченность в политику, возраст.

Финансирование: статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-013-00119 «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи».

Для цитаты: Сычев О.А., Протасова И.Н., Власов М.С. Моральные основания и намерение участвовать в голосовании на выборах президента России // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 38–53. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110203>

Moral foundations and intention to vote on presidential elections in Russia

Oleg A. Sychev

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy»,
Biysk, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Irina N. Protasova

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy»,
Biysk, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Mikhail S. Vlasov

*Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy»,
Biysk, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7848-5114>, e-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

Objectives. *The aim was to study the relationship between moral foundations and intention of voting on the presidential elections in Russia.*

Background. *Voting in political elections is important for consensus of society but a large proportion of voters don't vote that may depend on psychological characteristics among other factors. There is a growing interest in the world in the moral factors of political preferences and voter*

turnout due to the elaboration of moral foundations theory. However, the relation between moral sphere and intention to vote as well as possible mediators of this relation remains understudied.

Study design. *The correlational design with subsequent structural equation modeling was used. The survey was conducted in 2018, 2–6 weeks before the Russian presidential elections.*

Participants. *126 university students at the age from 18 to 50 years old (80% are women).*

Measurements. *To test these hypotheses we used the Moral foundations questionnaire (by J. Graham et al.), the questionnaire of political engagement elaborated for this research and the questionnaire about intention to vote and some socio-demographic variables.*

Results. *The structural equation modeling showed that binding moral foundations were associated with interest to politics which in turn predicted the intention to vote. We also confirmed the known from the previous researches trend to less intention of voting in youth. Using path analysis we found out that less intention of voting in younger voters was due to their less loyalty and weak interest to politics.*

Conclusions. *The intention of voting on the presidential elections depends on the political engagement related with the binding moral foundations.*

Keywords: *moral foundations, political activity of youth, intention to vote, absenteeism of youth, political engagement.*

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-013-00119.

For citation: Sychev O.A., Protasova I.N., Vlasov M.S. Moral foundations and intention to vote on presidential elections in Russia. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 38–53. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110203> (In Russ.).

Введение

К наиболее ярким проявлениям демократических идеалов относится голосование на выборах как форма реализации права граждан участвовать в управлении делами государства. Участие большинства граждан в голосовании на выборах необходимо для поддержания легитимности власти и обеспечения консенсуса в обществе, поэтому снижение явки представляет собой серьезную проблему для демократии [16]. В то же время во многих странах мира наблюдается рост абсентеизма — уклонения от участия в политической жизни в силу отсутствия интереса к политике [16; 19]. В рамках политологических исследований рассматривается зависимость

активности избирателей от политических, экономических и социально-демографических факторов [3]. Наряду с перечисленными направлениями исследований плодотворным может оказаться подход, в рамках которого в качестве причин электоральной активности или пассивности граждан рассматриваются психологические факторы.

В данном исследовании была принята попытка исследовать связь особенностей моральной сферы с намерением граждан принимать участие в голосовании на выборах президента. Теоретической основой стала разработанная в последние два десятилетия теория моральных оснований (ТМО) Дж. Хайдта, в рамках которой постулируется наличие пяти обобщенных критериев (мораль-

ных оснований) для моральной оценки любых поступков и событий (забота, справедливость, лояльность, уважение, чистота) [10]. Использование в данном контексте понятия «основания» оправдано тем, что речь идет о критериях, выступающих в качестве оснований для моральной оценки поступков окружающих людей.

Заботу и справедливость авторы ТМО назвали индивидуализирующими моральными основаниями, поскольку именно они находились в фокусе внимания западной индивидуалистической философии морали с ее акцентом на защите прав и благополучия отдельной личности. Наименование «сплывающие моральные основания» получили **лояльность** группе, **уважение** традиций, авторитетов, власти и **чистота/почитание святых**, включающая запреты на осквернение «священных» объектов, а также распущенное и развращенное поведение. Все они способствуют сплочению группы вокруг ее ценностей и лидера [12]. В исследованиях основателей этого подхода было показано, что моральные основания демонстрируют существенные связи с предпочтением консервативной или либеральной идеологии [11], правым авторитаризмом [12], отношением к бедности [17], политическими убеждениями и отношением к спорным социально-политическим проблемам [15].

Идея о том, что в основе политических предпочтений могут лежать особенности моральной сферы, получила признание после выступления в 1992 году американского политика, представителя республиканской партии, П. Бьюкенена о «культурной войне» в американском обществе [8]. В этом выступлении он опирался на вышедшую годом ранее книгу Дж. Хантера с говорящим названием

«Культурные войны: борьба за определение Америки» [13]. В соответствии с позицией Дж. Хантера и П. Бьюкенена, культурная война, проявляющаяся в борьбе между лагерями консерваторов (традиционалистов) и либералов (прогрессивистов), отражает различия американцев в моральных нормах и базовых ценностях. В частности, для традиционалистов важнейшее значение имеют христианские ценности и основанные на них строгие нормы сексуального поведения, традиционная семья и проверенные временем общественные институты. Прогрессивисты, напротив, стремятся к переменам, подрывая традиционные ценности и социальные институты, а также поддерживая аморальные с консервативной точки зрения общественные явления, связанные с укреплением и защитой прав личности (такие как гомосексуальные отношения, право женщин на аборт и т.п.).

Эмпирические исследования, проведенные с помощью опросника моральных оснований, показали явные различия между теми, кто поддерживает идеологию консервативной партии (традиционалистами), и сторонниками партии либералов (прогрессивистами) [11]. Индивидуализирующие моральные основания в среднем оценивались одинаково высоко как либералами, так и консерваторами, однако только для консерваторов сплывающие моральные основания были такими же важными, как и индивидуализирующие. Для либералов сплывающие моральные основания оказались существенно менее важными в сравнении с заботой и справедливостью.

Исследования связи моральных оснований с поведением и предпочтениями избирателей пока немногочисленны, несмотря на твердо установленный факт

связи моральных оснований с идеологической позицией, лежащей в основе политических предпочтений [11]. В исследовании А. Фрэнкса и К. Шерра было показано, что на президентских выборах 2012 года в США индивидуализирующие и сплывающие моральные основания хорошо предсказывали намерения голосовать за Б. Обаму или М. Ромни независимо от социально-демографических характеристик [9]. На парламентских выборах в Италии моральные основания «забота», «уважение» и «лояльность» предсказывали поддержку ведущих парламентских партий [18]. Кроме того, лояльность предсказывала намерение голосовать за действующего политика правых убеждений, в то время как моральное основание «справедливость» показало связь с поддержкой внепарламентских политических движений, исповедующих левые убеждения.

Наибольший интерес в контексте нашего исследования представляют попытки проанализировать связь моральных оснований с участием или неучастием в голосовании. В четырех исследованиях К. Джонсон и др. на больших репрезентативных выборках американских избирателей было показано, что отказ от участия в голосовании на выборах сочетается с относительно низкой оценкой моральных оснований как индивидуализирующих, так и сплывающих [14]. В первом исследовании рассматривалось реальное участие или неучастие в голосовании, которое показало наибольшие, но в целом довольно слабые корреляции с моральными основаниями «справедливость» и «уважение». Во втором исследовании изучалась связь моральных оснований с намерением участвовать в голосовании на выборах. В этом случае корреляции оказались существенно

выше, причем для тех, кто не собирался голосовать, было свойственно ниже оценивать все пять моральных оснований. Наиболее интересный факт, обнаруженный в этом и последующих двух исследованиях, заключался в том, что среди либерально настроенных избирателей отказ от участия в голосовании был связан с низкой оценкой индивидуализирующих моральных оснований, а среди консервативных избирателей намерение не голосовать сочеталось с низкой оценкой сплывающих моральных оснований [14]. Результаты этих исследований показали, что намерение участвовать или не участвовать в голосовании предсказывается, в первую очередь, тем, насколько моральные основания личности соответствуют моральным устоям, лежащим в основе предпочитаемой политической идеологии.

Российская политическая система вряд ли допускает упорядочивание политических движений и программ вдоль одной оси (например, консерватизма-либерализма), в отличие от избирательной системы многих западных стран. Это значит, что политические предпочтения российских избирателей, вероятно, сложнее предсказать, используя категориальный аппарат теории моральных оснований. В то же время можно предположить, что моральные основания могут быть связаны не только с политическими предпочтениями, но и с активностью российских избирателей. Лица, которые выше оценивают лояльность группе и уважение к власти, скорее всего, будут демонстрировать большую склонность к политической активности в форме участия в голосовании на выборах. Это предположение основано на том, что именно в моральных основаниях «лояльность группе» и «уважение» выражается

высокая ценность внутригрупповой иерархии, общественного порядка, преданности группе и ее лидерам.

Необходимо учитывать, что моральные основания представляют собой довольно общие конструкты, не включающие специфического политического содержания. Тем не менее сплывающие моральные основания по определению подразумевают заинтересованность и озабоченность вопросами общественной жизни, что, очевидно, может способствовать большему интересу к политическим событиям и политическому участию. При этом роль в политической активности индивидуализирующих моральных оснований, сконцентрированных на благополучии и соблюдении прав отдельной личности, менее очевидна. Рассматривая вовлеченность в политику, интерес к политической жизни как наиболее близкие, непосредственные факторы политического участия, можно предположить, что готовность голосовать на выборах может быть связана со сплывающими моральными основаниями опосредованно через интерес к политической жизни.

Вовлеченность в политику, важная роль которой в политическом участии была показана в прошлых исследованиях, определяется тремя показателями: интересом к политике, политической самоэффективностью (*political efficacy*) и участием в голосовании на выборах [21]. Вместе с тем представляется непродуктивным смешение когнитивно-мотивационных и поведенческих проявлений в рамках единого понятия. Интерес к политической жизни и политическая самоэффективность, характеризующие убежденность человека в том, что он может своим поведением оказывать влияние на политику, являются относительно независимыми компонентами вовлеченности

в политику, в то время как участие в голосовании на выборах является лишь одним из возможных поведенческих проявлений такой вовлеченности. Необходимо также отметить, что политическая самоэффективность чаще всего рассматривается не в составе фактора вовлеченности в политику, а в качестве самостоятельного явления [20]. При этом накоплено немало данных, свидетельствующих о ее влиянии на различные формы политического поведения от участия в голосовании до уличных протестов [1; 20].

В ряде исследований показано, что вовлеченность в политику и активность избирателей коррелируют с некоторыми социально-демографическими характеристиками, среди которых важное место принадлежит возрасту [2; 4]. Неоднократно было отмечено менее активное участие молодежи в выборах, которое рассматривается как проявление пассивности или сознательной протестной позиции — абсентеизма. Попытки объяснения феномена политической пассивности молодежи не следует ограничивать только социально-политическими причинами, среди которых указывают правовой нигилизм, недоверие к власти, проблемы социальной адаптации. Обращение к психологическим факторам политической активности-пассивности позволит полнее описать механизмы поведения молодых избирателей.

Среди подобных психологических факторов, вероятно, важное место принадлежит ценностям. По данным А.Н. Тарко, люди демонстрируют электоральную пассивность в том случае, если их личные ценности не конгруэнтны ценностям, которые выражают политические партии или политические деятели [7]. В его исследовании было показано, что большинство политиков, выступавших в

качестве претендентов на пост президента Российской Федерации на выборах в марте 2012 года, транслировали консервативные ценности («ценности сохранения» по Ш. Шварцу), в меньшей мере отвечающие ожиданиям молодежи.

Из проведенных исследований известно, что возрастные особенности обнаруживаются не только в ценностях, но и в сфере морали, при этом лица старшего возраста придают большее значение сплывающим моральным основаниям, в первую очередь – уважению [15]. Своиственные молодежи меньшее уважение и слабая лояльность к власти могут негативно сказываться на готовности к участию в голосовании на выборах. В этой связи разумно предположить, что связь возраста с намерением участвовать в голосовании на выборах президента полностью или частично опосредована сплывающими моральными основаниями.

Данное исследование было нацелено на проверку трех гипотез. Во-первых, было выдвинуто предположение, что намерение голосовать на выборах (как один из показателей избирательной активности) связано со сплывающими моральными основаниями (лояльность группе, уважение, чистота). При этом мы предполагали, что вовлеченность в политику (в форме интереса к политической жизни) может выступать медиатором такой связи. Вторая гипотеза заключалась в том, что намерение участвовать в голосовании на выборах связано с возрастом. Третья гипотеза заключалась в том, что связь возраста с намерением участвовать в голосовании опосредована сплывающими моральными основаниями и вовлеченностью в политику. Для достижения цели и проверки гипотез необходимо было решить следующие три задачи: 1) разработать методику экспресс-оценки вовле-

ченности в политику; 2) выявить паттерн связи моральных оснований, вовлеченности в политику и намерения голосовать; 3) проанализировать опосредствующую роль моральных оснований и вовлеченности в политику в корреляции возраста с намерением голосовать.

Методы исследования

Методики

Для диагностики особенностей моральной сферы личности использовался опросник моральных оснований Дж. Грэхема и др. [5; 6; 12]. Опросник включает две части по 15 заданий, которые образуют пять шкал, соответствующих моральным основаниям: забота, справедливость, лояльность группе, уважение, чистота. В первой части перед испытуемым в инструкции ставится вопрос «Когда Вы решаете, что правильно, а что неправильно, какое значение имеют для Вас следующие соображения?» и предлагаются различные варианты для оценки. Например, «страдал ли кто-то эмоционально» (шкала заботы) или «проявлял ли кто-то своими действиями любовь к своей стране» (шкала лояльности) и т.д. Испытуемые дают оценку по шестибальной шкале от «Абсолютно не важно» (0 баллов) до «Крайне важно» (5 баллов). Во второй части испытуемые выражают меру согласия с утверждениями (по шестибальной шкале от «Абсолютно не согласен» до «Абсолютно согласен»), отражающими ту или иную моральную ценность. Общий показатель по каждой шкале вычислялся как среднее по всем входящим в шкалу пунктам.

Для диагностики вовлеченности в политику с учетом результатов прошлых исследований [21] был составлен опрос-

ник, включающий две шкалы: интерес к политике (4 задания, все прямые) и политическая самоэффективность (4 задания, все обратные). Текст заданий приведен на рис. 1. Испытуемых просили оценить по пятибалльной шкале (от 1 до 5), насколько они согласны с приведенными утверждениями. Общие оценки вычислялись как средние значения по всем пунктам, входящим в соответствующую шкалу.

Для оценки намерения голосовать на выборах президента России испытуемым был задан вопрос «Пойдете ли Вы голосовать на выборах президента Российской Федерации 18 марта 2018 года?», на который было предложено пять вариантов ответа, отражающих возрастающую степень уверенности: от «точно нет» (1) до «да, обязательно» (5). Кроме того, анкета включала в себя вопросы, позволяющие выяснить пол и возраст респондентов. Статистический анализ полученных результатов проводился с помощью программы SPSS 23, конфирматорный факторный анализ и структурное моделирование осуществлялись в программе MPlus 7 с использованием робастного алгоритма MLR.

Выборка и процедура исследования

В исследовании приняли участие 126 студентов заочного отделения АГППУ им. В.М. Шукшина, из них 101 женщина (80%), один испытуемый пол не указал, в возрасте от 18 до 50 лет (средний возраст $M=25,62$; $SD=7,03$). Хотя распределение выборки по возрасту является асимметричным (в ней преобладают лица относительно молодого возраста), довольно широкий разброс позволил в данном исследовании проверить гипотезы о связи возраста с намерением голосовать и возможными медиаторами этой связи.

Исследование проводилось в течение февраля и марта 2018 года за 2–6 недель до выборов. Участие в исследовании было добровольным, испытуемым гарантировалась конфиденциальность их ответов.

Результаты

В соответствии с задачами исследования в первую очередь была выполнена оценка предложенной методики диагностики вовлеченности в политику. Результаты свидетельствуют о том, что она является надежным инструментом с соответствующей ожиданиям факторной структурой. Коэффициенты внутренней согласованности α -Кронбаха, приведенные в таблице, свидетельствуют о достаточно высокой надежности шкал. Структура методики хорошо подтверждается результатами конфирматорного факторного анализа (рис. 1): $\chi^2=22,77$; $df=19$; $p=0,248$; $CFI=0,983$; $NNFI=0,975$; $RMSEA=0,040$; 90%-ный доверительный интервал для $RMSEA$: 0,000-0,091; $PCLOSE=0,574$; $N=126$.

Переходя к изложению основных результатов исследования, отметим, что коэффициенты корреляции между измеренными переменными (см. таблицу) подтверждают предположение о связи намерения голосовать на выборах с интересом к политике и политической самоэффективностью, в то время как корреляция интереса с политической самоэффективностью ниже их корреляций с намерением голосовать. Большая часть моральных оснований не показала связей с намерением участвовать в голосовании: была выявлена единственная прямая статистически значимая связь между намерением голосовать и моральным основанием «уважение». Кроме этого, были

Рис. 1. Факторная модель опросника вовлеченности в политику: все приведенные путевые коэффициенты значимы при $p < 0,01$

получены статистически значимые прямые корреляции между интересом к политике и сплывающими моральными основаниями («лояльность», «уважение», «чистота»), а также моральным основанием «справедливость». Корреляция пола с политической самооэффективностью показала, что мужчины считают себя более способными повлиять на политические события. Кроме того, корреляции с моральными основаниями говорят о том, что для мужчин менее важны справедливость и чистота. Возраст слабо, но статистически значимо связан с намерением голосовать, интересом к политике и сплывающими моральными основаниями («лояльность», «уважение», «чистота»).

Для проверки выдвинутых гипотез в первую очередь была проверена модель, в которой три латентных фактора (интерес к политике, а также коррелирующие с ним факторы политической

самоэффективности и сплывающих моральных оснований) предсказывают намерение голосовать на выборах. Эта модель показала достаточное соответствие данным ($\chi^2=68,88$; $df=50$; $p=0,039$; $CFI=0,947$; $NNFI=0,930$; $RMSEA=0,055$; 90%-ный доверительный интервал для $RMSEA$: 0,013-0,084; $PCLOSE=0,385$; $N=126$), однако путевой коэффициент от сплывающих моральных оснований к намерению голосовать не достигал уровня статистической значимости.

Далее модель была модифицирована таким образом, чтобы путь от фактора сплывающих моральных оснований к намерению голосовать был опосредован факторами политической самооэффективности и интереса к политике. При столь же хороших показателях соответствия в этой модели путь от сплывающих моральных оснований к политической самооэффективности оказался незначим. После исключения этого пути была полу-

Таблица

Коэффициенты корреляции Пирсона между намерением голосовать на выборах, показателями вовлеченности в политику, моральными основаниями, полом и возрастом (N=126)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1. Намерение голосовать	—								
2. Интерес	0,35***	—							
3. Самоэффективность	0,43***	0,29***	—						
4. Забота	0,06	0,12	-0,24**	—					
5. Справедливость	0,05	0,21*	-0,04	0,50***	—				
6. Лояльность	0,10	0,30***	0,11	0,28**	0,47***	—			
7. Уважение	0,18*	0,18*	0,12	0,19*	0,34***	0,54***	—		
8. Чистота	0,12	0,18*	0,05	0,32***	0,61***	0,40***	0,57***	—	
9. Возраст	0,20*	0,20*	0,09	0,03	0,08	0,22*	0,19*	0,20*	—
10. Пол (0 — Ж, 1 — М)	-0,04	0,05	0,17*	-0,15	-0,23**	0,07	-0,04	-0,18*	0,04
Среднее значение	3,80	3,63	2,99	2,72	3,46	3,04	2,76	3,25	25,62
Стандартное отклонение	1,30	0,89	0,93	0,54	0,70	0,66	0,74	0,67	7,03
Надежность (α -Кронбаха)	—	0,81	0,76	0,71	0,69	0,72	0,70	0,73	—

чена модель, в которой связь сплывающих моральных оснований с намерением голосовать опосредована только интересом к политике. Анализ показал, что эта модель (см. рис. 2) объясняет 23% дисперсии намерения голосовать на выборах и хорошо соответствует данным: $\chi^2=69,62$; $df=51$; $p=0,042$; CFI=0,948; NNFI=0,932; RMSEA=0,054; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,010-0,083; PCLOSE=0,402; N=126.

Помимо учтенных в модели психологических коррелятов намерения голосовать, необходимо также проанализировать связь с возрастом, которая, судя по результатам корреляционного анализа (см. таблицу), может быть не только непо-

средственной, но и опосредованной сплывающими моральными основаниями и интересом к политике. Чтобы проверить гипотезу об опосредованном характере связи возраста с намерением голосовать, была построена путевая модель, представленная на рис. 3. Сплывающие моральные основания в этой модели представлены агрегированной переменной, представляющей собой сумму оценок по трем соответствующим шкалам. Эта модель характеризуется отличными показателями соответствия исходным данным: $\chi^2=2,11$; $df=2$; $p=0,35$; CFI=0,997; NNFI=0,991; RMSEA=0,020; 90%-ный доверительный интервал для RMSEA: 0,000-0,178; PCLOSE=0,458; N=126.

Модель, представленная на рис. 3, свидетельствует о том, что рост намерения участвовать в голосовании у избирателей старшего возраста объясняется тем, что им свойственна большая выраженность сплывающих моральных оснований, а также они в большей мере интересуются политикой.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что нашла свое под-

тверждение гипотеза об опосредованной связи сплывающих моральных оснований с намерением голосовать на выборах. Слабая непосредственная связь намерения голосовать отмечается с моральным основанием «уважение», а сплывающие моральные основания в целом связаны с таким намерением опосредованно через интерес к политике. При этом необходимо подчеркнуть, что непосредственная связь является довольно слабой, так что вовлеченность в политику, а точнее, один из ее показателей — интерес

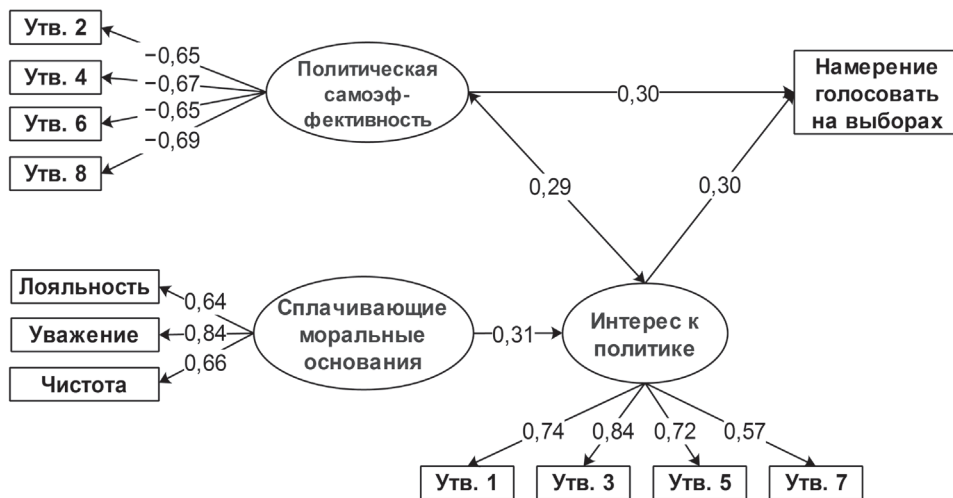

Рис. 2. Структурная модель связей сплывающих моральных оснований, показателей вовлеченности в политику и намерения голосовать: все приведенные путевые коэффициенты значимы при $p < 0,05$; утв. — утверждение

Рис. 3. Путевая модель связей возраста, сплывающих моральных оснований, интереса к политике и намерения голосовать: все приведенные путевые коэффициенты значимы при $p < 0,05$

к политической жизни — является важным звеном в объяснении связей между моральными основаниями и намерением участвовать в голосовании.

Сопоставляя полученные результаты с выводом К. Джонсон и др. о важности тех моральных оснований [14], которые соответствуют предпочитаемой политической идеологии, можно объяснить наши результаты тем, что большинство кандидатов на выборах обращались к консервативным политическим ценностям, созвучным сплывающим моральным основаниям. В то же время возможным является более простое объяснение, в соответствии с которым люди, в меньшей мере разделяющие сплывающие моральные основания, также менее озабочены и вопросами общественной жизни, социальной иерархии, поддержания порядка, а потому меньше интересуются политикой как таковой. Иными словами, их сниженная вовлеченность в политику и нежелание голосовать объясняются невысоким уровнем интереса к общественной жизни, вытекающим из слабости сплывающих моральных оснований. В пользу такого объяснения свидетельствует выявленный в исследовании факт опосредованной интересом к политической жизни связи сплывающих моральных оснований с намерением голосовать.

Гипотеза о связи возраста с намерением голосовать получила полное подтверждение. Результаты указывают на умеренную силу связи между этими переменными, и этот вывод хорошо согласуется с результатами предшествующих исследований [2; 4]. Кроме того, получила подтверждение гипотеза об опосредованности связи возраста с намерением голосовать через сплывающие моральные основания и интерес к политике.

Ограничением нашего исследования являются относительно небольшой размер выборки и ее недостаточная репрезентативность по отношению к генеральной совокупности российских избирателей. Однако при этом необходимо учитывать, что предметом данного исследования были относительно устойчивые и, по-видимому, мало зависимые от конкретных социальных условий психологические механизмы связи моральных оснований и возраста с избирательной активностью. Еще одним ограничением является корреляционный дизайн исследования, снижающий уверенность в интерпретации причинно-следственных отношений. В этой связи следует принимать во внимание возможность иного объяснения полученных результатов (например, наличием общего фактора, скрывающегося за всеми рассмотренными явлениями), несмотря на тот факт, что предложенная в этой статье интерпретация хорошо соответствует представлениям о сущности изучаемых явлений. В пользу валидности полученных выводов говорит также их соответствие ожиданиям, основанным на теории моральных оснований, и выводам, полученным в зарубежных исследованиях. Уточнение полученных выводов в плане причинно-следственных отношений, а также детализация связей моральных оснований не только с намерением участвовать в голосовании, но и с политическими предпочтениями российских избирателей составляет перспективу данного исследования.

Заключение

Анализ литературы показал, что на основе теории моральных оснований мож-

но выдвинуть обоснованные предположения о связи особенностей моральной сферы с политическим участием и электоральной активностью, однако исследования этой проблемы пока остаются единичными. В проведенном нами исследовании связь моральных оснований с намерением голосовать на выборах президента была изучена с учетом возможного медиационного эффекта вовлеченности в политику. Результаты подтвердили гипотезу о том, что сплывающие моральные основания (лояльность, уважение и чистота) связаны с интересом к политике, который, в свою очередь, наряду с политической самоэффективностью предсказывает намерение голосовать на выборах президента. Подтвердилось также предположение об опосредованной сплывающими моральными основаниями и интересом к политике связи возраста с намерением голосовать.

тезу о том, что сплывающие моральные основания (лояльность, уважение и чистота) связаны с интересом к политике, который, в свою очередь, наряду с политической самоэффективностью предсказывает намерение голосовать на выборах президента. Подтвердилось также предположение об опосредованной сплывающими моральными основаниями и интересом к политике связи возраста с намерением голосовать.

Литература

1. Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Протестное поведение: индивидуальные и групповые факторы // Современная зарубежная психология. 2013. Т. 2. № 4. С. 131–140.
2. Алексеев Р.А., Абрамов А.В. Электоральный абсентеизм в России и способы его преодоления (на материалах президентских выборов 2000-2012 гг.) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. С. 1. DOI: 10.18384/2224-0209-2016-4-767.
3. Гудина Ю.В. Активность российских избирателей: теоретические модели и практика // Полис. Политические Исследования. 2003. № 1. С. 112–122. DOI:10.17976/jpps/2003.01.10
4. Дашкевич Г.В. Электоральная пассивность российской молодежи: ключевые причины и социальные последствия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 24–29.
5. Сычев О.А., Беспалов А.М., Прудникова М.М., Власов М.С. Особенности моральных оснований у монгольских, немецких и российских подростков // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 85–96. DOI: 10.17759/chp.2016120109.
6. Сычев О.А., Протасова И.Н., Белоусов К.И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115. DOI:10.21702/rpj.2018.3.5
7. Татарко А.Н. Взаимосвязь базовых человеческих ценностей и электорального поведения // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 1. С. 17–37. DOI:10.17759/sps.2017080102
8. Buchanan P.J. 1992 Republican National Convention Speech [Электронный ресурс]. URL: <http://buchanan.org/blog/1992-republican-national-convention-speech-148> (дата обращения: 03.04.2017).
9. Franks A.S., Scherr K.C. Using Moral Foundations to Predict Voting Behavior: Regression Models from the 2012 U.S. Presidential Election // Analyses of Social Issues and Public Policy. 2015. Vol. 15 (1). P. 213–232. DOI: 10.1111/asap.12074.
10. Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S., Ditto P.H. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism // Advances in experimental social psychology. 2013. Vol. 47. P. 55–130. DOI:10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4

11. *Graham J., Haidt J., Nosek B.A.* Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 96 (5). P. 1029–1046. DOI:10.1037/a0015141
12. *Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H.* Mapping the Moral Domain // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 101. P. 366–385. DOI:10.1037/a0021847
13. *Hunter J.D.* Culture wars: The struggle to define America. New Davison York: Basic Books, 1991. 432 p.
14. *Johnson K.M., Iyer R., Wojcik S.P., Vaisey S., Miles A., Chu V., Graham J.* Ideology-specific patterns of moral indifference predict intentions not to vote // *Analyses of Social Issues and Public Policy*. 2014. Vol. 14 (1). P. 61–77.
15. *Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J.* Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes // *Journal of Research in Personality*. 2012. Vol. 46 (2). P. 184–194. DOI:10.1016/j.jrp.2012.01.006
16. *Lijphart A.* Unequal Participation: Democracy's Unresolved Dilemma Presidential Address, American Political Science Association, 1996 // *American Political Science Review*. 1997. Vol. 91 (1). P. 1–14. DOI:10.2307/2952255
17. *Low M., Wui M.G.L.* Moral Foundations and Attitudes Towards the Poor // *Current Psychology*. 2016. Vol. 35 (4). P. 650–656. DOI:10.1007/s12144-015-9333-y
18. *Milesi P.* Moral Foundations and Voting Intention in Italy // *Europe's Journal of Psychology*. 2017. Vol. 13 (4). P. 667–687.
19. *Niemi R.G., Weisberg H.F., Kimball D.C.* Controversies in voting behavior. CQ Press Washington, DC, 2001. 398 p.
20. *Sarieva I.R.* How to Measure Perceived Political Efficacy? A Three-component Scale // *Psychology Journal of the Higher School of Economics*. 2018. Vol. 15. P. 477–490. DOI:10.17323/1813-8918-2018-3-477-490
21. *Solt F.* Economic inequality and democratic political engagement // *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52 (1). P. 48–60.

References

1. Agadullina E.R., Lovakov A.V. Protestnoe povedenie: individual'nye i gruppovye factory [Protest behavior: Individual and group factors]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*, 2013. Vol. 2, no. 4, pp. 131–140.
2. Alekseev R.A., Abramov A.V. Elektoral'nyi absenteizm v Rossii i sposoby ego preodoleniya (na materialakh prezidentskikh vyborov 2000-2012 gg.) [Elektronnyi resurs] [The electoral absenteeism in Russia and ways to overcome it (on materials of the 2000–2012 presidential elections)]. *Vestneyk Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal) [Bulletin of the Moscow Regional State University (electronic journal)]*, 2016, no. 4. p. 1. DOI:10.18384/2224-0209-2016-4-767
3. Gudina Yu.V. Aktivnost' rossiiskikh izbiratelei: teoreticheskie modeli i praktika [Activity of Russian voters: Theoretical models and practice]. *Polis. Politicheskie Issledovaniya [Polis. Political Studies]*, 2003, no. 1, pp. 112–122. DOI:10.17976/jpps/2003.01.10
4. Dashkevich G.V. Elektoral'naya passivnost' rossiiskoi molodezhi: klyucheveye prichiny i sotsial'nye posledstviya [Electoral passivity of the Russian youth: key reasons

- and social consequences]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanities, Social-economic and Social Sciences], 2016, no. 3, pp. 24–29.
5. Sychev O.A., Bespalov A.M., Prudnikova M.M., Vlasov M.S. Osobennosti moral'nykh osnovanii u mongol'skikh, nemetskikh i rossiiskikh podrostkov [Features of moral foundations in Mongol, German and Russian adolescents]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2016. Vol. 12, no. 1, pp. 85–96. DOI:10.17759/chp.2016120109
6. Sychev O.A., Protasova I.N., Belousov K.I. Diagnostika moral'nykh osnovanii: aprobatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika MFQ [Diagnosing moral foundations: Testing of the Russian version of the moral foundations questionnaire]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 88–115. DOI:10.21702/rpj.2018.3.5
7. Tatarko A.N. Vzaimosvyaz' bazovykh chelovecheskikh tsnnostei i elektoral'nogo povedeniya [The relationship of basic human values and voting behavior]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2017. Vol. 8, no. 1, pp. 17–37. DOI:10.17759/sps.2017080102
8. Buchanan P.J. 1992 Republican National Convention Speech [Elektronnyi resurs] Available at: <http://buchanan.org/blog/1992-republican-national-convention-speech-148> (Accessed: 03.04.2017).
9. Franks A.S., Scherr K.C. Using Moral Foundations to Predict Voting Behavior: Regression Models from the 2012 U.S. Presidential Election. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 2015. Vol. 15, no. 1, pp. 213–232. DOI:10.1111/asap.12074
10. Graham J., Haidt J., Koleva S., Motyl M., Iyer R., Wojcik S., Ditto P.H. Moral foundations theory: The pragmatic validity of moral pluralism. *Advances in experimental social psychology*, 2013. Vol. 47, pp. 55–130. DOI:10.1016/B978-0-12-407236-7.00002-4
11. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2009. Vol. 96, no. 5, pp. 1029–1046. DOI:10.1037/a0015141
12. Graham J., Nosek B.A., Haidt J., Iyer R., Koleva S., Ditto P.H. Mapping the Moral Domain. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 101, pp. 366–385. DOI:10.1037/a0021847
13. Hunter J.D. Culture wars: The struggle to define America. New Davison York: Basic Books, 1991. 432 p.
14. Johnson K.M., Iyer R., Wojcik S.P., Vaisey S., Miles A., Chu V., Graham J. Ideology-specific patterns of moral indifference predict intentions not to vote. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, 2014. Vol. 14, no. 1, pp. 61–77.
15. Koleva S.P., Graham J., Iyer R., Ditto P.H., Haidt J. Tracing the threads: How five moral concerns (especially Purity) help explain culture war attitudes. *Journal of Research in Personality*, 2012. Vol. 46, no. 2, pp. 184–194. DOI:10.1016/j.jrp.2012.01.006
16. Lijphart A. Unequal Participation: Democracy's Unresolved Dilemma Presidential Address, American Political Science Association, 1996. *American Political Science Review*, 1997. Vol. 91, no. 1, pp. 1–14. DOI:10.2307/2952255
17. Low M., Wui M.G.L. Moral Foundations and Attitudes Towards the Poor. *Current Psychology*, 2016. Vol. 35, no. 4, pp. 650–656. DOI:10.1007/s12144-015-9333-y

18. Milesi P. Moral Foundations and Voting Intention in Italy. *Europe's Journal of Psychology*, 2017. Vol. 13, no. 4, pp. 667–687.
19. Niemi R.G., Weisberg H.F., Kimball D.C. Controversies in voting behavior. CQ Press Washington, DC, 2001. 398 p.
20. Sarieva I.R. How to Measure Perceived Political Efficacy? A Three-component Scale. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2018. Vol. 15. P. 477–490. DOI:10.17323/1813-8918-2018-3-477-490
21. Solt F. Economic inequality and democratic political engagement. *American Journal of Political Science*, 2008. Vol. 52, no. 1, pp. 48–60.

Информация об авторах

Сычев Олег Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина (АГППУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Протасова Ирина Николаевна, кандидат психологических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина (АГППУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Власов Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина (АГППУ им. В.М. Шукшина), г. Бийск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7848-5114>, e-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

Information about the authors

Oleg A. Sychev, PhD in Psychology, Associate Professor, Research Fellow, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy», Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0373-6916>, e-mail: osn1@mail.ru

Irina N. Protasova, PhD in Psychology, Associate Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy», Biysk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7728-705X>, e-mail: protasovain@mail.ru

Mikhail S. Vlasov, PhD in Philology, Associate Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy», Biysk, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7848-5114>, e-mail: vlasov_mikhailo@mail.ru

Получена 23.01.2019

Принята в печать 09.04.2020

Received 23.01.2019

Accepted 09.04.2020

Роль индивидуальных ценностей, авторитарных установок и социальной идентичности в общей дискриминационной направленности личности в России

Шамионов Р.М.

*ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru*

Цель исследования. *Изучение роли индивидуальных ценностей, авторитарных установок и социальной идентичности в выраженности дискриминационной направленности личности в России.*

Контекст и актуальность исследования. *Дискриминационные установки не только тормозят общественное развитие, но и самым негативным образом отражаются на межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, создавая социальные и гуманитарные проблемы. Поэтому выяснение и объяснение причин формирования дискриминационной установки и определение способов их устранения являются важнейшими задачами современной социальной психологии.*

Дизайн исследования. *В работе изучались взаимосвязи между степенью неприязни к представителям различных дискриминируемых групп и сферами дискриминации через подсчет корреляции Пирсона. Установлены предикторы дискриминационной установки с использованием регрессионного анализа (пошаговый метод). Проведено структурное моделирование детерминант дискриминационных установок личности по области (сфере) дискриминации и предмету (дискриминируемой группе) методом SEM.*

Выборка. *В исследовании приняли участие 217 человек (средний возраст составляет $28,9 \pm 11,2$ лет, 36% мужчин).*

Методы. *Использованы разработанные анкета и шкалы дискриминационных установок, методика оценки ценностей Ш. Шварца, короткая версия шкал методики Дж. Даккита. Все шкалы проверены на содержательную валидность и надежность.*

Результаты. *Установлено, что дискриминационная установка наиболее выражена в сфере спорта, образования и карьеры. Предубеждения и неприятие представителей разных групп в различных сферах жизнедеятельности связаны с высокой значимостью ценностей безопасности личностной и общественной, власти — ресурсов, традиций (положительно); ценностей конформизма межличностного и самостоятельности — мысли (отрицательно) и репутации как стремления поддержать публичный имидж (амбивалентно в разных сферах). Установлены направления связей между ценностями, авторитарными установками, социальной идентичностью и дискриминационными установками.*

Основные выводы. Показано, что гражданская идентичность выступает скорее фактором институциональной дискриминации, нежели бытовой. Приверженность к этнической группе влияет на силу бытовой дискриминационной установки прямо, а институциональной – опосредованно, через гражданскую идентичность. В результате моделирования структурными уравнениями определена подходящая модель, объясняющая до 24% вариаций аутгрупповой дискриминационной установки и до 25% вариаций проявления предубеждений в различных сферах жизнедеятельности.

Ключевые слова: личность, дискриминационная установка, предубеждения, предрассудки, аутгруппа, сферы жизнедеятельности, модель.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-013-00094 А.

Для цитаты: Шамионов Р.М. Роль индивидуальных ценностей, авторитарных установок и социальной идентичности в общей дискриминационной направленности личности в России // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 54–73. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110204>

The role of individual values, authoritarian attitudes and social identity in the General discriminatory orientation of the personal in Russia

Rail M. Shamionov
Saratov State University,
Saratov, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, **e-mail:** shamionov@mail.ru

Objective. Study of the role of individual values, authoritarian attitudes and social identity in the expression of discriminatory orientation of the personal in Russia.

Background. Discriminatory attitudes not only hinder social development, but also negatively affect interpersonal and intergroup relationships, creating social and humanitarian problems. Therefore, finding out and explaining the reasons for the formation of a discriminatory attitude and determining how to eliminate them are the most important tasks of modern social psychology.

Study design. The paper studied the relationship between the degree of dislike for representatives of various discriminated groups and the areas of discrimination by calculating the Pearson correlation. Predictors of discriminatory attitudes are established using regression analysis (step-by-step method). Structural modeling of the determinants of discriminatory attitudes of the individual by area (sphere) of discrimination and subject (discriminated group) using the SEM method is carried out.

Participants. The study involved 217 people (the average age is 28.9 ± 11.2 years, 36% of men).

Measurements. We used the developed questionnaire and scales of discriminatory attitudes, the method of assessing values of Sh. Schwartz, a short version of the scales of the method of J. Dukkit. All scales are checked for meaningful validity and reliability.

Results. It was found that the discriminatory attitude is most pronounced in the sphere of sports, education and career. Biases and rejection of representatives of different groups in various spheres of life are associated with the high significance of the values of personal and social security, power – resources, traditions (positive); values of interpersonal conformity and independence – thoughts (negative) and reputation as a desire to maintain a public image (ambivalent in different areas). The directions of relations between values, authoritarian attitudes, social identity and discriminatory attitudes are established.

Conclusions. It is shown that civil identity is a factor of institutional discrimination rather than domestic one. Adherence to an ethnic group affects the strength of a domestic discriminatory attitude directly, and institutional attitudes indirectly, through civic identity. As a result of structural equation modeling, a suitable model has been determined that explains up to 24% of variations in the outgroup discriminatory attitude and up to 25% of variations in the manifestation of biases in various spheres of life.

Keywords: personality, discriminatory attitude, biases, prejudices, outgroup, spheres of life, model.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-013-00094 A.

For citation: Shamionov R.M. The role of individual values, authoritarian attitudes and social identity in the General discriminatory orientation of the personal in Russia. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 54–73. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110204> (In Russ.).

Введение

Анализ различных характеристик дискриминационной направленности личности и группы, ее распространения на различные объекты и сферы, а также влияющих на ее силу факторов является важной задачей социальной психологии. В условиях социального многообразия и его потенциала для развития общества и государства важнейшим обстоятельством является устранение дискриминационной составляющей социальных отношений. У. Мак-Даугалл считал, что в обществе, богатом на различные мнения, возможен прогресс ценностей, идей [14]. Это заключение особенно важно с

точки зрения формирования дискриминационных установок в процессе социализации, поскольку на разных ее этапах обнаруживаются разные эффекты, сопровождающие (провоцирующие) дискриминационное отношение к Другому [18]. Это столь же значимо и с точки зрения самореализации человека, к какой бы социальной группе он ни принадлежал, вне зависимости от возраста, пола, возможностей здоровья и т.д. Поэтому важным обстоятельством становится выяснение и объяснение причин формирования дискриминационной установки и определение способов их устранения. Памятуя о том, что существует множество теоретических позиций относительно возникно-

вения дискриминационных установок и направленности в целом (социологическая, личностная, социобиологическая, группоцентрическая и т.п.), социально-психологический анализ представляется приоритетным, поскольку учитывает различные факторы — и внешние, и внутренние, исходя из представления о широкой системной детерминации этого явления.

Исследования дискриминационной установки в психологии в последнее десятилетие только усиливаются [4]. Это связано не только с тем, что дискриминационные установки тормозят экономическое развитие государства, но прежде всего с общественной нагрузкой, ростом скрытой социальной напряженности, которая может достичь уровня высокого риска для человека.

Наиболее важными аспектами выдвинутой проблемы являются усвоение дискриминационных установок в процессе социализации (включая его источники, институты и механизмы), типология предубеждений, выяснение характера распределения поведенческих реакций по отношению к дискриминируемым группам, соотношение нормативного и ненормативного в этих реакциях, прямого и опосредованного и т.п., а также тех личностных, социально-психологических и социальных детерминант, которые обуславливают и предсказывают силу предубеждений.

Необходимо отметить, что представления о дискриминируемых группах, переживания, связанные с взаимодействием с представителями этих групп, весьма ярко отражают имеющиеся в обществе тенденции [12; 19; 20; 34]. В исследовании Ю.С. Смирновой установлено, что бытовые представления о дискриминируемых группах и их типология весьма близки к научно-теоретическим позициям о типах

стигм [17]. Вместе с тем, как удалось выяснить в исследовании Е.Е. Бочаровой, рационализация дискриминационных отношений весьма посредственна как по количеству, так и по глубине рефлексии и ограничена весьма малым количеством категорий [7].

Различные характеристики дискриминационных установок раскрыты в ряде исследований последнего времени. Большинство исследований затрагивают вопросы этнических [9; 11; 18; 39] и религиозных [3; 16; 23; 27; 40] предубеждений, предубеждений в отношении психического статуса [8; 28], сексуального поведения и гендерной принадлежности [2; 13; 23], миграции [6; 32; 41], пребывания без определенного места жительства [17] и др. Исследования Т.В. Бесковой убедительно свидетельствуют в пользу того, что опыт общения и отсутствие неопределенности собственной идентичности являются факторами принятия Других. Это относится как к религиозным предубеждениям [3], так и к наиболее выраженной (по результатам всех отечественных исследований) дискриминационной установке по отношению к сексуальным меньшинствам [2]. Вместе с тем дискриминационные установки распространяются и на нормативные группы, характеризующиеся социально-возрастным статусом. Весьма содержательное исследование дискриминационных установок по возрасту проведено Н.В. Усовой, в котором сделаны выводы как о содержательных категориях дискриминации представителей разных возрастных групп, так и о том, что эти установки включают характеристики, свидетельствующие о сложностях взаимодействия, и связаны с отсутствием, скорее, социальных навыков, а также характеристики, свидетельствующие о

неспособности субъекта отстоять свои психологические границы во взаимодействии с Другими [19]. Американские исследователи [34] вывели две переменные — «компетентность» и «теплота», комбинации которых описывают различные стереотипы, образующие также и смешанные кластеры: высокую теплоту с низкой компетентностью (патерналистский тип) или высокую компетентность с низкой теплотой (завистливый тип). В соответствии с этой концепцией предрассудки могут быть как вертикальными, так и горизонтальными. Важным моментом здесь является то, что стереотипы «укладываются» в определенные типы (и вызывают соответствующие эмоции — жалость, зависть, восхищение, презрение) на основе воспринимаемого статуса и конкуренции. Классические исследования дискриминационных установок и поведения, проведенные в разное время [36; 38; 39; 42], свидетельствуют в пользу того, что имеются как общие для разных дискриминаций, так и частные их проявления и факторы. Поэтому предлагаются общие и специфичные средства для устранения дискриминационных установок [17; 25; 32; 35; 37]. Вместе с тем основная идея этих работ сводится к установлению тесного социального и межличностного сотрудничества в рамках решения общих задач.

Дискриминационная установка определена нами ранее как предрасположенность личности к мыслям, идеям, поведению, направленному на ограничение активности и лишение определенных прав других людей, основанная на предыдущем опыте социализации, регулирующая целостное отношение и поступки человека к представителям аутгрупп [20]. Необходимо также отметить, что дискриминационная установка основана на

эмоционально-оценочном отношении к обобщенным Другим. Еще Г. Олпорт подчеркивал весомую эмоциональную компоненту предрассудков как негативных установок, дискриминации [23]. Эмоциональная составляющая дискриминационной установки выражается (как правило) в неприязненности, брезгливости, страхах и прочих переживаниях по отношению к объекту дискриминационной установки.

Между тем важнейшими характеристиками личности, регулирующими поведение и деятельность, являются ценности и идеологические установки. Их связь с дискриминацией Других вовсе не однозначна [45]. Однако установление их связи с дискриминационной установкой, а также сферами дискриминации, соотнесение с идентичностью позволит приблизиться к выяснению важнейших личностных факторов дискриминации.

Цель исследования — изучить роль индивидуальных ценностей, авторитарных установок и социальной идентичности в выраженности дискриминационной направленности личности в России.

Предполагается наличие устойчивой связи между выраженностью общей дискриминационной направленности по предмету дискриминации и дискриминационной установки в различных сферах жизнедеятельности и идеологическими установками; наличие различий в дискриминационной емкости различных сфер жизнедеятельности; весомая роль определенных групп ценностей и гражданской идентичности и приверженности к этнической группе. Мы полагаем, что ценности и идеологические установки могут служить существенными и специфичными факторами дискриминации, соответствующими различным (дискриминируемым) группам и различным сферам дискриминации.

Процедура исследования

Выборка. В исследовании приняли участие 217 человек, средний возраст $M=28,9$; $SD=11,2$ (мужчин — 36%), жены/замужем — 64,5%, не женаты/не замужем — 27,7%, другое — 7,8%; проживают в селе 23%, в малом городе — 12,7%, в большом городе — 64,3%; разного уровня образования, средний доход пропорционально распределен по всей выборке.

Процедура. Исследование проводилось в течение трех месяцев. Участникам были розданы опросники, включающие анкету и психодиагностические методики. Время заполнения не ограничивалось.

Методы. Использованы разработанные шкалы на оценку дискриминационных установок, на выявление степени выраженности дискриминационной установки к представителям различных групп (мигранты, бездомные, лица с физическими недостатками и т.д.) на основе вопроса «Оцените, пожалуйста, в какой степени вы испытываете неприятие и предрассудки к представителям перечисленных групп в разных обстоятельствах» (далее представлены группы и оценочные шкалы).

Дискриминируемые группы были выявлены в результате пилотажных исследований, направленных [23] на оценку выраженности дискриминационной установки в определенной сфере (труд, учеба, спорт, фитнес и т.п.) с помощью вопроса «Попробуйте оценить, в каких сферах больше всего вам не хотелось бы видеть представителей группы, вызывающей у вас неприятие?» (далее представлены сферы). Все шкалы оценивались по 5-балльной системе (1 — не имею никакого неприятия и предубеждений, 5 — абсолютно не приемлю, испытываю крайне негативные чувства). Приверженность к

этнической группе (Ethnic) и степень религиозности (Relig) также определялись с помощью разработанных шкал — «Оцените силу этнических чувств (гордость, радость, единение со своим народом) по шкале: 1 — практически никаких; 2 — слабые; 3 — средние; 4 — сильные; 5 — очень сильные»; «Оцените силу своих религиозных убеждений по шкале: 1 — практически никаких; 2 — слабые; 3 — средние; 4 — сильные; 5 — очень сильные».

Все шкалы прошли проверку на конструктивную валидность, согласованность определялась с помощью критерия Альфа-Кронбаха (α -Кронбаха составляет от 0,86 до 0,89).

Для оценки дискриминационной установки (неприятия и предубеждений в отношении представителей аутгрупп) использовались два основных показателя — обобщенная предметная (аутгрупповая) дискриминационная установка (на основании оценок испытываемой неприязни к представителям различных групп) ($\alpha=0,89$) и обобщенная дискриминационная установка по сферам дискриминации (на основании оценок выраженности неприязни к Другим в определенных сферах жизнедеятельности) ($\alpha=0,89$).

Гражданская идентичность (CI) определялась с помощью шкалы, представленной А.Н. Татарко [18]. Она включает 4 вопроса, к которым предложены 5 вариантов ответов — от полного согласия до несогласия ($\alpha=0,90$).

Выраженность ценностей определена с помощью методики Ш. Шварца [24]. В соответствии с методикой выделены 19 ценностей (Самостоятельность — Мысли (SDT); Самостоятельность — Поступки (SDA); Стимуляция (ST); Гедонизм (HE); Достижение (AC); Власть — Доминирование (POD);

Власть — Ресурсы (POR); Репутация (FAC); Безопасность — Личная (SEP); Безопасность непосредственного окружения (SES); Традиция (TR); Конформизм — Правила (COR); Конформизм — Межличностный (COI); Скромность (HUM); Универсализм — Забота о других (UNN); Универсализм — Забота о природе (UNC); Универсализм — Толерантность (UNT); Благожелательность — Забота (BEC); Благожелательность — Чувство долга (BED)), которые располагаются на континууме: смежные ценности являются наиболее совместимыми, а противоположные находятся в наибольшем конфликте друг с другом.

Для оценки авторитаризма правого толка, который отражает мотивацию и установки на поддержание социальной сплоченности, порядка, стабильности и коллективной безопасности, использовалась короткая версия методики Дж. Даккита, разработанная Д.С. Григорьевым [10]. Она включает 16 вопросов, распределенных по ряду шкал: авторитарное подчинение ($\alpha=0,62$), авторитарная агрессия ($\alpha=0,75$), конвенционализм ($\alpha=0,73$), доминирование ($\alpha=0,79$), эгалитаризм ($\alpha=0,71$), вера в опасный мир ($\alpha=0,76$), вера в конкурентный мир ($\alpha=0,64$).

Методы обработки данных. Для обработки первичных данных использовалась статистическая программа Statistical Package for the Social Sciences (SPSS 20.0). Для определения внутренней согласованности психологических шкал вычислялся коэффициент α -Кронбаха. Использованы параметрический метод сравнения выборок (t-критерий Стьюдента), корреляционный и регрессионный анализы. Для

структурного моделирования использована программа AMOS-19.

Результаты

Рассмотрим результаты корреляционного анализа между степенью неприязни к представителям различных дискриминируемых групп и сферами дискриминации (в которых больше всего не хотелось бы испытуемому видеть представителей этих групп)¹. В результате корреляционного анализа удалось установить, что неприятие и предрассудки к представителям различных (дискриминируемых) групп связаны с определенными сферами дискриминации. Наиболее выраженными (по количеству связей) оказались сферы спорта, образования и карьеры. В этих сферах выраженность неприятия связана с 12 группами (или 63% от всех включенных в опрос). Менее всего в этом отношении выражена сфера соседства.

Из результатов корреляционного анализа следует, что наиболее ценностно-детерминированными сферами дискриминации являются сфера спорта, политики, карьеры и соседства. При этом способствуют дискриминации ценности безопасности личностной и общественной, власти-ресурсов, традиций. Не выявлено взаимосвязей между идеологическими установками (методика Даккита) и общим показателем дискриминационной установки. Взаимосвязь конвенционализма и показателя дискриминации по сферам ($r=0,22$, $p<0,01$) свидетельствует о том, что соблюдение норм, устоявшихся традиций и ценностей согласуется с

¹ Анализировались сферы отдыха, спорта, образования, карьеры, соседства, политики, работы, учебы, межличностных отношений.

дискриминацией представителей различных групп в ряде сфер.

Из данных о взаимосвязи по дискриминируемым группам и сферам следует, что идеологические установки в меньшей степени, нежели ценности, сопряжены с дискриминационными установками как по предмету, так и в отношении их проявлений в сферах жизнедеятельности. Тем не менее отчасти эти данные согласуются с исследованиями ряда авторов, установивших дифференциацию во взаимосвязях идеологических установок с предубеждениями в отношении групп различного типа («опасных», «аутсайдерских или оступившихся» и «диссидентских») [31].

Обратимся к данным регрессионного анализа, в который в качестве зависимой переменной была включена общая дискриминационная установка по предмету и по сферам, а в качестве независимых — последовательно социально-демографические характеристики, ценности, характеристики авторитаризма правого толка.

Из результатов регрессионного анализа следует, что среди социально-демографических характеристик наиболее важное место занимают возраст и место проживания, которыми обусловлены вариации детерминации предметной дискриминационной установки, а также уровень образования, которым обусловлены вариации дискриминации по сферам жизнедеятельности. Исходя из следующего шага регрессионного анализа, можно сделать вывод о том, что ряд ценностей прямо детерминируют обе переменные, характеризующие дискриминационную установку. Детерминантами аутгрупповой дискриминационной установки являются ценности традиции (положительно), конформизма межличностного, универсализма — заботы о других и благожелательности — заботы (отрицательно). Цен-

ности универсализма (забота о природе), конформизма межличностного и благожелательности — заботы детерминируют противоположный полюс дискриминационной установки. Наконец, включение в регрессионное уравнение показателя гражданской идентичности позволило установить небольшой уровень ее детерминирующей роли в формировании дискриминационной установки ($R^2=0,05$, $F=10,25$ при $p<0,01$). Кроме того, корреляционный анализ позволил установить связь между гражданской идентичностью и авторитарным подчинением ($r=0,300$; $p<0,01$), авторитарной агрессией ($r=0,233$; $p<0,01$) — показателями авторитаризма правого толка (по Даккиту).

Ввиду весомой значимости вопроса о связях дискриминационной установки и других социально-психологических характеристик личности на следующем этапе нашего исследования проведено структурное моделирование с включением экзогенных и эндогенных переменных, выявленных выше. Как видно из показателей согласия, приведенных под рисунком, они дали приемлемый результат.

Из приведенной модели видно, что она объясняет порядка 24% вариаций дискриминационной установки в отношении представителей аутгрупп и 25% проявлений дискриминационной установки в различных сферах жизнедеятельности. В качестве экзогенной переменной в модель была введена переменная возраста, наряду с которой использовалась также переменная образования.

Обсуждение результатов

Исходя из результатов корреляционного анализа следует, что соседство не выступает фактором угрозы или раздра-

результатами исследования представлений о дискриминируемых группах и «емкости дискриминации» Ю.С. Смирновой [17]. Исключением является группа экономически низкостатусных. Здесь, на наш взгляд, проявляются несколько «социальных норм». Это, прежде всего, норма на дифференциацию «свои-чужие», что проявляется в стремлении отгородиться от социальных аутсайдеров в любых обстоятельствах жизни и, соответственно, в любых сферах; норма на выравнивание, заключающаяся в стремлении выровнять достижения другого, а при невозможности — отвергнуть его, испытывая неприязнь, что согласуется с исследованиями В.А. Лабунской [13], Т.В. Бесковой [4] и др. Кроме того, в исследовании А.Дж. Кадди, С.Е. Фиск, П. Глик (A.J. Cuddy, S.T. Fiske, P. Glick) показано, что медиатором влияния зависти на активное нанесение вреда Другому является гнев [30]. Однако авторами отмечено, что завистливые группы («компетентные» и «холодные» по стереотипам) вызывают активный вред [30, с. 644]. Из этих результатов видно и то, что в представлении испытуемых к маргиналам приравниваются и политики, а также представители иных религий и этносов. Это вполне укладывается в представление о двух классах стереотипов (компетентности и теплоты), в соответствии с которыми данные группы относятся к кластеру низкой теплоты и низкой компетентности [34]. Однако со сферой соседства связи не выявлено. Возможно, соседство в условиях современного города не является столь значимым социальным институтом, чем все остальные, а в условиях малого города и села, напротив, оно остается традиционным институтом, предполагающим множественные межличностные контакты [22].

Исходя из полученных результатов можно утверждать, что прогнозы, предполагаемые теоретическими рамками исследования, подтвердились лишь частично. В частности, отсутствуют связи между общим показателем дискриминационной установки и авторитаризмом правового толка. Здесь можно усмотреть определенную специфику, заключающуюся в том, что авторитаризм может служить идеологическим основанием для дискриминации представителей одних и защиты представителей других групп. Это касается и ценностей. Роль поддержки дискриминации со стороны ценностей сохранения вполне понятна и объяснима. Однако роль ценностей самоопределения и открытости изменениям не столь однозначна. Из результатов данного исследования следует, что дискриминационные установки к представителям определенных групп характеризуются специфичными мотивационными целями, лежащими в основе индивидуальных ценностей и идеологических установок как коллективных стратегий поддержания социального порядка и групповой сплоченности.

Стремление контролировать ресурсы, стремление к безопасности как непосредственного окружения, так и общества в целом, стремление к стабильности в обществе, к сохранению традиций способствуют в большей мере проявлению дискриминационных установок. Как можно заметить, названные ценности относятся к числу ценностной области «сохранение» и «самоутверждение». Если первое в целом связано с распространенностью в обществе консервативных взглядов, то второе относится к той области, которая по своей сути не несет в себе никаких «охранительных» функций и обладает возможностью разрушения. Иначе го-

вора, Другой в этом случае становится лишь очередным объектом доказательства своего превосходства. Данные результаты согласуются с исследованиями ряда авторов, в которых установлено, что ценности сохранения воспроизводят полюс авторитаризма правого толка, а ценности самоопределения — ориентации на социальное доминирование [10, с. 33]. Напротив, снижают выраженность дискриминационной установки ценности конформизм межличностный и самостоятельность — мысли. Иначе говоря, стремление к свободе развить собственные идеи и избегание причинения вреда другим не способствуют развитию дискриминационных установок.

Особая роль в детерминации дискриминационных установок выявлена в случае значимости ценности «репутация», заключающейся в том, что в сфере спорта и карьеры она сопряжена с низкими значениями дискриминации, а в сфере политики и соседства — с высокими. Это значит, что поддержание публичного имиджа в первых сферах связано с отсутствием высказываний дискриминационных установок, а в сфере политики и соседства, напротив, — с акцентированием дискриминации.

Результаты регрессионного анализа указывают на то, что более старшие участники исследования характеризуются более высокими показателями дискриминационной установки, что, очевидно, связано с усиливающимся с возрастом консерватизмом личности, склонностью к созданию вокруг себя упорядоченного мира, что согласуется с результатами ряда исследований, в которых показано, что некоторые известные установки отсутствуют в молодежных выборках [2; 3; 20]. Не менее выражена «урбанистическая» детерминация, заключающаяся в

том, что пребывание в более масштабном поселении связано с более выраженной дискриминационной установкой. В случае проявления неприязненности в различных сферах жизнедеятельности важное значение имеет уровень образования: чем он ниже, тем сильнее дискриминация.

Высокий уровень приверженности к этнической группе тоже является значимым фактором неприятия представителей дискриминируемых групп. Эти данные нельзя объяснить лишь эффектом ингруппового фаворитизма, так как дискриминация относится не только к этническим или религиозным меньшинствам. Очевидно, сила выраженности этнической приверженности находится в связи с авторитаризмом и правой идеологией, что и служит весомым фактором неприятия Других по каким-либо признакам. Это предположение подтверждается результатами корреляционного анализа, в соответствии с которыми этническая приверженность связана с авторитарным подчинением ($r=0,196$; $p<0,01$) и авторитарной агрессией ($r=0,147$; $p<0,05$). Эти данные также согласуются с результатами исследований [10; 17; 37], в которых устанавливаются связи между приверженностью своей группе и неприятием другой. Однако здесь, пожалуй, проявляется не просто неприятие другой этнической, но любой Другой группы определенного типа, в отношении которой имеется предубеждение. Так, исследования, проведенные С. Cantal с коллегами, свидетельствуют в пользу дифференцированного «предсказывания» разных измерений предрассудков (к представителям групп, по-разному оцениваемых с точки зрения опасности, диссидентства, аутсайдерства) идеологическими установками авторитаризма и ориентации на социальное доминирование [28]. Это го-

ворит о том, что в отношении представителей разных групп могут «срабатывать» разные идеологические установки.

Ценности самоопределения выступают в качестве целевых ориентиров, снижающих выраженность дискриминационной установки. Заметим также, что ценности обуславливают около 21% дисперсии зависимой переменной — дискриминационной установки в отношении представителей аутгрупп.

Детерминантами дискриминационной установки в различных сферах их проявлений являются ценности — безопасность общественная, скромность (положительно) и конформизм межличностный, благожелательность — забота (отрицательно). Иначе говоря, стремление к безопасности общественной и признание силы коллектива (незначительности существования человека в круговороте жизни) способствуют усилению дискриминационной установки в конкретных сферах жизнедеятельности, а стремление к равенству, к благополучию членов группы — ее снижению. Небольшой вклад в данную установку осуществляет следование правилам (правого толка) — конвенционализм.

Исходя из результатов регрессионного и корреляционного анализов следует, что дискриминационная установка связана с гражданскими установками нашего общества, которые, в свою очередь, согласованы с некритичным подчинением и принятием установленной внутригрупповой власти и общей агрессивностью, направленной на инакомыслящих, нарушителей социальных норм и аутгруппы (по [29]). Вместе с тем в нашем исследовании прямой однозначной связи между этими характеристиками и дискриминационной установкой не выявлено, что означает наличие разных оснований у

бытовой и институциональной дискриминационных установок.

Структурное моделирование позволило вскрыть роль различных переменных в вариациях дискриминационной установки. Важнейшей переменной в этой модели является приверженность к этнической группе. Сила ее детерминирующей роли в отношении дискриминационной установки весьма велика, положительно способствует ее проявлениям. Кроме того, она опосредует связь между ценностью безопасности общественной и дискриминационной установкой. Как видно из модели, ценности самостоятельность — мысли и универсализм — забота о природе подрывают действие дискриминационной установки, а возраст, напротив, является положительным фактором, из чего следует, что с возрастом дискриминационная установка только усиливается. Примечательно и то, что дискриминационная установка снижает приверженность к ценности конформизма межличностного, тем самым ставя барьер на избегании причинения вреда другим и, очевидно, на проявлениях чувства вины. При этом установка влияет на проявления предубеждений в различных сферах жизнедеятельности, а конформизм межличностный предстает здесь в качестве медиатора, ослабляя прямую причинную связь. Из модели видна и существенная роль в проявлениях предубеждений личности в различных сферах ценностей безопасности — и личной, и общественной. Значит, ощущение отсутствия защиты, стремление к безопасности усиливают дискриминационные проявления, равно как и низкий уровень образования.

Весьма важным компонентом этой модели, во многом объясняющим специфику проявлений дискриминационных установок в российской провинции, является высокий уровень детерминации

этнической приверженности ценностью общественной безопасности (которая объясняет около 10% вариаций приверженности к этнической группе).

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Дискриминационная направленность наиболее выражена в сферах спорта, образования и карьеры, в которых проявляется неприятие к 63% дискриминируемых групп. Наименее емкой с точки зрения неприязни является сфера соседства. Наиболее емкими с точки зрения неприязненности, реализации дискриминационных установок в различных сферах являются группы лиц с нетрадиционными сексуальными ориентациями, мигранты, бездомные, политические деятели, лица, достигшие большего, чем респонденты, лица с высокими доходами (только в случае превосходства, т.к. в обратном случае связей не обнаружено), представители иных религий и этносов (в порядке от большей к меньшей выраженности).

2. Ценностная детерминация неприятия и предубеждений в различных сферах жизнедеятельности связана с ценностями безопасности личностной и общественной, власти — ресурсов, традиций (положительно); ценностями конформизма межличностного и самостоятельности — мысли (отрицательно) и репутации как стремления поддержать публичный имидж и избежать унижения (амбивалентно в разных сферах).

3. Гражданская идентичность выступает скорее фактором институциональной дискриминации, нежели бытовой. В то время как приверженность к этнической группе влияет на силу бытовой

дискриминационной установки прямо, а институциональной — опосредованно, через гражданскую идентичность.

4. Приверженность к этнической группе и возраст (положительно) наряду с ценностями самостоятельности — мысли и универсализм — забота о природе (отрицательно) объясняют 24% вариаций аутгрупповой дискриминационной установки, которая совместно с ценностями безопасности и конформизма межличностного и образованием объясняет до 25% вариаций проявления предубеждений в различных сферах жизнедеятельности. Роль ценностей в формировании дискриминационной установки двойка: одни — усиливают ее (безопасность), другие — снижают (универсализм — забота о природе, самостоятельность — мысли и конформизм межличностный).

Таким образом, приверженность личности к определенным ценностям в сопряженности с социально-демографическими характеристиками и приверженностью к этнической группе обуславливают выраженность дискриминационной установки личности. Роль гражданской идентичности и авторитаризма правого толка в изучаемом ракурсе не очевидна. Тем не менее подтвердилась гипотеза о том, что различным дискриминируемым группам и сферам дискриминации соответствуют определенные идеологические установки и ценности. Недостатком данного исследования является неопределенность конкретных проявлений дискриминационных проявлений в отношении представителей аутгрупп. Необходимы дополнительные исследования, направленные на анализ пределов дискриминационных действий в случае сильных установок в отношении Других вообще и в отношении представителей конкретных групп в частности.

Литература

1. *Безносков Д.С., Почебут Л.Г.* Психологические аспекты экстремизма и терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. № 1. С. 287–299.
2. *Бескова Т.В.* Особенности отношения к представителям сексуальных меньшинств и его мотивы [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. № 6. Том 9. URL: <https://mir-nauki.com/issue-6-2018.html> (дата обращения: 11.01.2019).
3. *Бескова Т.В.* Особенности отношения православных россиян к представителям других религий и его мотивы // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. № 11 (86). С. 30–35.
4. *Бескова Т.В.* Социально-психологическая структура и детерминанты зависти. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2013. 324 с.
5. *Бовина И.Б., Бовин Б.Г.* Стигматизация: социально-психологические аспекты (часть 1) // Психология и право. 2013. № 3. С. 11–21.
6. *Бодзяны М.* «Стекланные стены» — размышления о европейском мультикультурализме // Социальная психология и общество. 2017. Том 8. № 3. С. 20–30. DOI:10.17759/sps.2017080303
7. *Бочарова Е.Е.* Содержательные характеристики «предметного поля» дискриминационных установок // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 3. С. 308–322. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-3-308-322
8. *Голенков А.В.* Общественные предубеждения к психиатрии в Чувашии // Психическое здоровье. 2010. Т. 8. № 4 (47). С. 42–46.
9. *Григорьев Д.С.* Дискриминация мигрантов в социоэкономической сфере: роль межгрупповых установок принимающего населения // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 3. С. 63–84. DOI:10.17759/sps.2017080306
10. *Григорьев Д.С.* Разработка короткой версии шкал из методики Дж. Даккита: авторитаризм правого толка, ориентация на социальное доминирование, вера в опасный и конкурентный мир // Национальный психологический журнал. 2017. № 4 (28) С. 30–44. DOI: 10.11621/npj.2017.0403
11. *Григорьев Д.С., Батхина А.А., Дубров Д.И.* Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 53–65. DOI:10.17759/chrp.2018140206
12. *Григорьева М.В.* Теоретический анализ проблемы реализации дискриминационных установок личности в поведении // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18. Вып. 3. С. 305–310. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-305-310
13. *Лабунская В.А.* Зависть, безнадежность и надежда как способы преобразования бытия субъекта // Личность и бытие: субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. Краснодар: КГУ, Просвещение — Юг, 2005. С. 120–137.
14. *Мак-Даугал У.* Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос, 2016. 282 с.
15. *Некрасова Ю.В.* Негативное влияние гендерных стереотипов в обществе // Экономика и социум. 2016. № 6-2 (25). С. 271–275.

16. *Ростовцева М.В.* Проблема интолерантности в современном обществе // Социодинамика. 2016. № 6. С. 13–17. DOI:<http://dx.doi.org/10.7256/2409-7144.2016.6.18113>
17. *Смирнова Ю.С.* Прототипический подход к анализу феномена предубеждений // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2017. № 1. С. 69–73.
18. *Татарко А.Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Институт психологии РАН, 2014. 384 с.
19. *Ткаченко Н.В.* Этнонациональные установки и этнические предубеждения: проблемы взаимосвязи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 1. С. 149–158.
20. *Усова Н.В.* Содержательные характеристики дискриминационных установок по возрасту [Электронный ресурс] // Письма в Эмиссия. Оффлайн: электронный научный журнал. 2018. № 8. ART 2643. URL: <http://www.emissia.org/offline/2018/2643.htm> (дата обращения: 11.01.2019).
21. *Шамионов Р.М.* Формирование дискриминационных установок личности в процессе ее социализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 2 (26). С. 129–135. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-132
22. *Шамионов Р.М.* Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 4. С. 109–122. DOI:10.17759/sps.2015060408
23. *Шамионов Р.М., Григорьева М.В.* Взаимосвязь дискриминационных установок личности и социально-демографических характеристик, социально-политических и социально-экономических предпочтений // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 4 (28). С. 326–332. DOI: <http://dx.doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-326-332>
24. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
25. *Allport G.W.* The Nature of Prejudice. Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 537 p.
26. *Anderson J., Ferguson R.* Demographic and ideological correlates of negative attitudes towards asylum seekers: A meta-analytic review // Australian journal of psychology. 2018. Vol. 70. № 1. P. 18–29.
27. *Brannon T.N., Carter E.R., Murdock-Perriera L.A., Higginbotham G.D.* From Backlash to Inclusion for All: Instituting Diversity Efforts to Maximize Benefits Across Group Lines // Social issues and policy review. 2018. Vol. 12 (1). P. 57–90.
28. *Cantal C., Milfont T.L., Wilson M.S., Gouveia V.V.* Differential effects of Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation on dimensions of generalized prejudice in Brazil // European Journal of Personality. 2014. Vol. 29 (1). P. 17–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/per.1978>
29. *Ching B.H.-H., Xu J.T.* The Effects of Gender Neuroessentialism on Transprejudice: An Experimental Study // Sex roles. 2018. Vol. 78. № 3 (4). P. 228–241.

30. *Cuddy A.J., Fiske S.T., Glick P.* The BIAS map: behaviors from intergroup affect and stereotypes // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 92 (4). P. 631–648. DOI:10.1037/0022-3514.92.4.631
31. *Duckitt J., Sibley C.G.* Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice // *European Journal of Personality*. 2007. Vol. 21 (2). P. 113–130. DOI:http://dx.doi.org/10.1002/per.614
32. *Delgado N., Arino E., Betancor V., Rodríguez-Pérez A.* Intergroup trust and anxiety: The two sides of stigma towards people with Down syndrome // *Anales de psicología*. 2018. Vol. 34. № 1. P. 117–122.
33. *Dunwoody P.T., McFarland S.G.* Support for Anti-Muslim Policies: The Role of Political Traits and Threat Perception // *Political psychology*. 2018. Vol. 39. № 1. P. 89–106.
34. *Fiske S.T., Cuddy A.J., Glick P., Xu J.* A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. Vol. 82 (6). P. 878–902. DOI: 10.1037/0022-3514.82.6.878
35. *Gravani M., Soureti A., Stathi S.* Using nostalgia to reduce prejudice toward immigrants // *European journal of social psychology*. 2018. Vol. 48 (2). P. 168–174.
36. *Hodson G., Dhont K.* The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity // *European Review of Social Psychology*. 2015. Vol. 26. № 1 P. 1–42. DOI: 10.1080/10463283.2015.1070018
37. *Husnu S., Mertan B., Cicek O.* Reducing Turkish Cypriot children's prejudice toward Greek Cypriots: Vicarious and extended intergroup contact through storytelling // *Group processes & Intergroup relations*. 2018. Vol. 21. № 1. P. 178–192.
38. *Jones J.* Prejudice and racism. New York, 1997. 592 p.
39. *McDermott D.T., Brooks A.S., Rohleder P., Blair K.L.* Ameliorating trans negativity: assessing the immediate and extended efficacy of a pedagogic prejudice reduction intervention // *Psychology & Sexuality*. 2018. Vol. 9. № 1. P. 69–85.
40. *Pettigrew T.F.* Intergroup contact theory // *Annual Review of Psychology*. 1988. № 49. P. 65–85. DOI: 10.1146/annurev.psych.49.1.65.
41. *Pettigrew T.F., Tropp L.R.* How does intergroup contact reduce prejudice? Metaanalytic tests of three mediators // *European Journal of Social Psychology*. 2008. № 38. P. 922–34. DOI:10.1002/ejsp.504
42. *Pirchio S., Passiatore Y., Panno A., Maricchiolo F., Carrus G.* A Chip Off the Old Block: Parents' Subtle Ethnic Prejudice Predicts Children's Implicit Prejudice [Электронный ресурс] // *Frontiers in psychology*. 2018. № 9. P. 110. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2018.00110/full> (дата обращения: 11.01.2019).
43. *Sekerdej M., Kosowska M., Czernatowicz-Kukuczka A.* Uncertainty and prejudice: The role of religiosity in shaping group attitudes // *European journal of social psychology*. 2018. Vol. 48. № 2. P. 91–102.
44. *Sinn J.* Mapping Ideology: Combining the Schwartz Value Circumplex with Evolutionary Theory to Explain Ideological Differences // *Evolutionary Psychological Science*. 2019. Vol. 5. No 1. P. 44–57.
45. *Tajfel H.* Social stereotypes and social groups // *Intergroup behavior* / In J.C. Turner, H. Giles (eds.). Oxford, 1981. P. 144–167.

References

1. Beznosov D.S., Pochebut L.G. Psixologicheskie aspekty ekstremizma i terrorizma [Psychological aspects of extremism and terrorism]. *Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sociologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Issue 12. Psychology. Sociology. Pedagogy], 2010, no. 1, pp. 287–299.
2. Beskova T.V. Osobennosti otnosheniya k predstaviteleyam seksualnyx menshinstv i ego motivy [Elektronnyi resurs] [Features of the attitude to representatives of sexual minorities and its motives]. *Internet-zhurnal "mir nauki"* [Internet-journal "World of science"]. 2018. Vol 9, no. 6. URL: <https://mir-nauki.com/issue-6-2018.html> (Accessed: 11.01.2019).
3. Beskova T.V. Osobennosti otnosheniya pravoslavnyx rossiyan k predstaviteleyam drugix religij i ego motivy [Features of the attitude of Orthodox Russians to representatives of other religions and its motives]. *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. seriya: poznanie* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Knowledge], 2018, no. 11 (86), pp. 30–35.
4. Beskova T.V. Sotsial'no-psixologicheskaya struktura i determinanty zavisti [Socio-psychological structure and determinants of envy]. Saratov: Publishing house of Sarat. University, 2013. 324 p.
5. Bovina I.B., Bovin B.G. Stigmatizaciya: socialno-psixologicheskie aspekty (chast1) [Stigma: social psychological aspects (part 1)]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2013, no. 3, pp. 11–21.
6. Bodziany M. 'Glass walls' – considerations about European multiculturalism. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 20–30. DOI:10.17759/sps.2017080303. (In Russ., abstr. in Engl.)
7. Bocharova E.E. Content Characteristics of the "Subject Field" of Discriminatory Attitudes. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2018. Vol. 15, no. 3, pp. 308–322. DOI:10.22363/2313-1683-2018-15-3-308-322
8. Golenkov A.V. Obshhestvennye predubezhdeniya k psixiatrii v chuvashii [The Social prejudices towards psychiatry in the Chuvash Republic]. *Psikhicheskoe zdorove* [Mental health], 2010. Vol. 8, no. 4 (47), pp. 42–46.
9. Grigoryev D.S. The discrimination of immigrants in the socioeconomic domain: the role of intergroup attitudes of the mainstream population. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2017. Vol. 8, no. 3, pp. 63–84. DOI:10.17759/sps.2017080306. (In Russ., abstr. in Engl.)
10. Grigoriev D.S. Razrabotka korotkoj versii shkal iz metodiki J. Duckitta: avtoritarizm pravogo tolka, orientaciya na socialnoe dominirovanie, vera v opasnyj i konkurentnyj mir [Development of a short version of the scales from the method of J. Duckitt: right-wing authoritarianism, orientation towards social dominance, belief in a dangerous and competitive world]. *Nacionalnyj psixologicheskij zhurnal* [National psychological journal], 2017, no. 4(28). pp. 30–44. DOI:10.11621 / npj.2017.0403
11. Grigoryev D.S., Batkhina A.A., Dubrov D.I. Assimilationism, Multiculturalism, Colorblindness, and Polyculturalism in the Russian Context. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2018. Vol. 14, no. 2, pp. 53–65. DOI:10.17759/chp.2018140206

12. Grigoryeva M.V. Theoretical Analysis of the Problem of Realization of Discriminatory Attitudes of the Person in Behavior. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018. Vol. 18, no. 3, pp. 305–310. DOI: 10.18500/1819-7671-2018-18-3-305-310
13. Labunskaya V.A. Zavisť, beznadezhnost' i nadezhda kak sposoby preobrazovaniya bytiya sub"ekta [Envy, hopelessness and hope as ways of transforming the subject's being]. In Znakov V.V., Ryabikina Z.I. (eds.). *Lichnost' i bytie: sub"ektnyi podkhod. Lichnost' kak sub"ekt bytiya: teoretiko-metodologicheskie osnovaniya analiza [Personality and being: a subjective approach. Personality as a subject of being: theoretical and methodological foundations of analysis]*. Krasnodar: KSU, Prosveshchenie – Yug, 2005, pp. 120–137.
14. McDougall W. Osnovnye problemy socialnoj psixologii [Main problems of social psychology]. Moscow: Space, 2016. 282 p.
15. Nekrasova Y.V. Negativnoe vliyanie gendernyx stereotipov v obshchestve [The Negative impact of gender stereotypes in the society]. *Ekonomika i socium [Economy and society]*, 2016, no. 6–2 (25), pp. 271–275.
16. Rostovtseva M.V. Problema intolerantnosti v sovremennom obshchestve [The problem of intolerance in modern society]. *Sociodynamics*, 2016, no. 6, pp. 13–17. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.6.18113
17. Smirnova S. Prototipicheskij podxod k analizu fenomena predubezhdenij [Prototypical approach to the analysis of the phenomenon of prejudice]. *Zhurnal belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya [Journal of the Belarusian state University. Philosophy. Psychology]*, 2017, no. 1, pp. 69–73.
18. Tatarko A.N. Socio-psychological capital of the individual in a multicultural society. Moscow: Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences, 2014. 384 p.
19. Tkachenko N.In. Etnonacionalnye ustanovki i etnicheskie predubezhdeniya: problemy vzaimosvyazi [Ethnonational attitudes and ethnic prejudices: problems of interrelation]. *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. seriya: psixologicheskie nauki [Bulletin of the Moscow state regional University. Series: Psychological Sciences]*, 2009, no. 1, pp. 149–158.
20. Usova N.V. Soderzhatel'nye kharakteristiki diskriminatsionnykh ustanovok po vozrastu [Elektronnyi resurs] [Content characteristics of discrimination equipment by age]. *The Emissia. Offline Letters*, 2018, no. 8. ART 2643. URL: <http://www.emissia.org/offline/2018/2643.htm> (Accessed: 11.01.2019).
21. Shamionov R. M. Formation of Discriminatory Personal Attitudes in the Process of Socialization. *Izv. Saratov Univ. (N.S.). Ser. Educational Akmeology. Developmental Psychology*, 2018. Vol. 7, no. 2 (26), pp. 129–135. DOI:10.18500/2304-9790-2018-7-2-129-135.
22. Shamionov R.M. Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological Well-Being in Urban and Rural Populations. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 109–122. DOI:10.17759/sps.2015060408 (In Russ., abstr. in Engl.)
23. Shamionov R. M., Grigorieva M. V. Interconnection between Discriminatory Attitudes of an Individual and Socio-Demographic Characteristics, Socio-Political and Socio-Economic Preferences. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2018. Vol. 7, Iss. 4 (28), pp. 327–332 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-4-327-332>

24. Schwartz S.H., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individualnykh cennostej: primenenie v Rossii [Refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher school of Economics]*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70.
25. Allport G.W. *The Nature of Prejudice*. Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 537 p.
26. Anderson J., Ferguson R., Demographic and ideological correlates of negative attitudes towards asylum seekers: A meta-analytic review. *Australian journal of psychology*, 2018. Vol. 70, no. 1, pp. 18–29.
27. Brannon T.N., Carter E. R., Murdock-Perriera L.A., Higginbotham G.D. From Backlash to Inclusion for All: Instituting Diversity Efforts to Maximize Benefits Across Group Lines. *Social issues and policy review*, 2018. Vol. 12 (1), 57–90.
28. Cantal C., Milfont T.L., Wilson M.S., Gouveia V.V. Differential effects of Right-Wing Authoritarianism and Social Dominance Orientation on dimensions of generalized prejudice in Brazil. *European Journal of Personality*, 2014. Vol. 29 (1), pp. 17–27. DOI: <http://dx.doi.org/10.1002/per.1978>
29. Ching B. H-H. Xu J.T. The Effects of Gender Neuroessentialism on Transprejudice: An Experimental Study. *Sex roles*, 2018. Vol. 78, no. 3–4, pp. 228–241.
30. Cuddy A.J., Fiske S.T., Glick P. The BIAS map: behaviors from intergroup affect and stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004. Vol. 92 (4), pp. 631–648. DOI:10.1037/0022-3514.92.4.631
31. Duckitt J., Sible C.G. Right wing authoritarianism, social dominance orientation and the dimensions of generalized prejudice. *European Journal of Personality*, 2007. Vol. 21 (2), pp. 113–130. DOI:<http://dx.doi.org/10.1002/per.614>
32. Delgado N., Arino E., Betancor V., Rodríguez-Pérez A. Intergroup trust and anxiety: The two sides of stigma towards people with Down syndrome. *Anales de psicología*, 2018. Vol. 34, no. 1, pp. 117–122.
33. Dunwoody P.T.; McFarland S. G. Support for Anti-Muslim Policies: The Role of Political Traits and Threat Perception. *Political psychology*, 2018. Vol. 39, no. 1, pp. 89–106.
34. Fiske S.T., Cuddy A.J., Glick P., Xu J. A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002. Vol. 82 (6), pp. 878–902. DOI: 10.1037/0022-3514.82.6.878
35. Gravani M., Soureti A., Stathi S. Using nostalgia to reduce prejudice toward immigrants. *European journal of social psychology*, 2018. Vol. 48(2), pp. O168–O174.
36. Hodson G., Dhont K. The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity. *European Review of Social Psychology*, 2015. Vol. 26 (1), pp. 1–42. DOI:10.1080/10463283.2015.1070018
37. Husnu S., Mertan B., Cicek O. Reducing Turkish Cypriot children’s prejudice toward Greek Cypriots: Vicarious and extended intergroup contact through storytelling. *Group processes & Intergroup relations*, 2018. Vol. 21, no. 1, pp. 178–192.
38. Jones J. *Prejudice and racism*. New York, 1997. 592 p.
39. McDermott D.T., Brooks A.S., Rohleder P., Blair K.L. Ameliorating trans negativity: assessing the immediate and extended efficacy of a pedagogic prejudice reduction intervention. *Psychology & Sexuality*, 2018. Vol. 9, no. 1, pp. 69–85.

40. Pettigrew T. F. Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology*, 1988, no. 49, pp. 65–85. DOI:10.1146/annurev.psych.49.1.65
41. Pettigrew T.F., Tropp L.R. How does intergroup contact reduce prejudice? Metaanalytic tests of three mediators. *European Journal of Social Psychology*, 2008, no. 38, pp. 922–34. DOI:10.1002/ejsp.504
42. Pirchio S., Passiatore Y., Panno A., Maricchiolo F., Carrus G. A Chip Off the Old Block: Parents' Subtle Ethnic Prejudice Predicts Children's Implicit Prejudice. *Frontiers in psychology*, 2018. Vol. 9, pp. 110.
43. Sekerdej M., Kossowska M., Czernatowicz-Kukuczka A. Uncertainty and prejudice: The role of religiosity in shaping group attitudes. *European journal of social psychology*, 2018. Vol. 48, no. 2, pp. 91–102.
44. Sinn J. Mapping Ideology: Combining the Schwartz Value Circumplex with Evolutionary Theory to Explain Ideological Differences. *Evolutionary Psychological Science*, 2019. Vol. 5, no. 1, pp. 44–57.
45. Tajfel H. Social stereotypes and social groups. In Turner J.C., Giles H. (eds.). *Intergroup behavior*. Oxford, 1981, pp. 144–167.

Информация об авторах

Шамионов Раиль Муширович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»), г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Information about the authors

Rail M. Shamionov, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University, Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8358-597X>, e-mail: shamionov@mail.ru

Получена 16.02.2019

Received 16.02.2019

Принята в печать 09.04.2020

Accepted 09.04.2020

Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины

Гулевич О.А.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru*

Сариева И.Р.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru*

Цель исследования. Анализ связи между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью участвовать в нормативных и ненормативных формах политического поведения.

Контекст и актуальность исследования. На фоне растущей политизации жителей большинства стран увеличивается запрос на анализ факторов, связанных с готовностью граждан участвовать в различных формах политической активности: от голосования до уличных протестов. Крайне важным является выявление универсальных и культурно-специфичных факторов.

Дизайн исследования. В работе изучалась связь между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью участвовать в политической активности. Наличие и характер взаимосвязи проверялись через корреляционный анализ и моделирование структурными уравнениями (SEM).

Выборка. Российская выборка: 440 человек (76,4% мужчин, 23,4% женщин) от 23 до 77 лет ($M=38,99$; $SD=11,62$). Украинская выборка: 249 человек (59,8% мужчин, 40,2% женщин) от 23 до 65 лет ($M=35,55$; $SD=10,76$).

Методы. Русскоязычные версии шкал «Вера в опасный мир» Дж. Даккита и «Вера в справедливый мир» К. Далберта; авторская шкала политического доверия; авторская шкала готовности участвовать в политической активности.

Результаты. Вера в справедливый мир увеличивает политическое доверие, вера в опасный мир — уменьшает. Политическое доверие позитивно предсказывает готовность к участию в разных формах нормативной политической активности. Установлено наличие кросс-культурных различий по характеристикам модели между российской и украинской выборками.

Основные выводы. Существует взаимосвязь между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью к участию в различных формах политической активности.

Ключевые слова: социальные верования, политическое доверие, политическое поведение, вера в справедливый мир, вера в опасный мир.

Для цитаты: Гулевич О.А., Сариева И.Р. Социальные верования, политическое доверие и готовность к политическому поведению: сравнение России и Украины // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 74–92. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110205>

Social beliefs, political trust and readiness to participate in political actions: comparison of Russia and Ukraine

Olga A. Gulevich

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Irena R. Sarieva

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Objectives. *Analysis of the relationship between social beliefs, political trust and readiness to participate in normative and non-normative forms of political actions.*

Background. *Amid growing politicization of citizens in different countries, the demand for an analysis of factors linked to the readiness of citizens to participate in various forms of political activity, from voting to street protests, is increasing. It is extremely important to identify universal and culturally specific factors that influence political behavior.*

Study design. *The study examined the relationship between social beliefs, political trust, and readiness to participate in political activity. The presence and nature of the relationship was verified through correlation analysis and structural equation modeling (SEM).*

Participants. *Russian sample: 440 people (76.4% of men, 23.4% of women) from 23 to 77 years old ($M = 38.99$; $SD = 11.62$). Ukrainian sample: 249 people (59.8% of men and 40.2% of women) from 23 to 65 years old ($M = 35.55$; $SD = 10.76$).*

Measurements. *Russian-language versions of the scales of Belief in a dangerous world by J. Duckitt and Belief in a just world by C. Dalbert. Author's scale of political trust and readiness to participate in political activity.*

Results. *Belief in a just world increases political trust; belief in a dangerous world reduces it. Political trust positively predicts readiness to participate in various forms of normative political activity. The presence of cross-cultural differences in the characteristics of the model between the Russian and Ukrainian samples is established.*

Conclusions. *There is a significant relationship between social beliefs, political trust and readiness to participate in various forms of political activity.*

Keywords: *social beliefs, political trust, political behavior, belief in a just world, belief in a dangerous world.*

For citation: Gulevich O.A., Sarieva I.R. Social beliefs, political trust and readiness to participate in political actions: comparison of Russia and Ukraine. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 74–92. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110205> (In Russ.).

Введение

Политическое поведение может принимать различные формы: от голосования до уличной активности. Исследователи классифицируют подобную активность по трем основным критериям: индивидуальное или коллективное, институализированное или неинституализированное, нормативное или ненормативное поведение. В последние годы уделяется особое внимание факторам, оказывающим влияние на различные формы политического поведения. Психологические исследования, посвященные политической активности, можно разделить на две основные группы.

В одних исследованиях изучаются факторы, оказывающие влияние на политическое голосование — индивидуальную, институализированную и нормативную форму политического поведения. Эти факторы включают в себя социодемографические (пол, возраст, образование и доход) и психологические (социальное доверие, индивидуальная политическая самоэффективность) характеристики [18]. В других исследованиях рассматриваются факторы, которые оказывают влияние на участие в массовой протестной активности — коллективной, неинституализированной, нормативной или ненормативной форме политического поведения. Они включают в себя такие психологические особенности, как коллективная политическая эффективность, групповые эмоции и групповая идентификация [5; 29; 31]. Таким образом, различные формы политического поведения рассматриваются как результат воздействия разных факторов. Как следствие, проведенные исследования не позволяют проанализировать, каким образом одни и те же факторы влияют на участие людей в различных формах политической активности.

В этом исследовании мы сконцентрируемся на одном факторе — социальном доверии. В целом под социальным доверием понимается вера человека в то, что окружающие люди действуют справедливым образом, «играют по правилам» и поэтому заслуживают доверия. Однако в психологических исследованиях рассматриваются три разных уровня доверия: генерализованное, групповое и межличностное доверие. Генерализованное доверие отражает доверие людям в целом; групповое доверие — доверие людям, обладающим определенными особенностями; межличностное доверие — доверие отдельным людям (членам семьи, друзьям, коллегам и т.д.).

В политической сфере наиболее важную роль играет форма группового доверия — доверие представителям власти и организациям, которые оказывают влияние на политические процессы. Политическое доверие отражает отношение людей к политической системе страны, организациям, которые образуют эту систему. Поэтому его можно рассматривать как универсальный психологический фактор, который предсказывает участие людей в индивидуальной и коллективной, институализированной и неинституализированной, нормативной и ненормативной форме политической активности. Цель данного исследования — проанализировать связь между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью участвовать в нормативных и ненормативных формах политического поведения.

Социальные верования и политическое доверие

Социальные верования — это представления людей о том, какими особенностями обладают окружающие, как они взаимодействуют между собой, и как стоит вести себя по отношению к ним. На протяжении последних 50 лет ученые описали спектр подобных верований, которые отражают веру в «хороший» и «плохой» мир. Психологические исследования показали, что эти верования являются фильтром, сквозь который человек воспринимает других людей, социальные группы и социальные институты. Люди, которые верят в «хороший мир», обращают большее внимание на те аспекты событий, которые соответствуют их позитивному представлению о мире. В то же время люди, которые верят в «плохой» мир, уделяют большее внимание тем аспектам событий, которые подтверждают их негативные представления. Это означает, что социальные верования могут оказывать влияние на социальное доверие.

Яркий пример верований в «хороший» мир — это вера в справедливый мир, описанная М. Лернером [22]. Люди, которые верят в справедливый мир, считают, что мир вокруг них логичен и предсказуем, а каждый человек получает то, что он заслужил своими действиями. Современные исследователи полагают, что вера в справедливый мир может принимать качественно разные формы. Личная вера в справедливый мир — это убеждение человека в справедливости того, что происходит с ним лично. Общая вера в справедливый мир — это убеждение в справедливости того, что происходит в мире в целом [23]. Проведенные исследования показали, что как личная, так и общая вера в справедливый мир пред-

сказывают отношение человека к другим людям [23]. Однако исследователи расходятся в представлении о важности этих компонентов.

Одни полагают, что личная вера в справедливый мир оказывает более позитивное влияние, чем общая. В пользу этой точки зрения говорят исследования, которые показали, что чем больше подростки верят в справедливость мира по отношению к себе, тем выше они оценивают семейную и школьную атмосферу [10], тем больше доверяют политикам [30]. Аналогично чем больше заключенные верят в личную справедливость, тем более позитивно они оценивают прошедший судебный процесс и обращение с ними в тюрьме [9]. В то же время другие исследователи считают, что общая вера в справедливый мир оказывает более позитивное влияние, чем личная. В пользу этой точки зрения говорят исследования, которые показали, что чем больше люди верят в справедливость мира вообще, тем больше они доверяют людям в целом [6], политикам [3] и представителям власти [32]. Тем больше они ценят социальные нормы и подчинение представителям власти [14], тем больше поддерживают существующую социальную систему [21; 26].

Однако эти исследования имеют несколько ограничений и поэтому не позволяют сделать заключение об относительной важности личной и общей веры в справедливый мир. Во-первых, в большинстве исследований измерялся только один из двух компонентов веры в справедливый мир. Во-вторых, эти исследования были проведены в странах с различной историей отношений между гражданами и представителями политической власти, и, как следствие, полученные результаты могут обладать культурной спецификой. В основе нашего

исследования лежит предположение о том, что как личная, так и общая вера в справедливый мир играют роль «фильтра», сквозь который люди воспринимают представителей политической власти. Мы предположили, что личная (гипотеза 1а) и общая (гипотеза 1б) вера в справедливый мир будут позитивно связаны с политическим доверием.

Яркий пример верований в «плохой мир» — это вера в опасный мир, описанная Дж. Даккитом [12]. Люди, которые верят в опасный мир, считают, что мир вокруг них — нестабильное, опасное и угрожающее место, в котором «плохие» люди стремятся нанести ущерб «хорошим» людям. Многочисленные исследования [24] показали, что вера в опасный мир позитивно связана с правым авторитаризмом — синдромом, который включает три компонента: приверженность традициям и социальным нормам, якобы разделяемым всем обществом; готовность подчиняться любым представителям власти, которые считаются легитимными в той социальной группе, к которой принадлежит носитель взглядов; негативное отношение ко всем, кто не соглашается подчиняться таким властям, и к тем, кого эти власти считают своими врагами [4].

На первый взгляд, это означает, что вера в опасный мир должна увеличивать доверие социальным институтам, поскольку они представляют политическую власть в стране. Однако стоит заметить, что правый авторитаризм касается одобрения и подчинения одному или нескольким «сильным» политическим лидерам, которые подавляют несогласных. Политические организации, в которых работает большое количество людей, имеющих разные интересы и выполняющих различные функции, противоречат идее одного (или нескольких) сильных

политических лидеров, действующих в одном направлении. На основании этого, когда речь идет о доверии политической системе, вера в опасный мир может «работать» иным образом. Люди, которые верят в опасный мир, постоянно ожидают нападения и поэтому не доверяют окружающим. Как следствие, мы предположили, что вера в опасный мир будет негативно связана с политическим доверием (гипотеза 1в).

Политическое доверие и политическое поведение

Социальное доверие предсказывает оценки и поведение людей. В целом доверие увеличивает желание человека работать на благо других. Вероятно, это происходит в силу того, что люди с высоким уровнем социального доверия ожидают от окружающих аналогичных действий. Первоначально влияние социального доверия было обнаружено в деловой сфере. Например, первые исследования показали, что чем больше участники экспериментов доверяли своим партнерам, тем больше ресурсов они жертвовали на благо группы [11]. Чем больше сотрудники организаций доверяли своим руководителям и организации в целом, тем чаще они осуществляли гражданское поведение [25] и тем меньше хотели поменять место работы [20].

Последующие исследования продемонстрировали, что подобная закономерность прослеживается и в социально-политической сфере. В частности, кросс-культурные исследования показали, что чем больше граждане различных стран доверяют людям в целом, тем с большей вероятностью они участвуют в работе экологических организаций [27]. Аналогично чем больше люди доверяют представителям политической власти, тем

чаще они участвуют в политической активности. Однако недавние исследования говорят о том, что этот эффект зависит от формы политического поведения: политическое доверие увеличивает вероятность участия в одних формах политической активности, но уменьшает вероятность участия в других. Изучая это различие, исследователи берут за основу разные классификации политического поведения.

Во-первых, политическое доверие по-разному связано с институализированной (голосование, участие в деятельности политических партий и обращение к представителям власти) и неинституализированной (подписывание петиций и участие в демонстрациях) политической активностью. Анализ данных, полученных в 25 странах в рамках третьей волны Европейского социального опроса (2006), показал, что политическое доверие увеличивает институализированное политическое поведение и уменьшает неинституализированное [19].

Во-вторых, политическое доверие может быть по-разному связано с нормативной и ненормативной политической активностью. В качестве нормативных рассматриваются действия, которые соответствуют широко распространенным

в обществе нормам и/или закону. В то же время ненормативными считаются действия, которые нарушают распространенные нормы и/или закон. Наиболее нормативной формой активности во многих странах является голосование, а наиболее ненормативной — насильственные формы уличной активности. Эта классификация была использована в целом ряде исследований, посвященных коллективным политическим действиям [5; 7; 17; 28].

Как правило, закон принимается и реализуется представителями политической власти, организациями, образующими политическую систему страны. Одной из причин соблюдения/нарушения закона может стать доверие/недоверие к этим людям и организациям. Люди с высоким уровнем политического доверия будут более склонны участвовать в тех действиях, которые соответствуют закону, и меньше в тех действиях, которые нарушают закон. Как следствие, мы предположили, что политическое доверие будет позитивно связано с готовностью людей участвовать в нормативных формах (гипотеза 2а) и негативно связано с готовностью участвовать в ненормативных формах (гипотеза 2б) политического поведения (см. рис. 1).

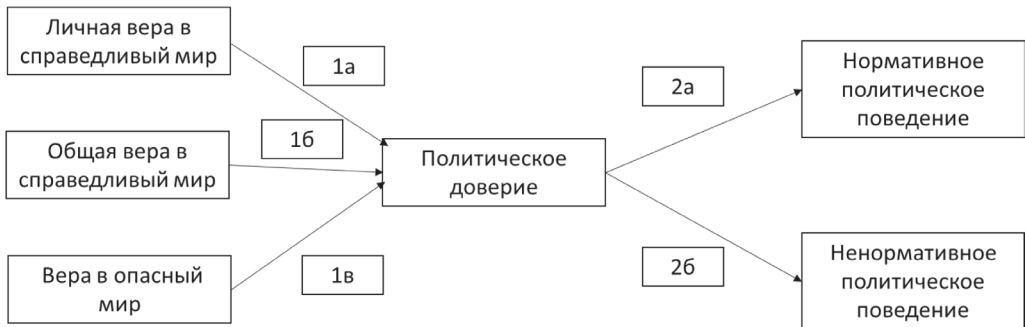

Рис. 1. Гипотезы исследования

Однако стоит заметить, что восприятие различных форм политической активности как нормативной или ненормативной зависит от политической культуры, распространенной в стране. Большинство исследований социального доверия и политической активности проводятся в западноевропейских и североамериканских странах. В то же время очень мало исследований проходит в восточноевропейских государствах. В нашем исследовании мы решили сфокусироваться на России и Украине.

Социальный контекст исследования

Россия и Украина — это интересный пример двух стран с долгой общей историей, но различной текущей политической ситуацией. С момента распада Советского Союза обе страны развивались самостоятельно.

Пик политической активности в России пришелся на 90-е годы прошлого века. С 2000 до 2015 годы (время проведения исследования) эта активность постоянно уменьшалась. Политические протесты от подписания петиций до уличных акций возникали все реже и реже. В этот период было принято несколько законов, уменьшающих возможности граждан влиять на социально-политическую ситуацию в стране. Один из таких законов, принятый после массовых протестов 2011–2012 годов, обязал граждан не только сообщать представителям власти о планируемых массовых акциях, но и получать разрешение на их проведение.

В результате в российском дискурсе сформировалось определенное различие между нормативными и ненормативными формами политической активности. Нормативное поведение включало в себя

голосование, обращение к политикам и подписание петиций, а ненормативное поведение — мирные, но не согласованные и насильственные уличные акции. В то же время мирные согласованные протесты заняли промежуточное положение. С одной стороны, участие в таких акциях не преследовалось по закону; с другой стороны, такие действия негативно освещались в средствах массовой информации.

Политическая ситуация в Украине развивалась иным образом. С 2000 по 2015 годы в этой стране произошли две революции, которые привели к смене политических лидеров. При этом не произошло серьезных изменений в законах, регулирующих политическую активность граждан, за исключением антипротестного закона, который был принят украинским парламентом, но быстро отменен. В момент проведения исследования в соответствии с законом украинские граждане должны были сообщать представителям власти о готовящемся уличном мероприятии, но не должны были получать разрешение на его проведение.

В результате в украинском дискурсе сформировалось иное представление о нормативной и ненормативной активности. Нормативное поведение включало в себя все мирные формы политической активности: голосование, обращение к политикам, подписание петиций и участие в согласованных мирных уличных акциях. Несогласованные мирные уличные акции и акции с применением насилия вызывали более противоречивую реакцию. С одной стороны, такие действия нарушали закон. С другой стороны, они происходили во время революций и становились причиной последующих изменений.

На наш взгляд, кросс-культурные различия в понимании нормативной и ненормативной политической активности

сти могут оказывать влияние на связь между политическим доверием и готовностью участвовать в различных формах политического поведения.

Методы исследования

Выборка. В исследовании приняли участие респонденты из России и Украины. Российская выборка включала в себя 440 жителей России (76,4% мужчин, 23,4% женщин), возраст от 23 до 77 лет ($M=38,99$; $SD=11,62$). Украинская выборка состояла из 249 жителей Украины (59,8% мужчин, 40,2% женщин), возраст от 23 до 65 лет ($M=35,55$; $SD=10,76$). Данные собирались в ходе онлайн-опроса в декабре 2015 года. Такая форма исследования гарантировала анонимность респондентов и распространялась через социальные сети (Facebook, Vkontakte). Респонденты принимали участие в исследовании на добровольной основе.

Процедура и материалы исследования. Респонденты заполняли методики для измерения социальных верований, политического доверия и готовности участвовать в политической активности. Для российской и украинской выборок были созданы разные версии опросника с указанием страны респондента. Все респонденты отвечали на вопросы об отношении к политической власти в своей стране.

Вера в справедливый мир измерялась с помощью шкалы, созданной К. Далберт (Belief in a Just World Scale) [8]. Русскоязычная версия шкалы включает 13 прямых утверждений: семь утверждений образуют субшкалу личной веры в справедливый мир (например, «Я верю, что обычно получаю то, что заслуживаю»), шесть утверждений — субшкалу общей веры в справедливый мир («Я верю, что в целом

мир справедлив»). Респонденты должны были отметить степень своего согласия с каждым утверждением по 6-балльной шкале: от 1 — «полностью не согласен» до 6 — «полностью согласен» [2].

Вера в опасный мир измерялась с помощью шкалы, созданной Дж. Даккитом (Dangerous World Beliefs Scale) [12]. Русскоязычная версия этой шкалы включает 10 утверждений, пять прямых («Наш мир — опасное и непредсказуемое место, в котором ценности и образ жизни порядочных людей находятся под угрозой») и пять обратных («Наш мир — это безопасное и предсказуемое место, где большинство людей не причиняют окружающим зла») пунктов. Респонденты должны были отметить степень своего согласия с каждым утверждением по 5-балльной шкале: от 1 — «полностью не согласен» до 5 — «полностью согласен» [1].

Политическое доверие измерялось с помощью шкалы, созданной авторами данного исследования. Она включала в себя шесть политических институтов: армию, судебную систему, политические партии, правительство, парламент и президента. Респонденты должны были отметить, насколько они доверяют каждому институту по 5-балльной шкале: от 1 — «совсем не доверяю» до 5 — «полностью доверяю».

Готовность участвовать в политической активности измерялась следующим образом. Респонденты должны были отметить, насколько они готовы участвовать в семи формах политической активности (голосовании, обращении к президенту, обращении к региональному политику, подписании коллективных петиций, мирных согласованных уличных акциях, мирных несогласованных уличных акциях и уличных акциях с применением насилия) по 5-балльной шкале: от 1 — «совсем не

готов» до 5 — «полностью готов». Эти формы политического поведения были выбраны по двум причинам. Во-первых, это были наиболее распространенные формы политической активности, которые осуществлялись как в России, так и в Украине. Во-вторых, восприятие нормативности этих форм могло иметь культурную специфику. Это, прежде всего, касалось мирных уличных акций: российские респонденты могли считать их менее нормативными, чем украинские.

Исследование проводилось на русском языке. Это решение было принято по нескольким причинам. Во-первых, социологический опрос, проведенный семью годами раньше, показал, что хотя все меньшее количество украинцев считают русский родным языком, около 80% населения Украины разговаривает на русском языке и даже предпочитает его в определенных видах коммуникации [15]. Во-вторых, ссылка на исследования распространялась через веб-страницы и группы, где россияне и украинцы обсуждали политику на русском языке. В-третьих, использование одного языка уменьшало риск неточностей, которые могли бы возникнуть при переводе, а также снимало необходимость валидации русскоязычных методик на украинском языке. Основное ограничение данного решения было связано с отсутствием в выборке украинских респондентов, которые не владели или не хотели использовать русский язык.

Результаты

Результаты, полученные на российской и украинской выборках, анализировались отдельно. Описательная статистика и корреляции между переменными вычислялись с помощью статистического пакета SPSS 20.0 (см. приложения А, В).

Для проверки гипотез было использовано моделирование структурными уравнениями (SEM), проведенное в программе Mplus (Version 7.11). Проверяемая модель включала в себя 10 переменных: социальные верования рассматривались как независимые переменные, политическое доверие — как медиатор, готовность к участию в семи формах политического поведения — как зависимые переменные.

Результаты, полученные на российской выборке, представлены на рис. 2, а результаты, полученные на украинской выборке, — на рис. 3. На рисунках отражены только статистически значимые связи. Модели имеют хорошие индексы соответствия: для российской выборки $\chi^2=48,02$, $df=21$, $p=0,000$; CFI=0,98; RMSEA=0,054, 90% CI [0,34, 0,074]; SRMR=0,04; для украинской выборки $\chi^2=33,94$, $df=21$, $p=0,038$; CFI=0,98; RMSEA=0,05, 90% CI [0,01, 0,08]; SRMR=0,05 (см. табл. 1).

В соответствии с гипотезами результаты показали, что социальные верования связаны с политическим доверием. Как в российской, так и в украинской выборках вера в опасный мир уменьша-

Таблица 1

Параметры моделей для всех выборок

Модели	χ^2	df	CFI	TLI	RMSEA	SRMR	AIC	BIC
Россия	48,02***	21	0,98	0,95	0,54	0,04	57728,59	57957,45
Украина	33,94*	21	0,98	0,96	0,05	0,05	31735,35	31932,33

Условные обозначения: *** — $p \leq 0,001$, ** — $p \leq 0,01$, * — $p \leq 0,05$.

ет политическое доверие, а вера в справедливый мир увеличивает его. Однако личная вера в справедливый мир предсказывает политическое доверие в обеих выборках, а общая вера в справедливый мир — только в российской выборке. Эти результаты полностью подтверждают гипотезы 1а и 1в и частично подтверждают гипотезу 1б.

Политическое доверие, в свою очередь, связано с готовностью к политическому поведению. В целом оно позитивно предсказывает готовность участвовать в нормативной активности. В обеих выборках политическое доверие увеличивает готовность голосовать, обращаться к местным политикам и президенту, подписывать коллективные петиции. Эти результаты полностью подтверждают гипотезу 2а.

Однако были обнаружены и кросс-культурные различия. В частности, в российской выборке политическое до-

верие не предсказывало готовность участвовать в мирных согласованных уличных акциях, но уменьшало желание участвовать в мирных несогласованных и насильственных уличных акциях. В то же время в украинской выборке политическое доверие увеличивало готовность участвовать в мирных согласованных уличных акциях, но не предсказывало готовность участвовать в мирных несогласованных и насильственных уличных акциях. Эти результаты частично подтверждают гипотезу 2б.

Сравнение российской и украинской моделей было проведено с помощью Wald-теста. Он продемонстрировал существование четырех основных различий:

- общая вера в справедливый мир была сильнее связана с политическим доверием в российской выборке, чем в украинской ($W=6,30, p<.01$);
- политическое доверие было сильнее связано с готовностью участвовать в

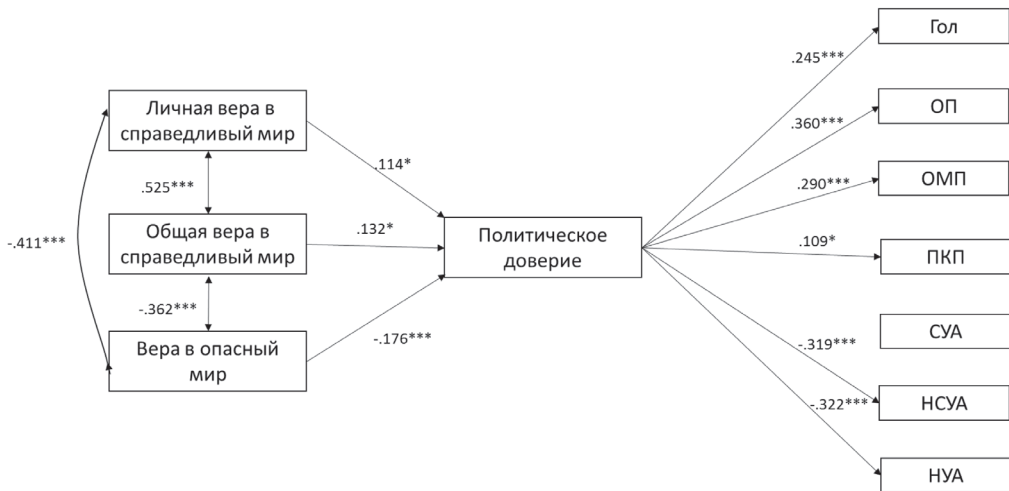

Рис. 2. Проверяемая модель: российская выборка: Гол=голосование; ОП=обращение к президенту; ОМП=обращение к местному политику; ПКП=подписание коллективных петиций; СУА=согласованные уличные акции; НСУА=несогласованные уличные акции; НУА=насильственные уличные акции; *** — $p<.001$, * — $p<.05$

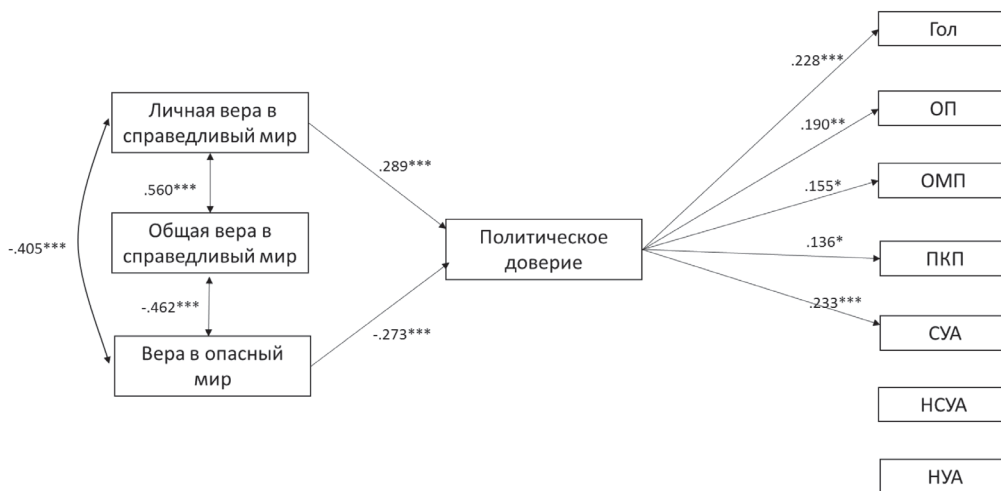

Рис. 3. Проверяемая модель: украинская выборка: Гол=голосование; ОП=обращение к президенту; ОМП=обращение к местному политику; ПКП=подписание коллективных петиций; СУА=согласованные уличные акции; НСУА=несогласованные уличные акции; НУА=насильственные уличные акции; *** – $p \leq 0.001$, ** – $p \leq 0.01$, * – $p \leq 0.05$

мирных согласованных уличных акциях в украинской выборке, чем в российской ($W=13,21, p < 0,001$);

– политическое доверие было сильнее связано с готовностью участвовать в мирных несогласованных уличных акциях в российской выборке, чем в украинской ($W=35,86, p < 0,001$);

– политическое доверие было сильнее связано с готовностью участвовать в уличных акциях с применением насилия в российской выборке, чем в украинской ($W=13,71, p < 0,001$).

Обсуждение результатов

В этом исследовании мы изучали связь между социальными верованиями, политическим доверием и готовностью участвовать в политической активности. Мы предположили, что социальные верования, отражающие веру в справедли-

вый и опасный мир, работают как «фильтры» и благодаря этому предсказывают политическое доверие. Политическое доверие, в свою очередь, предсказывает готовность участвовать в нормативной и ненормативной политической активности. Однако мы ожидали, что эта связь будет иметь культурную специфику, отражающую политическую культуру общества. Для изучения кросс-культурных различий мы провели исследование в двух странах с разной историей политических отношений – России и Украине.

Результаты этого исследования вносят вклад в понимание политической активности. Во-первых, они показывают, что политическое доверие определяется не только действиями конкретных политических институтов, но также относительно стабильными представлениями людей о мире в целом. В зависимости от содержания эти представления могут улучшать или ухудшать отношение к

ним. В частности, результаты, полученные в обеих выборках, показали, что вера в справедливый мир позитивно и вера в опасный мир негативно связаны с политическим доверием. Эти результаты соответствуют предыдущим исследованиям, в которых изучалась связь между социальными верованиями и отношением к политикам, а не к политическим институтам [14].

Однако связь между верой в справедливый мир и политическим доверием имеет культурную специфику. В российской выборке политическое доверие связано как с личной, так и с общей верой в справедливый мир, а в украинской выборке оно связано только с личной верой. Таким образом, ответы российских респондентов соответствуют результатам, полученным в других странах. В то же время ответы украинских участников соответствуют только результатам, полученным в Чехии [30], но противостоят результатам, полученным в Канаде [3] и Китае [32]. Возможно, что кросс-культурные различия в этой области связаны с представлением людей о своей зависимости от политических институтов. Однако этот вопрос требует дополнительного исследования.

Во-вторых, наше исследование показало, что политическое доверие — это важный фактор, который предсказывает готовность к разным формам политического поведения. Это заключение соответствует результатам ранее проведенного анализа [19]. Однако, в отличие от авторов этого анализа, которые рассматривали связь политического доверия с институализированным и неинституализированным политическим поведением, мы изучали связь этого фактора с нормативными и ненормативными формами активности.

Наши результаты говорят о том, что как в российской, так и в украинской выборке политическое доверие увеличивает готовность людей к однозначно нормативным формам политического поведения, которые не осуждаются социальными нормами и не запрещаются законом (голосованию, подписанию петиций, обращению к региональному политику и президенту). Вероятно, люди с высоким уровнем доверия верят в то, что представители политических институтов «играют по правилам», и поэтому пытаются повлиять на их деятельность, не нарушая их.

Однако были обнаружены кросс-культурные различия в связи между политическим доверием и готовностью к трем формам уличной активности. В российской выборке политическое доверие не было связано с готовностью к согласованным мирным акциям, но снижало готовность участвовать в несогласованных мирных и насильственных действиях. В украинской выборке политическое доверие увеличивало готовность участвовать в согласованных мирных уличных акциях, но не было связано с участием в несогласованных мирных и насильственных действиях.

Эти различия схожи с различиями связи между внешней политической эффективностью (верой в то, что представители политической власти заинтересованы в мнении граждан и готовы позитивно реагировать на него) и готовностью к разным формам политического поведения, обнаруженными на тех же выборках [17]. В российской выборке восприятие внешней политической эффективности было негативно связано с участием во всех трех формах уличной активности, а в украинской выборке — только с участием в несогласованных мирных и насильственных действиях.

Таким образом, в обоих случаях для российских респондентов граница проходила по мирным согласованным уличным акциям, а для украинских участников — мирным несогласованным уличным действиям. Это сходство не случайно: и внешняя политическая эффективность, и политическое доверие отражают определенные ожидания от представителей политической власти. В первом случае речь идет о чувствительности к мнению граждан, а во втором — о соблюдении определенных правил.

Однако характер связи внешней эффективности и политического доверия с ненормативными действиями несколько различается. По-видимому, низкая внешняя политическая эффективность связана с готовностью к действиям, которые нарушают либо закон, либо социальные нормы (любые формы уличной активности в российской выборке/несогласованные мирные и насильственные акции в украинской выборке). В то же время низкое политическое доверие связано с готовностью к действиям, которые нарушают и то, и другое (несогласованные мирные и насильственные уличные акции в российской выборке). Однако это предположение нуждается в дальнейшей проверке.

Следует отметить, что данная работа имеет ряд ограничений, что является потенциальной основой для будущих исследований. В первую очередь, это специфика выборки. В будущих исследованиях целесообразно проверить полученные результаты на более сбалансированных и репрезентативных выборках в России и Украине. Также следует учи-

тывать культурные и контекстуальные особенности восприятия респондентами тех или иных политических явлений и терминов (например, различий между согласованными и несогласованными уличными акциями). Данная задача могла бы быть разрешена с помощью лонгитюдного исследования с учетом контекстуальных переменных. Следующим потенциальным аспектом для будущих исследований является уточнение и дополнение понятия политического доверия как доверия не только к официальным институтам государственной власти (президент, парламент, армия, судебная система, политические партии, правительство), но и к институтам гражданского общества (некоммерческим, общественным организациям, медиа, национальным организациям).

Выводы

Результаты нашего исследования показали, что вера в справедливый мир позитивно связана с политическим доверием, а вера в опасный мир — негативно. Политическое доверие, в свою очередь, позитивно связано с нормативными формами политической активности, а именно: готовностью к голосованию, обращению к президенту и к местному политику, а также подписанию коллективных петиций. Данные связи в целом универсальны для российской и украинской выборок. Связь доверия с различными уличными акциями оказалась не универсальной и имела различные связи на разных выборах.

Приложение А

Описательная статистика и корреляции для российской выборки

	M	SD	α	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. BOM	2,96	0,73	0,83											
2. BСMо	3,55	0,81	0,79	-0,36***										
3. BСMл	2,77	0,77	0,91	-0,41***	0,53***									
4. ПД	1,63	0,69	0,85	-0,27***	0,26***	0,26***								
5. Гол	3,70	1,43	-	-0,19***	0,18***	0,13**	0,25***							
6. ОП	2,42	1,39	-	-0,03	0,13**	0,15**	0,36***	0,34***						
7. ОМП	2,64	1,40	-	-0,02	0,10*	0,09	0,29***	0,33***	0,75***					
8. ПКП	3,70	1,33	-	-0,07	0,12**	0,15**	0,11*	0,38***	0,48***	0,47***				
9. СУА	3,52	1,35	-	-0,08	0,05	0,03	-0,06	0,47***	0,19***	0,20***	0,39***			
10. НСУА	2,91	1,39	-	0,09	-0,11*	-0,06	-0,32***	0,09	-0,04	-0,01	0,11*	0,53***		
11. НУА	2,22	1,31	-	0,15**	-0,23***	-0,11*	-0,32***	-0,15**	-0,10*	-0,08	-0,04	0,15**	0,63***	

Условные обозначения: BOM=вера в опасный мир; BСMо=общая вера в справедливый мир; BСMл=личная вера в справедливый мир; ПД=политическое доверие; Гол=голосование; ОП=обращение к президенту; ОМП=обращение к местному политику; ПКП=подписание коллективных петиций; СУА=согласованные уличные акции; НСКА=несогласованные уличные акции; НУА=насильственные уличные акции; *** – $p \leq 0,01$, ** – $p \leq 0,1$, * – $p \leq 0,5$.

Приложение В

Описательная статистика и корреляции для украинской выборки

	M	SD	α	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. BOM	2,71	0,68	0,83											
2. BСMо	3,83	0,61	0,80	-0,46***										
3. BСMл	3,10	0,69	0,89	-0,41***	0,56***									
4. ПД	2,35	0,76	0,86	-0,34***	0,17**	0,34***								
5. Гол	4,48	0,85	-	-0,19**	0,05	0,04	0,23***							
6. ОП	3,73	1,10	-	-0,11	0,08	0,15*	0,19**	0,35**						
7. ОМП	3,64	1,09	-	-0,15*	0,05	0,13*	0,16*	0,37**	0,74***					
8. ПКП	4,22	1,01	-	-0,20***	0,12	0,01	0,14*	0,36***	0,60***	0,58***				
9. СУА	3,72	1,23	-	-0,19**	0,06	0,07	0,23***	0,39***	0,43***	0,45***	0,42***			
10. НСУА	3,61	1,18	-	-0,20***	0,16*	0,06	0,10	0,31***	0,47***	0,44***	0,38***	0,63***		
11. НУА	2,20	1,17	-	-0,09	0,07	0,07	-0,09	0,07	0,15*	0,18**	0,12	0,18**	0,46***	

Условные обозначения: BOM=вера в опасный мир; BСMо=общая вера в справедливый мир; BСMл=личная вера в справедливый мир; ПД=политическое доверие; Гол=голосование; ОП=обращение к президенту; ОМП=обращение к местному политику; ПКП=подписание коллективных петиций; СУА=согласованные уличные акции; НСКА=несогласованные уличные акции; НУА=насильственные уличные акции; *** – $p \leq 0,01$, ** – $p \leq 0,1$, * – $p \leq 0,5$.

Литература

1. *Гулевич О.А., Анিকেенок О.А., Безменова И.К.* Социальные верования: адаптация методик Дж. Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 11 (2). С. 68–89.
2. *Нартова-Бочавер С.К., Подлипняк М.Б., Хохлова А.Ю.* Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (дата обращения: 19.04.2019).
3. *Agroskin D., Jonas E., Traut-Mattausch E.* When suspicious minds go political: Distrusting and justifying the system at the same time // *Political Psychology*. 2015. № 36. P. 613–629. DOI:10.1111/pops.12185
4. *Altemeyer B.* The authoritarian specter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 384 p.
5. *Becker J.C., Tausch N.* A dynamic model of engagement in normative and non-normative collective action: Psychological antecedents, consequences, and barriers // *European Review of Social Psychology*. 2015. № 26. P. 43–92. DOI:10.1080/10463283.2015.1094265
6. *Begue L.* Beliefs in justice and faith in people: Just world, religiosity and interpersonal trust // *Personality and Individual Differences*. 2002. № 32. P. 375–382. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00224-5
7. *Cameron J.E., Nickerson S.L.* Predictors of protest among anti-globalization demonstrators // *Journal of Applied Social Psychology*. 2009. № 39. P. 734–761. DOI:10.1111/j.1559-1816.2009.00458
8. *Dalbert C.* The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity // *Social Justice Research*. 1999. № 12. P. 79–98. DOI: 10.1023/A:1022091609047
9. *Dalbert C., Filke E.* Belief in a personal just world, justice judgment, and their functions for prisoners // *Criminal Justice and Behavior*. 2007. № 34. P. 1516–1527. DOI: 10.1177/0093854807306835
10. *Dalbert C., Stoerber J.* The belief in a just world and domain-specific beliefs about justice at school and in the family: A longitudinal study with adolescents // *International Journal of Behavioral Development*. 2006. № 30. P. 200–207. DOI: 10.1177/0165025406063638
11. *De Cremer D., Snyder M., Dewitte S.* The less I trust, the less I contribute (or not)? The effects of trust, accountability and self-monitoring in social dilemmas // *European Journal of Social Psychology*. 2001. № 31. P. 93–107. DOI: 10.1002/ejsp.34
12. *Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I.* The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. № 83. P. 75–93. DOI: 10.1037/0022-3514.83.1.75
13. *Duckitt J.* A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice // *Advances in experimental social psychology*. 2001. № 33. P. 41–113. DOI: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6(2001).
14. *Feather N.T.* Human values, global self-esteem, and belief in a just world // *Journal of Personality*. 1991. № 59. P. 83–107. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1991.tb00769.x
15. *Gradirovski S., Esipova N.* Russian language enjoying a boost in post-Soviet states. 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gallup.com/poll/109228/Russian-Language-Enjoying-Boost-PostSoviet-States.aspx> (дата обращения: 19.04.2019).

16. *Gulevich O., Sarieva I.* Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2015. Vol. 12. No. 3. P. 30–40.
17. *Gulevich O., Sarieva I., Nevruov A. & Yagiyayev I.* How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2017. № 20. P. 382–395. DOI: 10.1177/1368430216683531
18. *Harder J., Krosnick J.A.* Why Do People Vote? A Psychological Analysis of the Causes of Voter Turnout // *Journal of Social Issues*. 2008. № 64. P. 525–549. DOI:10.1111/j.1540-4560.2008.00576.x
19. *Hooghe M., Marien S.* A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe // *European Societies*. 2013. № 15. P. 131–152. DOI: 10.1080/14616696.2012.692807
20. *Hopkins S.M., Weathington B.L.* The relationships between justice perceptions, trust, and employee attitudes in a downsized organization // *Journal of Psycholog.* 2006. № 140. P. 477–498. DOI: 10.3200/JRLP.140.5
21. *Kay A.C., Jost J.T.* Complementary justice: Effects of “poor but happy” and “poor but honest” stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. № 85. P. 823–837. DOI:10.1037/0022-3514.85.5.823
22. *Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. New York, NY: Plenum Press, 1980. 209 p.
23. *Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C.* The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1996. № 22. P. 666–677. DOI: 10.1177/0146167296227002
24. *Perry R., Sibley C.G., Duckitt J.* Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with social dominance orientation and right-wing authoritarianism // *Journal of Research in Personality*. 2013. № 47. P. 116–127. DOI:10.1016/j.jrp.2012.10.004
25. *Podsakoff P.M., MacKenzie S.B., Moorman R.H., Fetter R.* Transformational leader behaviors and their effects on followers` trust in leader, satisfaction, and organizational citizenship behavior // *Leadership Quarterly*. 1990. № 1. P. 107–142. DOI: 10.1016/1048-9843(90)90009-7
26. *Schlenker B.R., Chambers J.R., Le B.M.* Conservatives are happier than liberals, but why? Political ideology, personality, and life satisfaction // *Journal of Research in Personality*. 2012. № 46. P. 127–146. DOI:10.1016/j.jrp.2011.12.009
27. *Sonderskov K.M.* Environmental group membership, collective action and generalised trust // *Environmental Politics*. 2009. № 17. C. 78–94. DOI: 10.1080/09644010701811673
28. *Tausch N., Becker J.C., Spears R., Christ O., Saab R., Singh P., Siddiqui R.N.* Explaining radical group behavior: Developing emotion and efficacy routes to normative and non-normative collective action // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. № 101. P. 129–148. DOI:10.1037/a0022728
29. *Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C.* Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: A test of the social identity model of collective action // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2011. № 15. P. 75–88. DOI: 10.1177/1368430211413619

30. Umemura T., Serek J. Different developmental pathways from parental warmth to adolescents' trust in peers and politicians: Mediating roles of adolescent-parent attachment and belief in a just world // *Social Justice Research*. 2016. № 29. P. 186–205. DOI:10.1007/s11211-016-0258-x
31. van Zomeren M., Leach C. W., Spears R. Protesters as “passionate economists”: A dynamic dual pathway model of approach coping with collective disadvantage // *Personality and Social Psychology Review*. 2012. № 16. P. 180–199. DOI:10.1177/1088868311430835
32. Zhang Z., Zhang J. Belief in a just world mediates the relationship between institutional trust and life satisfaction among the elderly in China // *Personality and Individual Differences*. 2015. № 83. P. 164–169. DOI: 10.1016/j.paid.2015.04.015

References

1. Gulevich O.A., Anikeenok O.A., Bezmenova I.K. Sotsial'nye verovaniya: adaptatsiya metodik Dzh. Dakkita [Social beliefs: adaptation of scales by J. Duckitt]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, no. 11 (2), pp. 68–89. (In Russ., Abstr. In Engl.).
2. Nartova-Bochaver S.K., Podlipnyak M.B., Khokhlova A.Yu. Vera v spravedlivyi mir i psikhologicheskoe blagopoluchie u glukhikh i slыshashchikh podrostkov i vzroslykh [Elektronnyi resurs] [Just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* [Clinical Psychology and Special Education], 2013, no. 3. Available at: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n3/64003.shtml> (Accessed 19.04.2019). (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Agroskin D., Jonas E., Traut-Mattausch E. When suspicious minds go political: Distrusting and justifying the system at the same time. *Political Psychology*, 2015, no. 36, pp. 613–629. DOI:10.1111/pops.12185
4. Altemeyer B. The authoritarian specter. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. 384 p.
5. Becker J. C., Tausch N. A dynamic model of engagement in normative and non-normative collective action: Psychological antecedents, consequences, and barriers. *European Review of Social Psychology*, 2015, no. 26, pp. 43–92. DOI:10.1080/10463283.2015.1094265
6. Begue L. Beliefs in justice and faith in people: Just world, religiosity and interpersonal trust. *Personality and Individual Differences*. 2002, no. 32, pp. 375–382. DOI: 10.1016/S0191-8869(00)00224-5
7. Cameron J.E., Nickerson S.L. Predictors of protest among anti-globalization demonstrators. *Journal of Applied Social Psychology*, 2009, no. 39, pp. 734–761. DOI:10.1111/j.1559-1816.2009.00458
8. Dalbert C. The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, 1999, no. 12, pp. 79–98. DOI: 10.1023/A:1022091609047
9. Dalbert C., Filke E. Belief in a personal just world, justice judgment, and their functions for prisoners. *Criminal Justice and Behavior*, 2007, no. 34, pp. 1516–1527. DOI: 10.1177/0093854807306835
10. Dalbert C., Stoeber J. The belief in a just world and domain-specific beliefs about justice at school and in the family: A longitudinal study with adolescents. *International Journal of Behavioral Development*, 2006, no. 30, pp. 200–207. DOI: 10.1177/0165025406063638

11. De Cremer D., Snyder M., Dewitte S. The less I trust, the less I contribute (or not)? The effects of trust, accountability and self-monitoring in social dilemmas. *European Journal of Social Psychology*, 2001, no. 31, pp. 93–107. DOI: 10.1002/ejsp.34
12. Duckitt J., Wagner C., du Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2002, no. 83, pp. 75–93. DOI: 10.1037/0022-3514.83.1.75
13. Duckitt J. A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice. *Advances in experimental social psychology*, 2001, no. 33, pp. 41–113. DOI: 10.1016/S0065-2601(01)80004-6(2001).
14. Feather N.T. Human values, global self-esteem, and belief in a just world. *Journal of Personality*, 1991, no. 59, pp. 83–107. DOI: 10.1111/j.1467-6494.1991.tb00769.x
15. Gradirovski S., Esipova N. Russian language enjoying a boost in post-Soviet states [Elektronnyi resurs]. Gallup, 2008. URL: <http://www.gallup.com/poll/109228/Russian-Language-Enjoying-Boost-PostSoviet-States.aspx> (Accessed: 19.04.2019)
16. Gulevich O., Sarieva I. Just world belief and the image of the perfect political leader: The role of national identification. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2015. Vol. 12, no. 3, pp. 30–40.
17. Gulevich O., Sarieva I., Nevruiev A., Yagiyayev I. How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2017, no. 20, pp. 382–395. DOI: 10.1177/1368430216683531
18. Harder J., Krosnick J.A. Why Do People Vote? A Psychological Analysis of the Causes of Voter Turnout. *Journal of Social Issues*, 2008, no. 64, pp. 525–549. DOI:10.1111/j.1540-4560.2008.00576.x
19. Hooghe M., Marien S. A comparative analysis of the relation between political trust and forms of political participation in Europe. *European Societies*, 2013, no. 15, pp. 131–152. DOI: 10.1080/14616696.2012.692807
20. Hopkins S.M., Weathington B.L. The relationships between justice perceptions, trust, and employee attitudes in a downsized organization. *Journal of Psychology*, 2006, no. 140, pp. 477–498. DOI: 10.3200/JRLP.140.5
21. Kay A.C., Jost J.T. Complementary justice: Effects of “poor but happy” and “poor but honest” stereotype exemplars on system justification and implicit activation of the justice motive. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2003, no. 85, pp. 823–837. DOI:10.1037/0022-3514.85.5.823
22. Lerner M.J. The belief in a just world: A fundamental delusion. New York, NY: Plenum Press, 1980. 226 p.
23. Lipkus I.M., Dalbert C., Siegler I.C. The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1996, no. 22, pp. 666–677. DOI: 10.1177/0146167296227002
24. Perry R., Sibley C.G., Duckitt J. Dangerous and competitive worldviews: A meta-analysis of their associations with social dominance orientation and right-wing authoritarianism. *Journal of Research in Personality*, 2013, no. 47, pp. 116–127. DOI:10.1016/j.jrp.2012.10.004
25. Podsakoff, P.M., MacKenzie, S.B., Moorman, R.H., Fetter, R. Transformational leader behaviors and their effects on followers` trust in leader, satisfaction, and organizational

- citizenship behavior. *Leadership Quarterly*, 1990, no 1, pp. 107–142. DOI: 10.1016/1048-9843(90)90009-7
26. Schlenker B.R., Chambers J.R., Le B.M. Conservatives are happier than liberals, but why? Political ideology, personality, and life satisfaction. *Journal of Research in Personality*, 2012, no. 46, pp. 127–146. DOI:10.1016/j.jrp.2011.12.009
27. Sonderskov K.M. Environmental group membership, collective action and generalised trust. *Environmental Politics*, 2000, no. 17, pp. 78–94. DOI: 10.1080/09644010701811673
28. Tausch N., Becker J.C., Spears R., Christ O., Saab R., Singh P., Siddiqui R.N. Explaining radical group behavior: Developing emotion and efficacy routes to normative and non-normative collective action. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011, no. 101, pp. 129–148. DOI:10.1037/a0022728
29. Thomas E.F., Mavor K.I., McGarty C. Social identities facilitate and encapsulate action-relevant constructs: A test of the social identity model of collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2011, no. 15, pp. 75–88. DOI: 10.1177/1368430211413619
30. Umemura T., Serek J. Different developmental pathways from parental warmth to adolescents' trust in peers and politicians: Mediating roles of adolescent-parent attachment and belief in a just world. *Social Justice Research*, 2016, no. 29, pp. 186–205. DOI: 10.1007/s11211-016-0258-x
31. van Zomeren, M., Leach, C.W., Spears, R. Protesters as “passionate economists”: A dynamic dual pathway model of approach coping with collective disadvantage. *Personality and Social Psychology Review*, 2012, no. 16, pp. 180–199. DOI:10.1177/1088868311430835
32. Zhang Z., Zhang J. Belief in a just world mediates the relationship between institutional trust and life satisfaction among the elderly in China. *Personality and Individual Differences*, 2015, no. 83, pp. 164–169. DOI: 10.1016/j.paid.2015.04.015

Информация об авторах

Гулевич Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор, Департамент психологии Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Сариева Ирена Ремаевна, старший преподаватель, Департамент психологии Факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Information about the authors

Olga A. Gulevich, Doctor of Psychology, Professor, School of Psychology of Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3806-5064>, e-mail: ogulevich@hse.ru

Irena R. Sarieva, Senior lecturer, School of Psychology of Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9223-2180>, e-mail: isarieva@hse.ru

Получена 23.04.2019

Принята в печать 09.04.2020

Received 23.04.2019

Accepted 09.04.2020

Адаптация студентов из Индии и арабских стран к образовательному пространству российского вуза

Федотова В.А.

**ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» – Пермь» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ – Пермь),
г. Пермь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>, e-mail: vera_goldyreva@mail.ru**

Жданова С.Ю.

**ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный
исследовательский университет» (ФГБОУ ВО ПГНИУ),
г. Пермь, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>, e-mail: svetlanaur@gmail.com**

Цель исследования. Выявление и анализ особенностей адаптации, доминирующих копинг-стратегий и составляющих антиципационной состоятельности иностранных студентов в связи с принадлежностью к культуре.

Контекст и актуальность исследования. Успешность обучения иностранных студентов зависит от социокультурной адаптации в стране пребывания. На фоне существующих исследований проблемы адаптации иностранных студентов к настоящему времени все более явно обозначается противоречие между количеством эмпирических данных об адаптации и отсутствием работ, направленных на изучение особенностей прогнозирования трудных ситуаций в процессе адаптации и копинг-стратегий у иностранных студентов в связи с принадлежностью к культуре.

Дизайн исследования. Исследование проводилось с помощью социально-психологического опроса. Для измерения факторов адаптации, копинг-стратегий и составляющих антиципационной состоятельности был разработан и апробирован специальный инструментарий. Для обработки и анализа данных использовались описательные статистики, *t*-критерий Стьюдента, реализованные в программе SPSS 22.0.

Выборка. В качестве респондентов выступили представители полихронной, полиактивной и высококонтекстуальной культуры – студенты из арабских стран ($n=64$) и представители полихронной культуры с менее выраженным высоким контекстом – студенты из Индии ($n=73$).

Методы. Методика Revised Sociocultural Adaptation Scale (SCAS-R) (J. Wilson, 2013); опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Strategic Approach to Coping Scale – SACS); «Тест антиципационной состоятельности» (В.Д. Менделевич, 2003).

Результаты. Арабские студенты легче адаптируются к учебному процессу, у них более развита групповая вовлеченность, а личностно-ситуативная антиципационная состоятельность проявляется в большей степени, чем у представителей полихронной культуры с менее выраженным высоким контекстом (индусов). В свою очередь, индусы

в большей степени стремятся к поиску социальной поддержки, им крайне сложно прогнозировать трудные ситуации, связанные со временем и межличностным общением.

Основные выводы. Результаты исследования вносят вклад в выявление копинг-стратегий, особенностей адаптации и антиципационных механизмов в зависимости от принадлежности студентов к той или иной культуре.

Ключевые слова: адаптация, культура, копинг-стратегии, антиципационная состоятельность, шкалы социокультурной адаптации.

Для цитаты: Федотова В.А., Жданова С.Ю. Адаптация студентов из Индии и арабских стран к образовательному пространству российского вуза // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 93–106. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110206>

Adaptation of students from India and Arab countries to the educational context of institutions of higher education in Russia

Vera A. Fedotova

National Research University Higher School of Economics Perm, Perm, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>, e-mail: vera_goldyreva@mail.ru

Svetlana Yu. Zhdanova

Perm State University, Perm, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>, e-mail: svetlanaur@gmail.com

Objectives. Identification and analysis of adaptation features, dominant coping strategies and components of the anticipatory competence among foreign students in connection with their cultural affiliation.

Background. A contradiction between the amount of empirical data on adaptation and the lack of work aimed at studying the peculiarities of predicting difficult situations in the adaptation process and copying strategies among foreign students due to their cultural affiliation is becoming more and more clearly marked.

Study design. The study was conducted using a socio-psychological survey. For data processing and analysis, descriptive statistics and Student *t*-test were used.

Participants. Students from Arab countries ($n = 64$) and from India ($n = 73$) acted as respondents.

Measurements. Technique «Revised Sociocultural Adaptation Scale» (SCAS-R) (J. Wilson, 2013); «Strategic Approach to Coping Scale» (SACS) questionnaire; «The test of anticipation competence» (V.D. Mendelevich, 2003).

Results. Arab students are easier to adapt to the educational process, they have more developed group involvement, and personal-situational anticipation competence is manifested to a greater extent than among Indians. The Indians are more likely to seek social support, it is extremely difficult for them to predict difficult situations associated with time and interpersonal communication.

Conclusions. The results of the study contribute to the identification of coping strategies, adaptation features and anticipation mechanisms, depending on students belonging to a particular culture.

Keywords: *adaptation, culture, coping strategies, anticipatory competence, sociocultural adaptation scales.*

For citation: Fedotova V.A., Zhdanova S.Yu. Adaptation of students from India and Arab countries to the educational context of institutions of higher education in Russia. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 93–106. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110206> (In Russ.).

Введение

На сегодняшний день все больше возрастает внимание к проблеме создания для иностранных студентов в России благоприятной образовательной и социокультурной среды. Исследования, проведенные в последнее время, свидетельствуют о том, что адаптационные мероприятия и программы для представителей разных стран, учитывающие историческое и культурное наследие наряду с национальными и религиозными характеристиками студентов, помогут повысить быструю включенность в образовательную среду российского вуза [5; 14; 15; 20; 23].

К настоящему времени все более явно обозначаются противоречия между количеством эмпирических данных об адаптации иностранных студентов и отсутствием работ, направленных на изучение особенностей прогнозирования трудных ситуаций и выявление копинг-стратегий в связи с принадлежностью к культуре. С целью разрешения указанных противоречий основная задача представленного исследования заключается в выявлении различий в шкалах социокультурной адаптации, копинг-стратегиях, переменных антиципационной состоятельности (АС) у иностранных студентов в зависимости от принадлежности к культуре.

Критерии анализа культур

Культура — это функционально обусловленная система со своей структурой, внутренним механизмом самосохране-

ния, адаптирующая своих членов к природной среде и социальному окружению [4]. Культура не сводится к этносу. Культура — это система определенных стереотипов, норм поведения представителей определенных этносов. Культура определяется степенью информированности, процессом коммуникации внутри группы и за ее пределами [4; 17]; отношением к деятельности и планированию [5; 17; 21]; отношением ко времени [21; 24] и отношением к ингруппе и аутгруппам [18].

На данный момент существует несколько подходов к классификации культур. Согласно одному из них, все культуры можно классифицировать по признаку слабой и сильной контекстуальной зависимости [17]. Э. Холл разграничил их на высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные типы [17; 24]. Э. Холл в своей работе предложил такое понимание культуры и коммуникации: «Коммуникация — это культура, культура — это коммуникация». Он акцентировал внимание на том, что поведение людей, их манеры говорить, их жесты имеют в общении знаковую, информационную функцию [2]. Для него контекст — это информация о событии, имеющая значение для того, что происходит, и для того, с кем это происходит [10].

По Э. Холлу, в зависимости от способа использования времени культуры следует разделять на два противоположных вида: монохронные и полихронные [12; 17; 24]. Представители полихронных культур более динамичны в обращении со временем. Пунктуальности и распо-

рядку дня в этих культурах не придается большого значения, в отличие от монохронных.

Иная типология культур была предложена известным английским культурологом Р. Льюисом [21]. В ее основе — также отношение носителей культуры ко времени, но, в отличие от предыдущего подхода, он расширил типологию. Льюис выделил моноактивные, полиактивные и реактивные (слушающие) культуры. В моноактивных культурах принято планировать свою жизнь, составлять расписания, организовывать деятельность в определенной последовательности. Полиактивные народы общительны, подвижны, делают много дел сразу и не по расписанию. Реактивные культуры — это культуры, придающие наибольшее значение уважению, вежливости, предпочитающие молча и с уважением слушать собеседника, осторожно реагируя на его предложения. Представители данного типа культуры интровертивны, молчаливы, почтительны, пунктуальны, имеют едва уловимую жестикуляцию и мимику.

Программа исследования

Основная *цель* исследования — выявить особенности адаптации, доминирующие копинг-стратегии и составляющие антиципационной состоятельности иностранных студентов в связи с принадлежностью к культуре.

Выборка. В качестве респондентов выступили представители арабских стран (Марокко, Сирия) и Индии (см. табл. 1). Респонденты обучаются в вузах Перми, Санкт-Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Казани. Общее количество респондентов составило 137 человек. 64 арабских студента относятся к

высококонтекстуальной, полиактивной, полихронной культуре [12; 17; 20]. Марокканцы и сирийцы объединены в одну группу условно как представители арабских стран. В культурах полихронного типа большую роль играют межличностные, человеческие отношения, при этом арабы более динамичны в обращении со временем. Представители арабских стран стараются адаптироваться к современным формам поведения без нарушения традиций, которые они ценят. Эти народы убеждены в том, что мужчины и женщины обладают совершенно различными личностными качествами.

Первую группу респондентов составили 64 студента из арабских стран, чью культуру можно охарактеризовать как полиактивную, полихронную, высококонтекстуальную. В исследовании приняли участие студенты из следующих вузов: Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера (n=27); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (n=2); Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — Пермь (n=9); Пермский государственный национальный исследовательский университет (n=5); Пермская государственная фармацевтическая академия (n=16); Казанский (Приволжский) федеральный университет (n=5).

Вторую группу респондентов составили 73 студента из Индии, чью культуру можно охарактеризовать как полихронную с менее выраженным высоким контекстом [17; 20; 23; 25]. В исследовании приняли участие студенты из Пермского государственного медицинского университета имени академика Е.А. Вагнера (n=38); Национального исследовательского университета «Высшая школа эко-

номики» (n=2); Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород (n=2); Пермского государственного национального исследовательского университета (n=6); Пермской государственной фармацевтической академии (n=25). В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся в российских вузах от 1 года до 3 лет, гуманитарных и технических специальностей.

Индусы обладают особой культурой, сильно отличающейся от других культур Восточной Азии. Индия – многоязычная страна, и многие индийцы говорят на двух или даже на трех языках [27]. Несмотря на то, что традиционно Индия относилась к высококонтекстуальной культуре, в исследованиях, проведенных за последнее время, можно обнаружить менее выраженный высокий контекст [23; 24]. В одной из работ зарубежных авторов была изучена культурная обусловленность особенностей общения среди американских студентов, обучающихся в США, и индийских студентов, обучающихся в Индии [25]. Индийская выборка продемонстрировала более непрямой стиль общения и позитивное восприятие молчания, чем американская выборка.

Таблица 1

Характеристики респондентов

Респонденты	Количество респондентов	Возраст
Арабы	64 мужчины – 33 женщины – 29 пол не определен – 2	Min: 19 Max: 25 Median: 22
Индусы	73 мужчины – 39 женщины – 24 пол не определен – 10	Min: 18 Max: 25 Median: 23

С целью выявления особенностей адаптации иностранных студентов нами было проведено комплексное социально-психологическое исследование, включающее количественные *методики*:

1. Методика Revised Sociocultural Adaptation Scale (SCAS-R) (J. Wilson, 2013), направленная на изучение особенностей адаптации иностранных студентов [26].

2. Опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (Strategic Approach to Coping Scale – SACS) [1].

3. «Тест антиципационной состоятельности» (В.Д. Менделевич, 2003). Методика была апробирована Г.Д. Менделевич и Г.Д. Хафизовой в 2007 году [8]. Несмотря на то, что методика первоначально была использована для выявления личностных расстройств, как утверждают сами разработчики опросника, развитие концепции выводит ее за рамки клинической психологии [9]. Антиципационная состоятельность становится предметом изучения и в других сферах, в том числе и в учебной [3]. Возможность широкого спектра применения данной методики позволила нам взять ее за основу в нашем исследовании. Тем более что со временем особенности коммуникативной стороны общения, так или иначе, могут быть обоснованы культурными различиями [13; 20].

Иностранные студенты города Перми заполняли анкету очно в присутствии интервьюера. Студенты из других городов заполняли онлайн-анкету, которая была распространена через отделы по работе с иностранными студентами вышеуказанных вузов. Анкета была представлена на двух языках, респондент мог сам выбирать, на каком языке ему заполнять формы.

Результаты

Обратимся к результатам, полученным в первом блоке опросника и отражающим индивидуальные стратегии преодоления респондентов. Проведенный первичный анализ ответов респондентов позволил выявить среднее значение и стандартное отклонение по каждой переменной (см. табл. 2).

У студентов из арабских стран — представителей полихронных, полиактивных и высококонтекстуальных народов — доминируют пассивная стратегия преодоления и, соответственно, такая модель поведения, как осторожные действия и избегание. В то же время арабским студентам в малой степени свойственны асоциальные и агрессивные действия, которые выражаются в асоциальной

стратегии преодоления стресса. Индусы, относящиеся к полихронной культуре с менее выраженным высоким контекстом, предпочитают просоциальную стратегию поведения, выражающуюся в поиске социальной поддержки.

Были выявлены значимые различия между представителями полихронной культуры с менее выраженным высоким контекстом и полиактивной, полихронной и высококонтекстуальной культуры в выраженности стратегии преодоления стресса — поиске социальной поддержки.

Перейдем к анализу результатов из второго блока опросника, направленного на изучение особенностей социокультурной адаптации, используя опросник «Revised Sociocultural Adaptation Scale» [26]. Автор методики выделила следующие шкалы адаптации: межличностное

Таблица 2

Показатели стратегий преодоления у индусов и арабов

Стратегии преодоления	Модель поведения (действия)	Арабские студенты		Студенты из Индии		p-уровень	Размер эффекта (d Коэна)
		Степень выраженности	Станд. откл.	Степень выраженности	Станд. откл.		
Активная	Ассертивные действия	15	0,34	16,8	0,33	Незначим	0,05
Просоциальная	Вступление в социальный контакт	19,7	0,81	15,3	0,59	Незначим	0,07
Просоциальная	Поиск социальной поддержки	16,3**	0,66	21,8**	0,48	P<0,01	0,95
Пассивная	Осторожные действия	20	0,34	19,4	0,83	Незначим	2,74
Прямая	Импульсивные действия	15,7	0,62	15	0,55	Незначим	0,01
Пассивная	Избегание	19	0,64	18	0,58	Незначим	0,01
Непрямая	Непрямые действия	15,7	0,76	16,6	0,56	Незначим	0,13
Асоциальная	Асоциальные действия	14,3	0,41	13	0,54	Незначим	0,02
Асоциальная	Агрессивные действия	14,3	0,59	13,8	0,61	Незначим	0,08

Условные обозначения: *** — различия достоверны на уровне $p < 0,001$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$; * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$

общение, академическая адаптация, принадлежность к группе, экологическая адаптация, уровень владения языком принимающей стороны [26]. Проведенный первичный анализ ответов респондентов позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, стандартное отклонение по каждой переменной, а также различия по t-критерию Стьюдента (см. табл. 3).

В ходе анализа были установлены межкультурные различия в академической адаптации и по шкале «Наличие интересов и групповая вовлеченность». У арабов значение по шкалам «Академическая адаптация» и «Групповая вовлеченность» выше, чем у индусов.

Перейдем к анализу результатов из третьего блока опросника, направленного на изучение антиципационной состоятельности. Данная методика представляет собой опросник, состоящий из 81 утверждения. Степень согласия/несогласия с ними оценивается по пятибалльной шкале: 1 — абсолютно не

согласен, 2 — скорее не согласен, 3 — не знаю, не уверен, 4 — скорее согласен, 5 — абсолютно согласен. Далее подсчитываются баллы по трем составляющим антиципационной состоятельности: личностно-ситуативной, пространственной и временной, а также общий уровень развития антиципационной состоятельности. Проведенный первичный анализ ответов респондентов позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, стандартное отклонение по каждой переменной, а также различия по t-критерию Стьюдента (см. табл. 4).

Наблюдаются значимые различия по составляющим антиципационной состоятельности у арабских студентов и индусов, обучающихся в России. Личностно-ситуативная и временная составляющие прогностической валидности больше выражены у представителей полихронных, полиактивных и высококонтекстуальных культур (арабов). Полиактивность арабской и индийской культуры легла в основу временной несостоятельности

Таблица 3

Шкалы социокультурной адаптации (по методике Revised Sociocultural Adaptation Scale) (различия по t-критерию Стьюдента)

Шкалы	Арабские студенты			Студенты из Индии			р-уровень	Размер эффекта (d Коэна)
	Ср. знач.	Мин—Макс	Ст. откл.	Ср. знач.	Мин—Макс	Ст. откл.		
Межличностное общение	4,26	1—5	0,44	3,9	1—5	0,34	Незначим	0,10
Учебная (академическая адаптация)	4,13*	3—5	0,73	3,62*	3—5	0,48	P<0,05	0,06
Наличие интересов и групповая вовлеченность	4,45*	2—5	0,71	3,8*	2—5	0,49	P<0,01	0,08
Экологическая адаптация	3,2	1—5	0,57	3,47	1—5	0,37	Незначим	0,06
Уровень владения русским языком	3,37	1—5	0,84	3,2	1—5	0,65	Незначим	0,03

Условные обозначения: *** — различия достоверны на уровне $p < 0,001$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$; * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$

Составляющие антиципационной состоятельности

Составляющие АС	Арабские студенты		Студенты из Индии		р-уровень	Размер эффекта (d Коэна)
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.		
Личностно-ситуативная	194**	0,68	172,41**	0,73	p<0,01	0,31
Пространственная	58,4	0,41	60,8	0,59	Незначим	0,06
Временная	40,2*	0,75	37,19*	0,74	p<0,05	0,04
Общая АС	292,6	0,61	270,4	0,70	Незначим	0,33

Условные обозначения: *** — различия достоверны на уровне $p < 0,001$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$; * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$

представителей обеих групп, поскольку полученные значения ниже порогового (меньше 42).

Обсуждение результатов

Респондентам из арабских стран свойственно откладывать решение возникшей проблемы в надежде на то, что она разрешится сама; экономить силы и предпочитать заниматься чем угодно, лишь бы забыть о неприятном деле, которое нужно сделать. Индусы советуются с друзьями и близкими, не стесняются обращаться к другим людям за помощью и поддержкой, а в трудные минуты для них крайне важна эмоциональная поддержка близких людей.

Были выявлены значимые различия между представителями полихронных культур с менее выраженным высоким контекстом и полиактивных, полихронных и высококонтекстуальных культур в выраженности стратегии преодоления стресса — поиске социальной поддержки. Индусы не стараются скрывать свои чувства — радость, разочарование и горе выражают открыто. В центре их ценностей находятся семья, а также преданность группе. Принадлежность к группе в индийской

культуре является доминирующей. Важное значение придается ингруппам.

Что касается особенностей факторов социокультурной адаптации, то в ходе исследования было выявлено, что арабы больше настроены на взаимодействие, участие в общественных мероприятиях, имеют увлечения и интересы, также имеют более выраженные стремления к участию в академической деятельности и выполнению рабочих обязанностей, чем индусы.

Также арабы способны прогнозировать ситуации, связанные с общением, в большей степени, чем индусы. Об антиципационной состоятельности иностранных студентов ранее ничего не было известно в науке, но низкая временная АС индусов и арабов (значение по временной АС ниже порогового значения — менее 42) культурно детерминирована. Как нами было сказано ранее, полиактивные народы общительны, подвижны, делают много дел сразу и не по расписанию, а по степени их привлекательности, значимости на данный момент времени, а носители данного типа культуры экстравертивны, нетерпеливы, словоохотливы [12; 20]. Полиактивные народы непунктуальны, имеют привычку опаздывать, не рассчитывают время и не ведут записи своих дел [12; 17]. Все эти характери-

ки отражаются на временной антиципационной состоятельности иностранных студентов из Индии и арабских стран.

Выводы

В ходе проведенного исследования были выявлены следующие особенности социокультурной адаптации иностранных студентов в зависимости от принадлежности к культуре:

Факторы «групповая вовлеченность» и «академическая адаптация» у представителей полихронной культуры с менее явным высоким контекстом (индусов) выражены в большей степени, чем у носителей полихронной, полиактивной и высококонтекстуальной культуры (арабов).

У студентов из арабских стран доминирует пассивная стратегия преодоления, им в малой степени свойственны асоциальные и агрессивные действия, которые выражаются в асоциальной стратегии преодоления стресса. Индусы, относящиеся к полихронной культуре с менее выраженным высоким контекстом, предпочитают просоциальную стратегию поведения, выражающуюся в поиске социальной поддержки. Были выявлены значимые различия между представителями двух разных культур в выраженности стратегии преодоления стресса — поиске социальной поддержки.

И арабам, и индусам свойственна временная антиципационная несостоятельность и личностно-ситуативная состоятельность.

Заключение

Безусловно, изучение особенностей адаптации иностранных студентов к об-

разовательному пространству российского вуза является актуальной темой на сегодняшний день. Несмотря на наличие некоторого ряда российских и зарубежных исследований, направленных на изучение стратегий адаптации иностранных студентов, следует отметить, что в большинстве из них студенты не дифференцированы по национальности (в исследованиях российских авторов [6; 22]), не говоря уже о разделении по культурной специфике (в зарубежных исследованиях [15; 16; 19; 21]). Полученные данные, а именно особенности копинг-стратегий и умение прогнозировать ситуации, связанные с общением, прогнозирование течения времени и умение распределять его могут лечь в основу разработки сопровождающих программ адаптации для студентов, принадлежащих к разным культурам. Не только программы адаптации, но и система обучения иностранных студентов должна учитывать различия носителей той или иной культуры. При разработке программ адаптации для иностранных студентов, обучающихся в России, нужно учитывать, что арабские студенты как представители полихронной, полиактивной и высококонтекстуальной культуры легче адаптируются к учебному процессу непосредственно через коммуникацию. У них в большей степени развита групповая вовлеченность, они чуть более эффективно распределяют время, личностно-ситуативная антиципационная состоятельность развита в большей степени, чем у представителей полихронной культуры с менее выраженным высоким контекстом (индусов). Индусы — та группа студентов, которым нужно четко обозначать дедлайны, предупреждать о текущих контролях, а им самим уделять особое внимание

тайм-менеджменту, поскольку временная антиципационная состоятельность выражена в меньшей степени. Выявленные различия в стратегиях преодоления демонстрируют то, что студенты-индусы в большей степени стремятся к поиску социальной поддержки. Для них крайне сложно прогнозировать трудные ситуации, связанные со временем и общением, при этом у них высокая необходимость в социальной поддержке как стратегии

преодоления, соответственно, сделав на этом акцент, можно ускорить их адаптацию к учебному процессу.

У арабских студентов — представителей высококонтекстуальной, полиактивной и полихронной культуры — выше групповая вовлеченность, легче проходит академическая адаптация, а личностно-ситуативная антиципационная состоятельность развита в большей степени, чем у студентов из Индии.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2009. 189 с.
2. *Грушевицкая Т.Г.* Основы межкультурной коммуникации. М.: Юнити-Дана. 2002. 352 с.
3. *Даниленко О.И.* Антиципационная состоятельность в системе личностных предикторов академической успеваемости студентов // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 61. С. 9—18.
4. *Дибраев А.Д.* Этническая культура и становление гражданской идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 406—410.
5. *Жданова С.Ю., Федотова В.А.* Копинг-стратегии как механизмы адаптации иностранных студентов к условиям российской образовательной среды // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 4. С. 89—105.
6. *Краюшкина Н.А.* Социально-психологическая адаптация к менеджерской деятельности и копинг-стратегии у студентов в период прохождения практики // Вестник МГЛУ. Образование и педагогические науки. 2014. Вып. 16(702). С. 88—96.
7. *Менделевич В.Д.* Тест антиципационной состоятельности — экспериментально-психологическая методика для оценки готовности к невротическим расстройствам // Социальная и клиническая психиатрия. 2003. Т. 13. № 1. С. 35—40.
8. *Менделевич В.Д., Соловьева С.Л.* Неврология и психосоматическая медицина. М.: МЕДпресс-информ, 2002. 104 с.
9. *Менделевич Г.Д., Хафизова Г.Д.* Взаимосвязь антиципационной состоятельности и волевой деятельности у пациентов с личностными расстройствами // Практическая медицина. 2007. Т. 22. № 3. С. 52—54.
10. *Персикова Т.Н.* Межкультурная коммуникация и корпоративная культура. М.: Логос, 2011. 224 с.
11. *Тарасова Л.Е.* Выбор копинг-стратегий как механизм преодолевающей адаптации // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение. Материалы V Международной научной конференции (г. Саратов, 08 апреля 2016 г.). 2016. С. 940—945.
12. *Федотова В.А., Жданова С.Ю.* Некоторые теоретические предпосылки изучения адаптации иностранных студентов в связи с принадлежностью к культуре: к

постановке проблемы // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 9. № 1. С. 47–50.

13. Юаньян В. Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация иностранных студентов в российских ВУЗах // Педагогическая психология. 2018. № 2. С. 65–71.

14. Abramova I.E., Ageeva N.A., Shapovalov G.N., Lysenko K.N., Samofalova M.V. Russia-India: Indian students' adaptation in Russian universities in the context of the dialogue of civilizations and cultures // Periodico Tche Quimica. 2018. Vol. 15 (30). P. 87–94.

15. Cao C., Men Q., Shang L. How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model // International Journal of Intercultural Relations. 2018. № 63. P. 43–52.

16. Cao C., Zhu C., Meng Q. Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties // Asian Journal of Social Psychology. 2017. № 20. P. 85–96.

17. Hall E., Hall M. Understanding cultural differences: Germans, French and Americans. Yarmouth: Intercultural Press, 1990. 317 p.

18. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 198 p.

19. Khawaja N., Stallman H. Understanding the coping strategies of international students: a qualitative approach // Australian Journal of Guidance and Counselling. 2011. № 2. P. 203–224.

20. Lewis R. When culture collide: leading across cultures. WS Bookwell, 2016. 590 p.

21. Merc A., Subasi G. Classroom Management Problems and Coping Strategies of Turkish Student EFL Teachers // Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry. 2015. Vol. 6 (1). P. 39–51.

22. Natovova L., Chylova H. Coping Strategies Adopted by University Students – Part II: Role Con ict and Age // Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science. 2012. Vol. 4. P. 226–238. DOI: 10.7160/eriesj.2012.050405

23. Nishimura S., Nevgi A., Tella S. Communication style and cultural features in high/low context communication cultures: A case study of Finland, Japan and India // Proceedings of a subject-didactic symposium in Helsinki. 2008. P. 783–796.

24. Sen A. The Argumentative Indian: Writings on Indian History, Culture and Identity. Penguin Books, 2005. 96 p.

25. Suraj K., Baldwin J., Blue J. The relationship of individualism–collectivism and self-construals to communication styles in India and the United States // International Journal of Intercultural Relations. 2003. Vol. 27. P. 683–700. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2003.08.002.

26. Wilson J. Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct. Unpublished Doctoral Dissertation. Victoria University of Wellington, 2013. 252 p.

27. Zaidman N. Cultural codes and language strategies in business communication: Interactions between Israeli and Indian businesspeople // Management Communication Quarterly. 2001. Vol. 14 (3). P. 408–441.

References

1. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika [Burnout syndrome: diagnosis and prevention]. St. Petersburg: Piter Publ., 2009. 189 p. (In Russ.).
2. Grushevitskaya T.G. Osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii [Basics of intercultural communication]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 2002. 352 p. (In Russ.).
3. Danilenko O.I. Anticipacionnaja sostojatel'nost' v sisteme lichnostnyh prediktorov akademicheskoy uspevaemosti studentov [Anticipatory consistency in the system of personal predictors of academic performance of students]. *Psichologicheskie issledovanija [Psychological Studies]*, 2018, no. 61 (1), pp. 9–18. (In Russ.).
4. Dibraev A.D. Etnicheskaya kul'tura i stanovlenie grazhdanskoi identichnosti [Ethnic culture and the formation of civic identity]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura [Caspian region: politics, economy, culture]*, 2015, no. 2 (43), pp. 406–410. (In Russ.).
5. Zhdanova S.Yu., Fedotova V.A. Koping-strategii kak mekhanizmy adaptatsii inostrannykh studentov k usloviyam rossiiskoi obrazovatel'noi sredy [Coping strategies as mechanisms for the adaptation of foreign students to the conditions of the Russian educational environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya [Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology]*, 2018, no. 4, pp. 89–105. (In Russ.).
6. Krayushkina N.A. Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya k menedzherskoi deyatel'nosti i koping-strategii u studentov v period prokhozhdeniya praktiki [Socio-psychological adaptation to management activities and coping strategies among students during the internship period]. *Vestnik MGLU. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki [Vestnik MGLU. Education and pedagogical sciences]*, 2014. Vyp. 16(702), pp. 88–96. (In Russ.).
7. Mendelevich V.D., Solov'eva S.L. Nevrozologiya i psikhosomaticheskaya meditsina [Neuroscience and psychosomatic medicine]. Moscow: Medpress-inform Publ., 2002. 608 p. (In Russ.).
8. Mendelevich G.D., Khafizova G.D. Vzaimosvyaz' antitsipatsionnoi sostoyatel'nosti i volevoi deyatel'nosti u patsientov s lichnostnymi rasstroistvami [Interrelation between anticipatory solvency and volitional activity in patients with personality disorders]. *Prakticheskaja medicina [Practical medicine]*, 2007, no. 3, pp. 52–54. (In Russ.).
9. Mendelevich V.D. Test antitsipatsionnoi sostoyatel'nosti – eksperimental'no-psikhologicheskaya metodika dlya otsenki gotovnosti k nevroticheskim rasstroistvam [The test of anticipatory solvency – an experimental psychological method for assessing the readiness for neurotic disorders]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiiatriya [Social and Clinical Psychiatry]*, 2003, no. 1, pp. 35–40. (In Russ.).
10. Persikova T.N. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i korporativnaya kul'tura [Intercultural communication and corporate culture]. Moscow: Logos Publ., 2011. 224 p. (In Russ.).
11. Tarasova L.E. Vybor koping-strategii kak mekhanizm preodolevayushchei adaptatsii [The choice of coping strategies as a mechanism for overcoming adaptation]. *Konflikty v sovremennom mire: mezhdunarodnoe, gosudarstvennoe i mezhlchnostnoe izmerenie [Conflicts in the modern world: international, state and interpersonal dimension]*, 2016, pp. 940–945. (In Russ.).

12. Fedotova V.A., Zhdanova S.Yu. Nekotorye teoreticheskie predposylki izucheniya adaptatsii inostrannykh studentov v svyazi s prinadlezhnost'yu k kul'ture: k postanovke problemy [Some theoretical prerequisites for studying the adaptation of foreign students in connection with belonging to culture: to the formulation of the problem]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Herald of higher educational institutions. Series: The humanities], 2018, no. 1, pp. 47–50. (In Russ.).
13. Juan'jan V. Jemocional'nyj intellekt i social'no-psihologicheskaja adaptacija inostrannykh studentov v Rossijskih VUZah [Emotional Intelligence and Socio-Psychological Adaptation of Foreign Students in Russian Universities. *Pedagogicheskaja psihologija* [Pedagogical Psychology], 2018, no. 2, pp. 65–71. (In Russ.).
14. Abramova I.E., Ageeva N.A., Shapovalov G.N., Lysenko K.N., Samofalova M.V. Russia-India: Indian students' adaptation in Russian universities in the context of the dialogue of civilizations and cultures. *Periodico Tche Quimica*, 2018. Vol. 15 (30), pp. 87–94.
15. Cao C., Men Q., Shang L. How can Chinese international students' host-national contact contribute to social connectedness, social support and reduced prejudice in the mainstream society? Testing a moderated mediation model. *International Journal of Intercultural Relations*, 2018. Vol. 63, pp. 43–52.
16. Cao C., Zhu C., Meng Q. Predicting Chinese international students' acculturation strategies from socio-demographic variables and social ties. *Asian Journal of Social Psychology*, 2017. Vol. 20, pp. 85–96.
17. Hall E., Hall M. Understanding cultural differences: Germans, French and Americans. Yarmouth: Intercultural Press, 1990. 317 p.
18. Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. 198 p.
19. Khawaja N., Stallman H. Understanding the coping strategies of international students : a qualitative approach. *Australian Journal of Guidance and Counselling*, 2011. Vol. 2, pp. 203–224.
20. Lewis R. When culture collide: leading across cultures. WS Bookwell, 2016. 590 p.
21. Merc A., Subasi G. Classroom Management Problems and Coping Strategies of Turkish Student EFL Teachers. *Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry*, 2015. Vol. 6 (1), pp. 39–51.
22. Natovova L., Chylova H. Coping Strategies Adopted by University Students – Part II: Role Conflict and Age. *Journal on Efficiency and Responsibility in Education and Science*, 2012. Vol. 4, pp. 226–238. DOI: 10.7160/eriesj.2012.050405
23. Nishimura S., Nevgi A., Tella S. Communication style and cultural features in high/low context communication cultures: A case study of Finland, Japan and India. *Proceedings of a subject-didactic symposium in Helsinki*, 2008, pp. 783–796.
24. Sen A. The Argumentative Indian: Writings on Indian History, Culture and Identity. Penguin Books, 2005. 96 p.
25. Suraj K., Baldwin J., Blue J. The relationship of individualism–collectivism and self-construals to communication styles in India and the United States. *International Journal of Intercultural Relations*, 2003. Vol. 27, pp. 683–700. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2003.08.002.

26. Wilson J. Exploring the past, present and future of cultural competency research: The revision and expansion of the sociocultural adaptation construct. Unpublished Doctoral Dissertation. Victoria University of Wellington. 2013. 252 p.

27. Zaidman N. Cultural codes and language strategies in business communication: Interactions between Israeli and Indian businesspeople. *Management Communication Quarterly*, 2001. Vol. 14 (3), pp. 408–441.

Информация об авторах

Федотова Вера Александровна, аспирант, старший преподаватель, департамент менеджмента, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – Пермь» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ – Пермь), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>, e-mail: vera_goldyreva@mail.ru

Жданова Светлана Юрьевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой психологии развития, философско-социологический факультет, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (ФГБОУ ВО ПГНИУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>, e-mail: svetlanaur@gmail.com

Information about the authors

Vera A. Fedotova, Senior lecturer, Management Department, National Research University Higher School of Economics – Perm, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2189-9791>, e-mail: vera_goldyreva@mail.ru

Svetlana Yu. Zhdanova, Doctor of Psychology, Head of the Department of Psychology of Development, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5496-0531>, e-mail: svetlanaur@gmail.com

Получена 01.04.2019

Received 01.04.2019

Принята в печать 09.04.2020

Accepted 09.04.2020

“Heart of Darkness” and “Dark Continent”: Africa and its Nations in Polish Media and Social Perception

Marek Bodziany

*General Kosciuszko Military University of Land Forces (MULF),
Wrocław, Poland,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8030-3383>, e-mail: m.bodziany@interia.pl

Marta Nowakowska

*General Kosciuszko Military University of Land Forces (MULF),
Wrocław, Poland,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-5811>, e-mail: kontakt@martanowakowska.pl

Objectives. *The cognitive purpose of the article is to describe the stereotype of the Africans in the profiles of stereotypical perception of the Poles, created under the influence of the media and the low level of cultural competence of the Poles, as well as to identify the Poles' attitudes towards the Africans and social problems arising in mutual relations.*

Background. *The image of Africa and its inhabitants in the social perception of Poles is an issue still under-studied and burdened with deficit empirical knowledge. He is burdened with stereotypes created over many years by building a distorted image of Africa through the media and pop culture. An important determinant of the subjective image of the inhabitants of Africa in the perception of Poles is also their lack of cultural competence, which is based on the small population of Africans in Poland and limited contacts with them, as well as the lack of tendency of Poles to expand their knowledge about other nations.*

Methodology. *The article is based mainly on qualitative research – on the analysis of secondary data (desk research) coming from research reports, which are supplemented by the results of quantitative research on the perception of refugees and immigrants in the opinion of the young generation of the Poles. The essence of the article is an attempt to answer the question: what is the image of Africans and Africa in Poland and to what extent is it changing?*

Conclusions. *However, the stigmas of the past seem to be disappearing, and Polish society is also opening up to the world in terms of culture. thanks to this, changes in the perception of Poles are visible not only towards Africans but also to other nations. The increase in the population of „foreign” nationalities, including those from Africa, as well as the spatial mobility of Poles observed in Poland mean that the image of Africans is changing. It is still a slow process, but it shows change – moving away from misperception and stereotypes in favor of knowledge and openness.*

Keywords: *the Africans, stereotypes, social distance, the Poles, media image, media manipulation.*

For citation: Bodziany M., Nowakowska M. “Heart of Darkness” and “Dark Continent”: Africa and its Nations in Polish Media and Social Perception. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 107–120. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110207>

«Сердце тьмы» и «Темный континент»: Африка и ее народы в польских СМИ и социальном восприятии

Бодзяны М.

*Военный университет сухопутных войск им. Генерала Тадеуша Костюшко,
г. Вроцлав, Польша*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8030-3383>, e-mail: m.bodziany@interia.pl

Новаковская М.

*Военный университет сухопутных войск им. Генерала Тадеуша Костюшко,
г. Вроцлав, Польша*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-5811>, e-mail: kontakt@martanowakowska.pl

Цель исследования. *Описание стереотипного восприятия поляками африканцев, возникающего под влиянием СМИ и низкого уровня культурной компетентности поляков; выявление отношения поляков к африканцам, а также социальных проблем, возникающих во взаимоотношениях между поляками и иммигрантами-африканцами.*

Контекст и актуальность исследования. *Образ Африки и ее жителей в социальном восприятии поляков является проблемой, которая все еще недостаточно изучена и характеризуется дефицитом эмпирических знаний. Он обременен стереотипами, созданными в течение многих лет путем искажения образа Африки с помощью средств массовой информации и поп-культуры. Важным фактором, определяющим субъективный образ африканских жителей в восприятии поляков, является также недостаточная культурная компетентность поляков, которая, возможно, основана на небольшой численности африканцев в Польше и ограниченности контактов с ними, а также отсутствии склонности поляков расширять свои знания о других странах.*

Методология исследования. *Статья основывалась главным образом на качественных исследованиях: анализе вторичных данных (кабинетное исследование), полученных из исследовательских отчетов, которые дополняются результатами количественных исследований восприятия беженцев и иммигрантов, по мнению молодого поколения поляков. Суть статьи — попытка ответить на вопрос, каков образ африканцев и Африки в представлениях жителей Польши и в какой степени он меняется.*

Основные выводы. *Стигматы прошлого, похоже, исчезают, и польское общество также открывается миру с точки зрения культуры, благодаря чему изменения в восприятии поляков видны не только по отношению к африканцам, но и к другим народам. Рост населения «иностранностей» национальностей, в том числе из Африки, а также пространственная мобильность поляков, наблюдаемая в Польше, приводят к тому, что имидж африканцев меняется. Это все еще медленный процесс, но он показывает*

изменения — отход от предвзятого восприятия и стереотипов в пользу знаний и открытости.

Ключевые слова: африканцы, стереотипы, социальная дистанция, поляки, имидж СМИ, манипулирование СМИ.

Для цитаты: Бодзяны М., Новаковская М. «Сердце тьмы» и «Темный континент»: Африка и ее народы в польских СМИ и социальном восприятии // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 107–120. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110207>

INTRODUCTION

The image of Africa in the Polish media and public opinion of the Poles does not seem to differ significantly from the well-known and at the same time negative stereotype perpetuated in the perception of other European nations. Many contemporary researchers as well as journalists dealing with Africa's issues draw attention to the media's negative role in creating its image. French journalist and publicist Christian d'Alayer, the author of the book *“Media crime against Africa. Are all Africans a nobody?”*, is one of the more radical representatives of views on the role of the media in shaping social perception about Africa [3]. In his opinion, the problem with its negative image is associated with the “afro-scepticism” in the field of investments aimed at increasing development and social progress. In further considerations, he claims that assigning only the negative traits described by AIDS, war, poverty and disease to “the Black Land”, is harmful and inadequate to reality. However, according to Radosław Sajna, the negative image of Africa in the media is the result of the inability to build its own image. The first reason for this is the backwardness in the field of telecommunications and information industry [16, p. 438], while the second one refers to the limitation of media freedom in African countries [16, p. 440]. The undisputable fact is that the media have a huge

impact on shaping attitudes and opinions about regions and countries, while there is almost always a growing demand for a negative rather than positive message [11, p. 230–236]. Given these two factors, the conclusion is that if Africa does not “declare war” to Western media and does not take care of its own promotion, its image will never change, since the media has long ago “scented” the interest in the fact that “civilised” man is showing increasing interest in all kinds of social pathologies rather than beauty and good. Therefore, one might risk putting forward the thesis about the birth of a new type of cultural circles interested in the so-called “culture of death”, evil and violence, promoted by the media.

It should be emphasised that the study of factors shaping the image of Africa and its inhabitants in the opinion of the Poles is burdened with many difficulties. Three main premises testify to them. The first one is an anachronistic and partially obsolete image of Africa identified not only with wild nature but marked by the stigma of poverty, slavery and tribal conflicts, as well as shrouded in mysticism of unknown history. The second one is related to the migration crisis in Europe, which shaped the subjective and distorted image of a refugee and immigrant, describing him not as a person harmed by victimisation, but as a threat to the existing social order. Such an image of an African as “other”, “foreign” and even “worse” is vastly simplified and has quali-

fying features encoded in the minds of not only the Poles but also most Europeans.

Not only have generalisations describing the Africans based on negative descriptors, especially in the face of the migration crisis, become a cause of panic among the Europeans, but they also set clear cultural and social boundaries between the Africans and representatives of Western civilisation. It should be noted that treating the Africans exclusively from the immigrant and refugee perspective also limits the field of analysis to part of the population of Africa, which further deepens the false image of its inhabitants. The third premise refers to educational issues centred around the low level of cultural competence of the Poles on Africa. All three premises have a common denominator. It is a negative stereotype, the strength of which is so great that the sight of a man with dark complexion in Poland almost always arouses “strange” emotions, which M. Ząbek devoted much attention to [27].

Among the publications referring to the image of Africa in the Polish media and social perception, noteworthy is Maciej Ząbek’s book entitled “White and black. Attitudes of the Poles towards Africa and the Africans” that describes holistically the issues of shaping the image of Africa in Poland. The author presents a retrospective context of Polish-African relations, Arab stereotypes in the perception of the Poles as well as their attitudes over the last 20 years [27]. This author’s article entitled “Continuity and Changes in the Polish Images of Africa in the European Context” constitutes the synthesis of reflections on Africa in the perception of the Poles [28]. The article by Katarzyna Andrzejczak, entitled “The Image of Sub-Saharan Africa in the Polish Press”, the essence of which is the description of the specificity of this part of the continent and its inhabitants as well

as the analysis of factors shaping the image of an African in Poland, is worth noting as well [1]. Previously cited Radosław Sajna published interesting conclusions about the influence of the media on shaping the image of Africa in the article entitled “Africa as a Victim and Beneficiary of Media Globalisation and Communication” [17]. The article “Immigrants from Africa in Poland. A Contribution to the Analysis of Blocking factors, their inflow and integration” by Marta Danecka and Emilia Jaroszewska is of significant value among the publications referring to the Poles’ perception of Africa and the Africans. The authors focused on extremely important issues relating to cultural and social barriers to the integration of African immigrants in Poland [2]. The analysis of secondary data (desk research) was based on a whole range of research reports on the attitudes of the Poles to other nationalities, the impact of the media on shaping their perceptions about the Africans, as well as their attitude towards immigrants and refugees.

1. AFRICA AND THE AFRICANS IN THE OPINION OF THE POLES

The analysis of Africa and its citizens in the perception of the Poles imposes the need to look at it from the perspective of constant stereotypes created and consolidated not only by the media and pop culture, but also the world of sport and, importantly, from the perspective of cultural diversity and national identity of the Africans. The first issue regarding stereotypes requires their analysis based on positive and negative descriptive relationships or features that have been “coded” in the minds of the Poles under the influence of objective and subjective media stimuli and relatively rare contacts. The review of the

literature describing the retrospective relations of the Poles with African nationals allows the conclusion that in the Polish society, the stereotype of an African did not have an extremely negative context, but it rather expressed an ambivalent attitude. According to M. Ząbek, in the most general way it can be included in the words: “I like Negroes, but I do not value them” [27, p. 93]. This “soft” cognitive dichotomy allows the thesis that the historical stereotype of an African in the perception of the Poles was not burdened with the stigma of social distance, racism, intolerance or national chauvinism, but it expressed a kind of scepticism. It is also burdened with over-generalisation, which does not take account of the cultural specificity of Africa and the clear division into North and Sub-Saharan Africa. It was manifested mainly in the sphere of education, economy and culture. In the afore mentioned M. Ząbek’s book [27], one can find numerous ridiculous stereotypes based not only on the lack of cultural competence, but which are the result of a deficit of mutual contacts resulting from the sparse African population in Poland. Expressions such as: “a wild with admixture of white blood” — as a reaction to a dark-skinned foreigner eating with a knife and a fork in restaurant, “horny” — as a stereotype of a sexually strong and half-wild male, “cute pickaninny” — as a reaction to a child in a pram, or “a rich Arab looking for a blonde” are typical reactions to the presence of African citizens among the Poles [27, p. 235–245].

Relatively rare contacts of the Poles with the Africans influenced such an understanding of Africa and its citizens until the transformation of the political system in 1990 [25, p. 8]. Few tourist trips, the work of Poles in Arab countries (mainly in Libya, Egypt, and even in South Africa) under contracts, or scholarships of students from Africa in Poland are the most visible manifestations of

contacts between Poles and Africans during the socialist period. During the building of democracy in Poland, the opening of borders, tourist traffic and the free market economy made the contacts much more frequent — although not common — than before. The stereotype of an African changed, setting a clear dividing line in the perception of the Poles about the inhabitants of the Arab states and the so-called “Black Africans.” At the same time, it began to take on an ethnic context in relation to immigrants from Africa, which means that it remained in connection with their place of origin. Katarzyna Andrzejczak indicates this source of stereotypes about sub-Saharan African people with the words: “a place of origin influences the social perception about immigrants, and thus entails implications concerning the way in which they will assimilate with the society. People rely on their own ideas, partially shaped unconsciously, and attribute the resulting qualities to groups”. [1, p. 203]. The creation of a stereotype takes place due to the asymmetry of strength and social position between a migration group and an indigenous group [5]. The results of the research presented in the article by M. Danecka and E. Jaroszewska [2] proved not only the existence of such a mechanism in shaping the stereotype of the “Black African” in Poland, but also the presence of significant barriers to their elimination and cultural assimilation. One of them is the relational barrier resulting from the poor attitude of the Polish society towards the citizens of African countries. The second one refers to a cultural barrier that shows too big cultural differences between the Poles and the Africans. The third one should include the communication barrier arising from poor (or lack of) language skills as well as differences in the sphere of non-verbal communication [2, p. 161]. Barriers in non-verbal communication stem from differences in semiotics based not only on the

importance of proxemics – communication distance, oculosics – eye contact, haptics – touch, kinesics – body language, as well as vocalisation and *para-language*.

1.1. Population of the Africans in Poland

According to the data of the Polish Office for Foreigners of 2018, 5808 citizens

of African countries are legally present or reside in Poland. They represent 45 out of 54 African countries and constitute about 5% of all foreigners in Poland, of which only 3% are representatives of Sub-Saharan Africa [23]. Table presents the ethnic structure and population of immigrants from Africa in Poland in the years 2010 and 2018.

Table

Ethnic structure of African immigrants in Poland (2010–2018)

Country	2010	2018	Balance	Region
Algeria	202	702	+500	North Africa
Angola	64	82	+18	Central Africa
Burkina Faso	3	4	+1	West Africa
Burundi	2	5	+3	East Africa
Democratic Republic of the Congo	17	26	+9	Central Africa
Egypt	299	1304	+1005	North Africa
Eritrea	1	13	+12	East Africa
Ethiopia	30	40	+10	East Africa
Gabon	1	4	+5	Central Africa
Gambia	22	30	+8	West Africa
Ghana	40	71	+31	West Africa
Equatorial Guinea	1	1	0	West Africa
Cameroon	85	177	+92	Central Africa
Kenia	52	101	+49	East Africa
Lesotho	0	1	+1	South Africa
Liberia	7	5	-2	Central Africa
Libya	79	441	362	North Africa
Madagascar	9	26	+17	East Africa
Morocco	130	538	+408	North Africa
Mauritania	3	1	-2	West Africa
Mozambique	2	10	+8	West Africa
Nigeria	436	730	+294	West Africa
South Africa	86	184	+98	South Africa
Cape Verde	0	2	+2	West Africa
Central African Republic	0	4	+4	Central Africa
Rwanda	12	34	+22	East Africa
Senegal	43	66	+23	West Africa
Sierra Leone	10	12	+2	West Africa

Country	2010	2018	Balance	Region
Guinea-Bissau	4	5	+1	West Africa
Somalia	29	35	+6	East Africa
Sudan	19	44	+25	North Africa
South Sudan	0	2	+2	North Africa
Tanzania	29	40	+11	East Africa
Togo	11	19	+8	West Africa
Tunisia	468	884	416	North Africa
Uganda	8	26	+18	East Africa
Ivory Cost	9	24	+15	West Africa
Zambia	14	17	+3	East Africa
Zimbabwe	28	71	+43	East Africa
Botswana	2	2	0	South Africa
Chad	1	1	0	Central Africa
Niger	0	0	0	West Africa
Namibia	3	11	+8	South Africa
Mali	1	10	+9	West Africa
Malawi	1	3	+2	East Africa
Σ	2263	5808	+3545	

Source: Official website www.migrations.gov and the data of: Urząd ds. Cudzoziemców, <https://udsc.gov.pl/>

The analysis of the data presented in Table depicts a clear population diversification between immigrants from North and Sub-Saharan Africa. In 2010, as many as 52% – 1178 people of all 2263 Africans represented North Africa. In the discussed year, the largest group were the Tunisians – 468 people and the Egyptians – 299 people. An interesting observation concerns the Nigerians representing a group of Sub-Saharan African countries – 1,085 people. Their population of 436 in 2010 constituted as much as 40% of all citizens of the “Black Africa” states. In 2012, the main country of origin of immigrants from sub-Saharan Africa was also Nigeria, whose citizens made up more than one third of all immigrants from this region, followed by Cameroon, while Kenya and Angola held the third position [2, p. 158]. A clear change in the population of immigrants from Africa in Poland took place in 2017 and

2018. The data from the Office for Foreigners show that in eight years it has increased by 3545 people, including 2716 ones among the nationalities representing North Africa – an increase from 52% to 68%, which is justified by migrations resulting from the revolution in the Arab states and geographic proximity with Europe. The peak was recorded among the Egyptians – by 1005 people and Algerians – by 500 people. It should be stressed that immigrants from Africa most often settle in the Mazowieckie Voivodship – 1830, in the Małopolskie Voivodship – 456, and in the Dolnośląskie Voivodship – 420 people (Urząd ds. Cudzoziemców, 2018). The data presented come from official sources, however, one should bear in mind the illegal immigration from Africa, which, according to various sources (such as the Border Guard and the Police), can be shaped even at the level of 2000 people.

1.2. Students from Africa in Poland – cultural and relational barriers

Apart from immigrants, an increase in the number of students from Africa is noticeable in Poland. In the 2017/2018 academic year 1373 students from 37 African countries undertook studies in Poland, of which the largest group are Cameroon (482 people) and Nigeria (218 people) nationals. They constitute a very low percentage (2,1%) of the number of 65096 foreign students studying in Poland [18].

The increase in the population of African students did not significantly change the attitudes of the Poles towards them. The attitudes should be classified as ambivalent, and their positive (declared) character is rather apparent than real. It is difficult to talk about any form of cultural conflict or even passive antagonism, which is noticeable in the relations of the Poles with the immigrant background, nonetheless the Poles' reluctance towards African nationalities is perceptible. Apparent co-existence is evident in the mutual relations of students, which is, however, in many cases burdened with social distance on the part of the Poles. The Africans point out in their opinions the different character of the relationships, which indicates that they have been negative for years. The research conducted in 1990 at the University of Warsaw proved that 100% of the surveyed students from Africa suffered from physical and verbal violence on the part of the Poles, and relations with the Poles are among the worst (compared to other nationalities). The surveys of 2010 confirmed this trend with the increased percentage of 27% of students assessing relations with the Poles as positive [2, p. 165]. In turn, the report on the qualitative research conducted by the Department of Migration and Ethnic Relations of the University of Warsaw in 2013

reveals a great many interesting aspects of life of students from African countries. In addition to the assessment of living conditions, the level of studies and communication barriers, it presents social and cultural problems in relations with the Poles [10]. Although the research results do not reveal cases of aggression and personal inviolability on the part of the Poles, the Africans were convinced of their cool and closed attitude towards most nationalities studying at Polish universities. Here is a quote from the research: "I can say that I have not had any bad experiences with the Poles so far. But generally, I can say that Poles are suspicious of foreigners. (laughs) (...) They are not very open to foreigners (...) it is not easy to get closer to Polish students. They prefer being reserved (...) they prefer being locked up in their small groups" [10, p. 60].

Numerous accounts from the report direct attention to the limitations in mutual relations. Apart from reluctance, social distance, intolerance and simple ignorance, respondents of interviews indicate lack of or poor language competence on the part of the Poles. Here is one of the statements: "(...) we usually met in the kitchen (...) So they cooked for themselves, we for ourselves. And nobody said anything. (...) They have their parties and they do not invite us, we have ours. (...) They do not like us. Or they do not know English. More probably the latter." [10, p. 61]. Other interviews demonstrate positive but sporadic relations with the Poles, which are manifested in the will to help, joint events or even visits at Polish homes. However, it should be highlighted that the key factor hampering the integration between African and Polish students is the lack of cultural competence on both sides. The Africans know about the Poles as much as they read in the press and foreign books – that is not much, and the

Poles derive knowledge from the media and stereotypes rooted in their consciousness. It should be noted that due to the increase in the number of students from Africa, especially at the University of Warsaw and the Jagiellonian University in Krakow, the social distance has been reduced and the interest in African culture is growing not only among academic teachers, but also students. The picture of an African in the perception of a Polish student is also changing. The stigma of “Dirty Arab” and “Black” has almost completely disappeared, and the students began to be looked at through the prism of national identity and cultural difference. This is a positive herald of a new era in the relations of the Poles with “Africa”, which with the growing population of students from Africa in Poland can shape a more real and stereotype free image.

2. IMMIGRANTS FROM AFRICA IN THE PERCEPTION OF THE POLES AND VICE VERSA

In opinion polls conducted not only in the period of the beginnings of democracy in Poland, but also after the year 2000, there is a lack of data on the attitudes of the Poles towards specific African nationalities. Nonetheless, generalisations such as “Arab” and “Black” can be found in the reports. It was only in the report by the Centre for Public Opinion Research (CBOS) from 2011 that references to the Libyans and the Egyptians appeared [2, p. 164]. The report entitled “Opinion Polls on the Integration of African Nationals in Poland” published in 2015 is one of the most important sources of data on the attitudes of the Poles to the Africans. Research results indicate that citizens of African countries face various integration barriers, including verbal

and sporadically physical aggression, paying attention to race and lack of language competences. The Africans mention the following sources of aggression: ignorance, lack of knowledge, racism, nationalism and ill-considered patriotism of the Poles, disrespectfulness to others, jealousy for women, and stereotypes [7, p. 13–14]. They are convinced that one can gain education and professional experience in Poland and they appreciate Polish cuisine, hospitality and honesty, as well as the beauty of Poland and its economic development. They definitely dislike the Polish climate and complain about high prices and low earnings. Polish defeatism, aggression after drinking alcohol, intolerance and coldness against “foreigners” is unacceptable to them. However, they love Polish women but, as they say: “Very beautiful, but not for a wife. They want to control a man too much. Polish women want to have more to say than men, they like to rule”. The Poles’ indifference to racism also affects the negative image in the opinion of citizens of African countries [4, p. 15]. In addition to the issues raised, the report also reveals the low level – just like among students – of the Poles’ knowledge about Africa, which comes mostly from the Internet. This source was indicated by as many as 77% of the respondents (1000 people aged 15–75).

‘The media construction of reality, depending on the level of knowledge and the audience emotional aptitudes, may favour structuring, standardisation, universalisation, and even trivialisation of the image of the world functioning in the social consciousness’ [19, p. 14]. Analysing the media coverage, one should be aware of three aspects of intercultural communication: it concerns a distant culture – in the sense of a distance, both geographical and cultural, the audience expectations affect the cover-

age, and editors and journalists know this and provide the desired 'product'.

The media image of Africa, more than those of other countries/continents, has been deformed and distorted. The actual image is distorted when forming and reading the content of the message. The reasons for this can be sought in the mediatisation of everyday life, involving the imaging of reality in the media coverage, which then affects the reality perceived by the audience [19, p. 12]. Recently, mediatisation of everyday life has concerned almost all aspects of our lives. It is important as the media play a role of an informational, orientational, educational, and advisory source, and they stimulate social activities as well. The media also constitute a main area where political activities are criticised and the legal authorities are controlled. In other words, they generate and form messages adopted by the public as their own [19, p. 12]. For the purpose of this article it is important that the media play a role as a transmitter and a modulator of norms, values and cultural traditions.

The analysis of the way medial representations of Africans are presented in the media may provide us with some knowledge about the symbolic conditions of the relationship between the dominant culture and a foreign culture, in this case, it can generally be regarded as 'African'. Public perception of the continent, country, nation, culture, ethnic group or religion is strongly determined by the quality of media coverage of the subject, just as the status of Africa as a continent/country and the Africans is created based on their media image. Through the media coverage and personages or media events created in it, the media affect the formation and, on the other hand, dissemination of the image of Africa and its people or a possible change

in it. Therefore, constant monitoring of the media to identify information gaps and deformation of the image presented in them is very important.

The topics related to Africa and its people very rarely appear in main editions of the news. If something appears in the media 'headlines', it is related to a dramatic event with thousands of victims or other events with negative social impact. In 2010, a survey how to portray Africa was conducted. These studies were commissioned by the Foundation 'Africa Another Way'. The results of the research show that the media and reportages (there was an often cited Wojciech Cejrowski's programme '*Barefoot through the world*' and Martyna Wojciechowska's '*A woman on the edge of the world*') are one of the main sources of acquiring knowledge about Africa for an average Pole [20].

The analysis of hate speech and its sources revealed that the negative image of Africa has its main source in the media coverage. In the case of reportages and relations from African countries in the media coverage 'dead-kilometre law' is functioning. The easiest way to explain the above may be as follows: the farther – not only geographically, but also culturally – a given region of the world is located, the less interest is shown by the audience; thus, there is a need of an increasingly dramatic, bloody message so to ensure the attention of readers/viewers. Only negative broadcast is successful, hence information about African art or African Nobel prize winner not fulfilling the above law, rarely appears in the press. Wojciech Jagielski's articles concerning, among others, South African Nobel prize winner Desmond Tutu [8; 9] or Szymon Hołownia's articles about a positive development of African countries [6] were exceptions in the observed period 2010–2011.

The negative image of Africa is frequently supported by humanitarian organisations. In the Polish context the language of humanitarian aid organisations happens to be a confirmation of the thesis that there can only be difficult situation in Africa, and a negative image of poverty and hunger is to cause a greater willingness to help. It is worth noting here that Africa, especially in the context of humanitarian aid, is perceived as a country, not as a continent. Adam Leszczynski's articles that appeared in the 'Gazeta Wyborcza' supported the deepening of the distorted image of Africa as a country constantly demanding help in the fight against poverty and hunger [12; 13]. The messages about the aid were provided mostly by Polish Humanitarian Organisation and UNICEF. Another point of view is presented in Dariusz Rosiak's text published e.g. in 'Rzeczpospolita', in which the author tries to answer the question why the humanitarian aid is disastrous for Africa and why it should not be helped [13; 14]. It should be noted, however, that this was a unique text in its meaning.

A separate but at the same time dominant image of Africa is its image as a continent/country of the sunset, full of wildlife and endless space. The wildlife was a respondents' association with Africa in the research. The savagery included both animals and humans. Africa was regarded as the most dangerous place on Earth. In the 'Nowiny' one could find out that African countries are engulfed by continuous, endless conflicts and they do not belong to the places for spending holidays [22].

The image represented by the Polish mass media is a part of the narrative disseminated by the Western media. Therefore, the Africans issued a critique of the media coverage concerning their continent presented in the media, mostly Western

ones. The text about the Western media description of Africa published in 2005 by a Kenyan journalist and researcher Binyavang Wainaina is the best illustration of the above. He comments the Western press with irony, mockingly pointing out stereotypes that are used by journalists writing about events in African countries:

"Never have a picture of a well-adjusted African on the cover of your book, or in it, unless that African has won the Nobel Prize. An AK-47, prominent ribs, naked breasts: use these. If you must include an African, make sure you get one in Masai or Zulu or Dogon dress (...). In your text, treat Africa as if it were one country. It is hot and dusty with rolling grasslands and huge herds of animals and tall, thin people who are starving. Or it is hot and steamy with very short people who eat primates. Don't get bogged down with precise descriptions. Africa is big: fifty-four countries, 900 million people who are too busy starving and dying and warring and emigrating to read your book. The continent is full of deserts, jungles, highlands, savannahs and many other things, but your reader doesn't care about all that, so keep your descriptions romantic and evocative and unparticular" [24].

The report of the media monitoring was repeated in 2015 in the framework of public opinion research into the situation of the Africans in Poland [4]. It was a special time, especially at the end of the year when the problem of refugees began to be widely disseminated in Europe. Europe has ceased to be an anchor of stability and prosperity for the Poles. Since the beginning of 2015, the media in Poland has primarily reported about boats with thousands of refugees from North Africa, deepening poverty, and terror of Islamic fundamentalists. Has the perception of Africa and the Africans changed due to it?

The fact that the media coverage concerning Africa and its people virtually unchanged in the period 2010–2015 can also be applied to the already fixed image of the continent. It should also be remembered that by analysing the relationships between political culture and the media in relation to public discourse, the media often serve to maintaining or even strengthening the *status quo* of our culture. Disseminated images must enter a valid cultural context and provide appropriate content. While the media strengthen emerging and existing trends and cultural images.

Separately, the so called 'logic of the media' should be emphasised [19, p. 19]. It is a developed by the editorial team logic of selection and presentation of information, which is based on journalists' attentiveness to the presented topic, and, on the other hand, on expectations of the audience. The system, under the pressure of extreme expectations, causes a whole range of deformations of the image of reality presented by the media. In addition, it should be noted that the subject matter and its presentation by the media in Poland is dependent on the Western media. The aforementioned Kenyan writer and journalist Binyavang Wainaina tells in his book *'One Day I Will Write About This Place'* how once he was called by a Dutchman from an EU humanitarian centre seeking an author who would write about African trypanosomiasis (sleeping sickness) in Sudan. He argues: 'we want a proper... African writer to write a book about what he sees. You know, Literature. We will publish it and pay for everything. You will go with a photographer. It will be something different. Powerful. Literature and photographs' [25, p. 103]. Wainaina took up the challenge. Eventually, the

book was rejected, since plenty of the issues raised in it were inconsistent with the EU policy. 'The EU is very jittery about the book. They say that the EU policy says there is only one Sudan, but history says South Sudan!!! (...) Many things are not in line with the EU policy' [25, p. 104]. The issue of media policy is a subject that deserves a separate study. Here it serves just as a draft of building one of the stages of a stereotype concerning African continent.

CONCLUSION

Africa and its inhabitants in the perception of the Poles and the media coverage are the subject of research, which, although it has been popular with scholars and research centres for years, still leaves great research scope in the field of sociology, cultural anthropology and ethnography. The increasing number of African citizens in Poland in different categories of stay imposes the need to undertake activities aimed at increasing cultural competence on Africa among the Poles, as well as building correct relations on the path of intercultural communication. Undoubtedly, such activities include education, not only traditional – school, but also, and above all, media, whose aim would be to shape a real, not distorted, image of poverty, backwardness, refugees, diseases and pathology that is well-known to the mass media in Europe, as well as wars and terrorism. Obviously, this is not about creating an artificial and forced image, but about the truth about the causes of the problems raised. Above all, however, it is about the decency that Europe and the Europeans owe Africa for the past and present, in order to learn how to live among different things and to co-exist in a multicultural community.

References

1. Andrzejczak K. Wizerunek krajów Afryki subsaharyjskiej w prasie polskiej [Sub-Saharan Africa's Image in Polish Weekly Media]. *Studia Ekonomiczne*, 2014. Vol. 185, pp. 198–212.
2. Danecka M., Jaroszevska E. Imigranci z Afryki w Polsce. Przyczynek do analizy czynników blokujących, ich napływ i integrację [Immigrants from Africa in Poland – A Contribution to Analysis of the Factors Blocking Their Influx and Integration]. *Kultura i Społeczeństwo*, 2013, no 3, pp. 157–186.
3. d'Alayer C. Un crime médiatique contre l'Afrique. Les Africains sont-ils tous nuls? Bordeaux 2004. 193 p.
4. Dudziński P., Średziński P. Badanie opinii publicznej na temat integracji obywateli państw afrykańskich w Polsce. Raport z badań Fundacji „Afryka Inaczej” [Opinion poll on the integration of African citizens in Poland. Report on the research of the „Africa Differently” Foundation]. Warszawa, 2015. 79 p.
5. Goodwin S., Operario D., Fiske S. Situational Power and Interpersonal Dominance Facilitate Bias and Inequality. *Journal Of Social Issues*. 1998, no. 54 (4), pp. 677–698.
6. Hołownia S. Zrozumieć Afrykę [Electronic resource] [Understanding Africa]. *Newsweek*, 2011, no 21. URL: <https://www.newsweek.pl/opinie/rozumiec-afryke-szymon-holownia-o-afryce/e2b7r8v> (Accessed 05.05.2018).
7. IGO, 2015. Jak polskie media piszą o osobach pochodzących z krajów globalnego Południa [Electronic resource] [How Polish media write about people from countries of the global South] URL: <http://igo.org.pl/jak-polskie-media-pisza-o-osobach-pochodzacych-z-krajow-globalnego-poludnia-raport> (Accessed 10.06.2018).
8. Jagielski W. Dwa Sudan [Two Sudans] *Gazeta Wyborcza*, 9.07.2011.
9. Jagielski W. Ksiądz, który jednał wrogów [A priest who united his enemies]. *Gazeta Wyborcza. Gazeta na Święto*, 30.10.2010.
10. Jaroszevska E., Łotocki J. Integracja obywateli państw afrykańskich w Polsce w świetle badań jakościowych. Raport z badań statutowych [Integration of African citizens in Poland in the light of qualitative research, Report on statutory research]. Warszawa: Instytutu Polityki Społecznej, Zakład Migracji i Stosunków Etnicznych IPS UW Uniwersytetu Warszawskiego, 2015. 78 p.
11. Lahav T., Avraham E. Public Relations for Peripheral Places and their National Media Coverage Patterns: The Israeli Case. *Relations Review*, 2008. Vol. 34, Iss. 3, pp. 230–236.
12. Leszczyński A. Głód ich powszedni [Their daily hunger]. *Gazeta Wyborcza*, 16.10.2010.
13. Leszczyński A. Oczywiście, że dzieci umierają [Children are dying, of course]. *Gazeta Wyborcza*, 02.07.2011.
14. Rosiak D. Afryka bez politowania [Africa without pity]. *Rzeczpospolita*, 30.10.2010.
15. Rosiak D. Zaraz będą dwa Sudany [There will be two Sudans soon]. *Rzeczpospolita*, 11.06.2011.
16. Sajna R. Afryka jako ofiara i beneficjent globalizacji mediów i komunikowania. *Forum Politologiczne*, INP UWM Olsztyn, 2011. Vol 12, pp. 431–446.
17. Study in Poland, 2017 [Electronic resource]. URL: <http://www.studyinpoland.pl/en/> (Accessed 03.06.2018).
18. Szymańska A., Hess A. Mniejszości narodowe, etniczne i religijne w przekazie mediów. Metodologia międzynarodowych badań porównawczych, Seria: Dziennikarstwo, media i komunikacja społeczna [National, ethnic and religious minorities in media coverage.

- Methodology of international comparative research, Series: Journalism, media and social communication]. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2014. 138 p.
19. Średziński P. Afryka i jej mieszkańcy w polskich mediach. Raport z monitoringu polskich mediów [Africa and its inhabitants in the Polish media]. Warszawa, 2011. 143 p.
 20. Średziński P. Badanie opinii publicznej na rzecz integracji obywateli państw afrykańskich w Polsce. Raport z badań, red. P. Średziński [Opinion poll for the integration of African citizens in Poland. Research report]. Warszawa, 2010. 86 p.
 21. Tu lepiej się nie wybierać. [It's better not to go here]. *Nowiny*, 06.08.2010.
 22. Urząd ds. Cudzoziemców [Electronic resource] [Office for Foreigners]. URL: <https://udsc.gov.pl/cudzoziemcy/> (Accessed 13.05.2018).
 23. Wainaina B. How to write about Africa, 2005 [Electronic resource]. URL: <http://granta.com/how-to-write-about-africa> (Accessed 02.06.2014).
 24. Wainaina B. Kiedyś o tym miejscu napiszę [Someday I will write about this place]. Kraków: Wydawnictwo Krater, 2014. 364 p.
 25. Wenzel M. Stosunek do obcokrajowców w Polsce. Raport z badań, Instytut Spraw Publicznych. [Attitude towards foreigners in Poland, Research report, Institute of Public Affairs]. Warszawa, 2009. 19 p.
 26. Ząbek M., Biali i Czarni. Postawy Polaków wobec Afryki i Afrykanów [Whites and Blacks. Poles' attitudes towards Africa and Africans]. *Studia Ethnologica*. Warszawa, 2007. Wydawnictwo DiG. 486 p.
 27. Ząbek M. Ciągłość i zmiany w polskich obrazach Afryki w kontekście europejskim [Continuity and changes in Polish images of Africa in the European context]. *Forum Politologiczne*, INP UWM Olsztyn, 2006. Vol. 3, pp. 39–100.

Information about the authors

Marek Bodziany, Doctor of Sociology, Associate Professor of Security Sciences, Colonel of Polish armed forces, Deputy Dean at the Faculty of Security Sciences (Affiliation), General Kosciuszko Military University of Land Forces (MULF), Chief Editor of the MALF Publishing House. Wrocław, Poland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8030-3383>, e-mail: m.bodziany@interia.pl

Marta Nowakowska, PhD in the Humanities in the field of History and Anthropology of Culture, Associate Professor, General Tadeusz Kosciuszko Military University of Land Forces (MULF), Wrocław, Poland, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-5811>, e-mail: kontakt@martanowakowska.pl

Информация об авторах

Бодзианы Марек, доктор социологических наук, доцент кафедры наук безопасности, полковник польских вооруженных сил, заместитель декана факультета наук безопасности (филиал), Военный университет сухопутных войск им. Генерала Тадеуша Костюшко; главный редактор издательства MALF, г. Вроцлав, Польша, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8030-3383>, e-mail: m.bodziany@interia.pl

Новаковская Марта, кандидат гуманитарных наук в области истории и антропологии культуры, доцент, Военный университет сухопутных войск им. Генерала Тадеуша Костюшко, г. Вроцлав, Польша, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-5811>, e-mail: kontakt@martanowakowska.pl

Получена 21.06.2019

Принята в печать 09.04.2020

Received 21.06.2019

Accepted 09.04.2020

Особенности межличностного восприятия юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт

Балева М.В.

Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГБОУ ВО ПГНИУ),

г. Пермь, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Цель исследования. Изучение межгрупповой перцепции мужчин и женщин в условиях категоризации по личностному сходству и привлекательным/отталкивающим чертам.

Контекст и актуальность исследования. На сегодняшний день актуальным остается вопрос о базовом факторе формирования аттитюдов. На эту роль претендуют два наиболее сильных «конкурента» — гомофилия и социально одобряемые черты. Знание удельного веса факторов формирования отношения к Другому позволяет разрабатывать эффективные прогнозы психологической совместимости и управления впечатлением.

Дизайн исследования. Использовался квазиэкспериментальный дизайн. В качестве независимых переменных рассматривались показатели объективного и субъективного личностного сходства респондентов с объектом восприятия (с учетом пола). В качестве зависимой переменной измерялось отношение к объекту, включавшее показатели когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов.

Выборка. 414 студентов в возрасте 18–24 лет, 86 мужчин и 328 женщин.

Методы. Опросник Темной триады; Шкала отношения. Стимульный материал — видеоинтервью с юношей или девушкой.

Результаты. Выявлен эффект деполаризации «хорошего» и «плохого» объекта противоположного пола у респондентов с высоким уровнем Темной триады. Данная закономерность отличается гендерной спецификой, а также по-разному «работает» в случае разных темнотриадических черт и отдельных компонентов отношения. Субъективно осознаваемое сходство с «плохим» объектом восприятия приводит к наиболее радикальному пересмотру его личностной валентности.

Основные выводы. Ключевую роль в формировании отношения к Другому играет личностная валентность объекта восприятия. Фактор гомофилии является вторичным, однако в случае межполового восприятия может приводить к нивелированию и даже инверсии оценок «хорошего» и «плохого» Другого.

Ключевые слова: социальная перцепция, межполовое восприятие, отношение к Другому, теория сходства, теория черт, «хорошая» и «плохая» личность, темная триада.

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-013-00329.

Благодарности: Автор благодарит за помощь в сборе данных для исследования исполнителей проекта Ковалеву Г.В. и Корниенко Д.С.

Для цитаты: Балева М.В. Особенности межличностного восприятия юношей и девушек с разной выраженностью негативных черт // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 121–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110208>

Intergroup perception of men and women with different levels of negative traits

Milena V. Baleva

Perm State University,

Perm, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, **e-mail:** milenabaleva@yandex.ru

Objectives. *The study of male and female intergroup perception in terms of categorization by personal similarity and attractive / repulsive personal traits.*

Background. *Today, the question of the basic factor in the attitudes formation remains highly relevant. Two of the strongest “competitors” claim to this role – homophilia and prosocial traits. Knowing the specific gravity of factors forming the relationship to the Other can help in the developing of effective forecasts for psychological compatibility and impression effects.*

Study design. *A quasi-experimental design was used. Indicators of objective and subjective personal similarity of respondents with the object of perception (in consideration of gender) were regarded as independent variables. The relation to the object (including cognitive, emotional, and behavioral components) was measured as a dependent variable.*

Participants. *414 students 18–24 years old, 86 male and 328 female.*

Measurements. *Short Dark Triad; Attitude Scale. Stimulus material – video interview with a young man or young woman.*

Results. *The effect of depolarization of the “good” and “bad” objects of the opposite sex was revealed for respondents with a high level of Dark Triad. This regularity is determined by gender specificity, and also “works” differently in the case of different Dark Triad traits and attitude components. Subjective awareness of similarities with the “bad” object leads to the most radical revision of his personal valence.*

Conclusions. *Personal valence of the perceived object plays the key role in attitudes towards the Other. The factor of homophilia plays the secondary role, but in the case of intersexual perception it can lead to leveling and even inversion of the “good” and “bad” Other assessments.*

Keywords: *social perception, intersexual perception, attitude to the Other, theory of similarity, theory of traits, “good” and “bad” personality, dark triad.*

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-013-00329 A.

Acknowledgements: The author is grateful for assistance in data collection to Kovaleva G.V. and Kornienko D.S.

For citation: Baleva M.V. Intergroup perception of men and women with different levels of negative traits. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 121–141. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110208> (In Russ.).

Введение

В исследованиях социальных аттитюдов, рассматриваемых в контексте перцептивного принятия/отвержения, доминируют две фундаментальные теории, объясняющие формирование отношения к Другому. Первая из них — теория сходства — утверждает, что людям нравятся в Другом характеристики, которые похожи на их собственные [9]. Более поздние исследования в этой области привели к описанию двух закономерностей — феномена гомофилии [16] и *bird-of-a-feather*-эффекта [15]. Гомофилия определяется как склонность устанавливать контакты и поддерживать отношения с похожими Другими, поскольку имеющаяся в этом случае «общая основа» делает более вероятным понимание друг друга, осуществление сходных действий или обмен сходными убеждениями и ценностями. Гомофилия может основываться на многих различных аспектах, включая пол, возраст, национальность, религию, образование, социальный класс, поведение или отношение. Ее сопровождает субъективное переживание симпатии к «своим». *Bird-of-a-feather*-эффект проявляется в том, что люди, имеющие схожие интересы, притягиваются друг к другу, заводят дружеские отношения и «лайкают» друг друга в Сети [2]. Обратным следствием теории сходства является возникновение социальной неприязни на основе воспринимаемых различий [5; 17; 23].

Вторая теория, которую можно рассматривать как альтернативную, осно-

вывается на теории черт и утверждает, что существуют общепризнанные привлекательные черты (такие как просоциальность) и общепризнанные непривлекательные черты (такие как эгоизм). К обладателям первых формируются позитивные социальные аттитюды, к обладателям вторых — негативные [18]. В отдельных исследованиях черты личности рассматриваются как фактор социального сходства. Так, например, обнаружено, что у агрессивных детей больше друзей, которым нравится нарушать правила [8]. Такого рода исследования представляют собой пример смешения теоретических подходов, поскольку не вполне понятно, какой фактор рассматривается как решающий в формировании дружеских отношений — гомофилия или отвержение со стороны просоциального большинства.

Пол исследуется сегодня как один из ключевых факторов социальной гомофилии. Вместе с тем его эффекты на отношение к Другому обнаруживают возрастные и гендерные модуляции, которые определяют его особое место в процессах социальной перцепции. Большинство исследований, в которых пол рассматривается как важный критерий социального сходства, проводятся на выборках детей, подростков и юношей, поскольку вопросы половой идентичности играют для них ключевую роль. Обнаружено, что дети и подростки чувствуют себя более комфортно, общаясь со сверстниками того же пола [12; 14; 29; 30]. Начиная с раннего подросткового возраста между полами наблюдается

тенденция взаимного предпочтения, которая, однако, не пересиливает ведущую роль полового сходства при формировании симпатии к Другому [13]. Так, обнаружено, что среди подростков решающим фактором социального принятия является пол (в том числе его гендерные проявления в поведении представителей противоположного пола), а просоциальное (помогающее) и асоциальное (запугивающее) поведение играет лишь вспомогательную роль [10].

Исследование межполовых социальных предпочтений на выборках взрослых людей дает противоречивые результаты. С одной стороны, обнаружено, что и мужчины, и женщины выражают более высокий уровень симпатии к представителям мужского пола, связывая мужской пол с властью [25] и статусом [6], оценивая мужские авторитетные оценки более благоприятно, чем женские [27]. С другой стороны, обнаружено, что на уровне автоматических реакций женщины в большей степени предпочитают женщин, а мужчины не демонстрируют гендерных предпочтений [20; 22].

Как отмечают Л. Рудман и С. Гудвин [24], группы, выделенные по критерию пола, представляют особый случай для исследований социального восприятия. Начиная с раннего юношеского возраста, для которого характерно установление гетеросексуальных романтических отношений, основанных на любви и физической близости, межличностное восприятие мужчин и женщин утрачивает признаки дискриминации по полу и может приводить к имплицитной идеализации противоположного пола [26].

Таким образом, на сегодняшний день в социальной психологии остается актуальным вопрос о первичном (базовом) факторе формирования аттитюдов.

На эту роль претендуют два наиболее сильных «конкурента» — гомофилия и социально одобряемые черты. Третьей силой является пол, который выступает мощным эволюционным стимулом, определяющим межличностные взаимодействия. Решение данного вопроса является актуальным не только в теоретическом, но и в прикладном аспекте, поскольку знание *удельного веса* факторов формирования симпатии/антипатии по отношению к Другому позволяет разрабатывать действительно эффективные прогнозы психологической совместимости, технологии управления впечатлением и программы межличностных взаимодействий.

Известно, что предикторами социальных аттитюдов выступает большое множество переменных, начиная от идеологии и заканчивая эстетическими предпочтениями. Однако их действие, как правило, имеет контекстные ограничения и в силу этого не может рассматриваться как устойчиво закономерное. Определенным выходом из сложившейся ситуации являются эксперименты с искусственно конструируемыми социальными объектами [1]. Однако такие эксперименты неизбежно приводят к вопросу о применимости полученных результатов к ситуации восприятия конкретного, реально существующего Другого. В настоящей работе предпринимается попытка альтернативного решения проблемы вычленения «сильных предикторов». Воспринимаемые объекты одновременно наделяются признаками конкурирующих факторов в их контрастных проявлениях. В этом заключается научная новизна нашего исследования.

Целью настоящей работы является изучение межгрупповой перцепции

мужчин и женщин в условиях одновременной категоризации по личностному сходству и заведомо привлекательным/отталкивающим личностным чертам.

Эмпирической проверке подвергаются следующие *гипотезы*:

1. Фактор личностной валентности («хорошая»/«плохая» личность) играет ключевую роль в формировании отношения к представителю противоположного пола: «хорошие» объекты оцениваются выше по когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам отношения.

2. Объективно диагностируемое личностное сходство с «плохим» объектом может нивелировать различия в позитивных оценках «хорошей» и негативных оценках «плохой» личности.

3. Воздействие фактора субъективно воспринимаемого сходства с объектом противоположного пола сопоставимо с воздействием фактора личностной валентности субъекта и может инвертировать оценки «хорошей» и «плохой» личности.

4. Эффекты факторов личностной валентности объекта и личностного сходства с объектом на формирование отношения к нему характеризуются половой асимметрией.

Организация и методы исследования

Участники исследования. В исследовании приняли участие 414 студентов 1–4 курсов Пермского государственного национального исследовательского университета в возрасте от 18 до 24 лет ($M=20,40$, $SD=0,89$), из них 86 (21%) мужчин и 328 (79%) женщин.

Стимульный материал. В качестве перцептивного объекта респондентам предъявлялся конкретный студент (или

студентка), который отвечал на вопросы Темной триады в ходе «интервью с психологом». В соответствии с заранее разработанным сценарием в одном случае объекты отвечали как абсолютно просоциальная («хорошая»), а во втором случае — как асоциальная («плохая», темнотриадическая) личность. Роли «хорошего» и «плохого» объектов исполняли одни и те же студенты-актеры — 1 юноша и 1 девушка. Валидность воплощенных ими в ходе интервью образов была подтверждена при обсуждении в фокус-группе ($N=23$) и путем экспертной оценки 3-х педагогов по актерскому мастерству. Респондентам женского пола предъявлялись (примерно в равной пропорции) «хороший» и «плохой» юноши, а респондентам мужского пола — соответственно «хорошая» и «плохая» девушка. В исследовании контролировался показатель внешней привлекательности стимульных объектов. В целом их внешность была оценена как средняя (44% для юноши и 61% для девушки вне зависимости от личностной валентности).

Измеряемые переменные. В исследовании в качестве независимых переменных (факторов) рассматривались показатели *объективного и субъективного сходства* респондентов с объектом восприятия. В качестве зависимой переменной измерялось *отношение к объекту восприятия*, включавшее показатели когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов.

Объективное сходство с объектом измерялось с помощью стандартизированного опросника Темной триады [3; 11]. Высокий уровень сходства с «хорошим» объектом определялся низким уровнем выраженности темнотриадических черт, а высокий уровень сходства с «плохим» объектом — высоким уровнем их выраженности. *Субъективное сходство* с объектом оценивалось по прямым ответам

испытуемых на вопрос «Насколько похожи ваши с ним/с ней характеры?» по 10-балльной шкале. Для всех показателей сходства с объектом выделялись группы испытуемых с низким, средним и высоким уровнями. Для этой цели использовался кластерный анализ (метод К-средних). *Отношение к объекту* измерялось с помощью авторской Шкалы отношения [7], включающей показатели когнитивного (рациональное описание и оценка), эмоционального (выражение позитивных или негативных чувств) и поведенческого (степень готовности к взаимодействию) компонентов отношения к объекту.

Анализ данных. Обработка результатов осуществлялась в программе Statistica 10 с использованием методов описательной статистики, сравнительного анализа по t-критерию Стьюдента, двухфакторного дисперсионного анализа и корреляционного анализа.

Результаты

Анализ распределения показателей осуществлялся с помощью методов описательной статистики по соотношению значений среднего и медианы, а также по значениям асимметрии и эксцесса. Было обнаружено, что расхождение между средним и медианой по всем показателям было меньше 1 и составило от 0,01 до 0,65. Значения асимметрии колебались в диапазоне от 0,01 до 0,21 при $A_{s_{крит}} = 0,36$, а значения эксцесса — в диапазоне от 0,31 до 0,71 при $E_{x_{крит}} = 1,18$. Таким образом, распределение измеряемых переменных соответствовало закону нормального распределения.

В приложении приводятся результаты сравнительного анализа отношения юношей (табл. 1) и девушек (табл. 2) к «хорошему» и «плохому» объектам про-

тивоположного пола без учета выраженности темнотриадических черт субъекта восприятия, а также при контрастных уровнях их суммарной выраженности.

Результаты анализа в выборке юношей свидетельствовали о том, что в целом юноши демонстрируют более позитивное отношение к «хорошей» девушке, чем к «плохой». Они считают ее и более хорошей (когнитивный компонент), и более приятной (эмоциональный компонент), а также выражают высокую готовность к непосредственному общению с ней (поведенческий компонент). При повторении тех же сравнений в подгруппе юношей с низкими показателями негативных черт контраст их отношения к «хорошей» и «плохой» девушкам, судя по показателям средних значений, становится еще более очевидным. Совсем иная картина наблюдается в подгруппе юношей с высоким уровнем темнотриадических черт: отношение к «хорошей» и «плохой» девушкам становится одинаковым, т.е. утрачивает статистические различия, причем по когнитивному компоненту отношения оценка «плохой» девушки даже превышает оценку «хорошей» по абсолютному значению.

Результаты анализа в выборке девушек в целом совпали с результатами в выборке юношей. Оказалось, что при низкой выраженности у девушек суммарного показателя негативных черт их позитивное отношение к «хорошему» и негативное отношение к «плохому» юношам являются более контрастными. При усилении выраженности собственных негативных черт наблюдается обратная картина: значимая разница в оценке «хорошего» и «плохого» юношей исчезает по показателям эмоционального и поведенческого компонентов (с преобладанием абсолютных значений оценок «плохого»

юноши), а по показателю когнитивного компонента обнаруживает статистически значимую инверсию: «плохой» юноша начинает оцениваться выше, чем «хороший». Другими словами, девушки с высоким суммарным показателем негативных черт считают юношу, обладающего сходным личностным профилем, более хорошим, чем юношу со слабой выраженностью темнотриадических черт.

Выраженность показателей общего отношения к объекту противоположного пола в выборках юношей и девушек представлена на рис. 1 и 2 соответственно.

Таким образом, анализ отношения к «хорошему» и «плохому» объектам противоположного пола у юношей и девушек с разным уровнем выраженности негативных личностных черт показал, что усиление негативной личностной направленности способствует смещению оценок «хорошего» и «плохого» человека, причем этот эффект более выражен у девушек, чем у юношей. В когнитивном ком-

поненте отношения феномен совпадения оценок «хорошей» и «плохой» личности проявляется сильнее, чем в эмоциональном и поведенческом компонентах, причем у девушек когнитивное отношение представлено инвертированными оценками «плохого» и «хорошего» юношей.

В табл. 3 (см. приложение) представлены результаты сравнительного анализа отношения юношей и девушек к «хорошему» и «плохому» объектам противоположного пола при контрастных уровнях выраженности конкретных черт Темной триады: макиавеллизма, нарциссизма и психопатии. Результаты анализа свидетельствуют о том, что отдельные негативные черты в большинстве случаев оказывают сходное влияние на формирование отношения к «хорошему» и «плохому» объектам противоположного пола. При низкой выраженности данных черт наблюдается максимальное расхождение в положительной оценке «хорошей» и отрицательной оценке «плохой» лично-

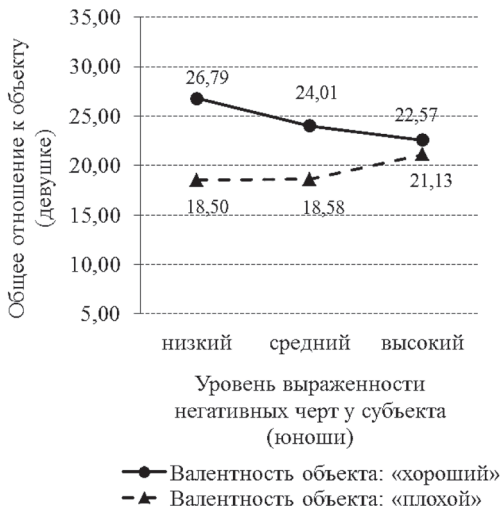

Рис. 1. Выраженность общего отношения к девушке у юношей с разным уровнем негативных черт

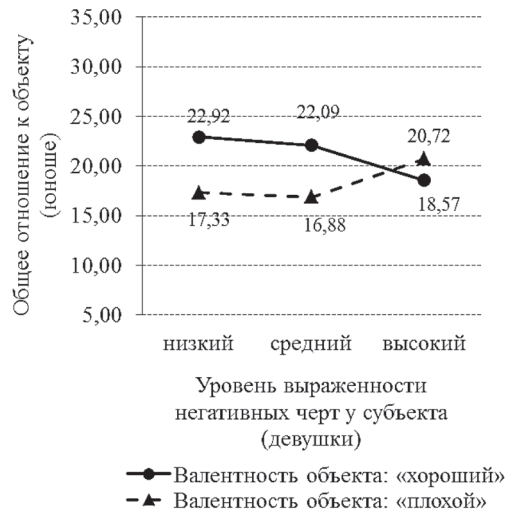

Рис. 2. Выраженность общего отношения к юноше у девушек с разным уровнем негативных черт

сти, а при их высокой выраженности разница в отношении к объектам с разной личностной валентностью исчезает.

Вместе с тем оказалось, что вклад отдельных черт Темной триады в отношение к объекту противоположного пола несколько отличается от их совокупного (суммарного) вклада. Наиболее ярко это отличие проявляется в выборке девушек. Так, если общий вклад негативных черт девушек проявлялся в инверсии когнитивного отношения к объекту (см. табл. 2), то высокая выраженность каждой отдельной черты такого эффекта не обеспечивала. Кроме этого, оказалось, что в выборке девушек каждая отдельная черта не оказывает элиминирующего эффекта на эмоциональный компонент отношения к юноше, однако этот эффект проявляется при совместной высокой выраженности негативных черт (табл. 2). Это означает, что у девушек эмоциональный компонент отношения к юноше обнаруживает независимость от усиления отдельной выраженности каждой негативной черты. Интересно, что, несмотря на разнозначные когнитивные и поведенческие оценки «плохого» и «хорошего» юношей, девушки с преобладанием какой-либо одной темнотриадической черты склонны давать «плохому» юноше все же более низкую эмоциональную оценку. То есть при том, что они рационально оценивают «плохого» юношу так же высоко, как «хорошего», в той же мере готовы взаимодействовать с ним, он все-таки вызывает у них большее раздражение и меньшую симпатию, чем «хороший». У юношей сходная тенденция к сохранению расхождения эмоциональных оценок «хорошей» и «плохой» девушек проявляется в тенденции только при высоком уровне психопатии ($p < 0,07$).

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа были обнаружены еще

некоторые особенности изменения отношения к объекту при росте отдельных негативных черт у юношей и девушек. Так, оказалось, что при росте макиавеллизма у юношей и девушек схождение оценок «хорошей» и «плохой» личности обусловлено разными механизмами. У юношей оценка «плохой» девушки значимо не меняется ($p > 0,10$), а оценка «хорошей» снижается по всем компонентам отношения ($p_{cp} < 0,05$). У девушек, наоборот, оценка «хорошего» юноши значимо не меняется ($p > 0,10$), а оценка «плохого» растет по всем компонентам ($p_{cp} = 0,05$). Обнаруженные различия наглядно представлены на рис. 3 и 4.

При росте нарциссизма изменение отношения к «хорошему» и «плохому» объектам и у юношей, и у девушек наблюдается за счет взаимного схождения их оценок, то есть ухудшения отношения к «хорошему» при одновременном улучшении отношения к «плохому». Причем у юношей быстрее (уже при среднем уровне нарциссизма) меняется отношение к «плохой» девушке ($p < 0,01$), а у девушек — к «хорошему» юноше ($p < 0,06$). Данная закономерность прослеживается по всем компонентам отношения, однако более ярко выражена по когнитивному компоненту (рис. 5 и 6).

При выраженной психопатии у юношей отношение к объектам с разной личностной валентностью в целом остается на неизменном уровне и пропорционально сходится только по когнитивному компоненту ($p < 0,05$). У девушек при выраженной психопатии отношение к «хорошему» объекту практически не меняется, а к «плохому» — растет по всем компонентам отношения ($p < 0,05$).

В табл. 4 (см. приложение) приводятся результаты сравнительного анализа отношения юношей и девушек к «хорошему» и «плохому» объектам противоположно-

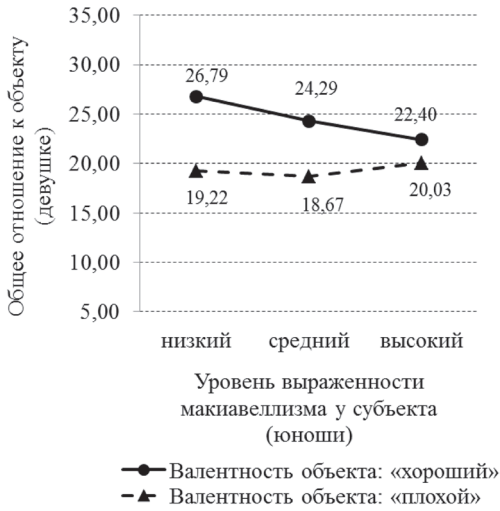

Рис. 3. Выраженность общего отношения к девушке у юношей с разным уровнем макиавеллизма

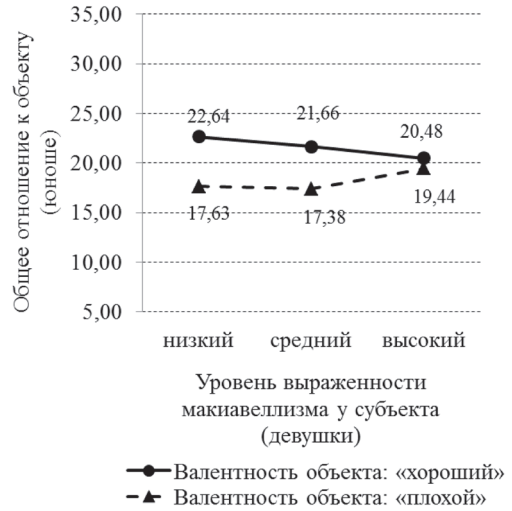

Рис. 4. Выраженность общего отношения к юноше у девушек с разным уровнем макиавеллизма

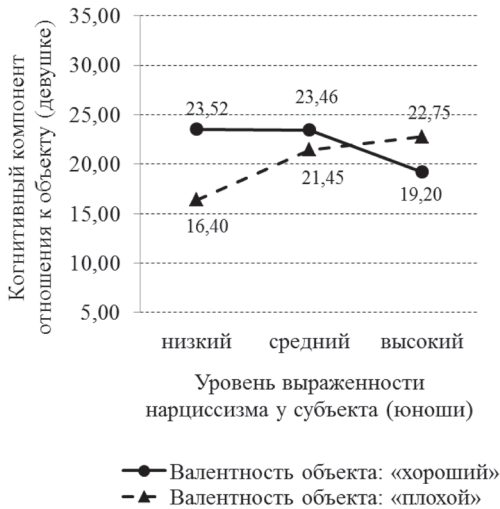

Рис. 5. Выраженность когнитивного компонента отношения к девушке у юношей с разным уровнем нарциссизма

Рис. 6. Выраженность когнитивного компонента отношения к юноше у девушек с разным уровнем нарциссизма

го пола при контрастных уровнях показателя субъективного сходства с объектом.

Результаты анализа влияния фактора субъективного сходства с объектом

восприятия на показатели отношения к нему выявили ряд интересных закономерностей. Обнаружилось, что в выборке юношей при низком уровне субъек-

тивного сходства с объектом «хорошая» девушка оценивается значимо выше, чем «плохая», по всем компонентам отношения к ней. Иная картина наблюдается в выборке девушек. При низком уровне субъективного сходства девушки дают более высокую эмоциональную оценку «хорошему» объекту ($p < 0,001$), но одинаково низко оценивают и «хорошего», и «плохого» юношей по когнитивному и поведенческому компонентам.

При высоком уровне субъективного сходства с объектом у юношей исчезают значимые различия в оценках «хорошей» и «плохой» девушек по когнитивному и поведенческому компонентам, но сохраняются близкие к значимым различия в эмоциональной оценке ($p < 0,10$). У девушек при усилении субъективно воспринимаемого сходства с объектом по-прежнему отсутствуют различия в когнитивной оценке «хорошего» и «плохого» юношей, а в эмоциональной оценке

эти различия остаются такими же значимыми. В то же время поведенческий компонент отношения к юноше меняется: при росте субъективного сходства с ним девушки более категорично оценивают свою готовность общаться с «хорошим» и неготовность общаться с «плохим».

Однако наиболее интересный результат данного анализа заключался в том, что субъективно осознаваемое сходство с объектом восприятия существенно улучшает отношение к объекту с любой личностной валентностью, причем в результате объективно плохой объект, но воспринимаемый субъектом как похожий на него, начинает в ряде случаев оцениваться выше, чем объективно хороший, но воспринимаемый субъектом как не похожий. Данный эффект проявляется у юношей при когнитивной оценке девушки (рис. 7), а у девушек — при когнитивной и поведенческой оценке юноши, а также по показателю общего отношения к нему (рис. 8).

Рис. 7. Выраженность когнитивного компонента отношения к девушке у юношей с разным уровнем субъективного сходства с ней

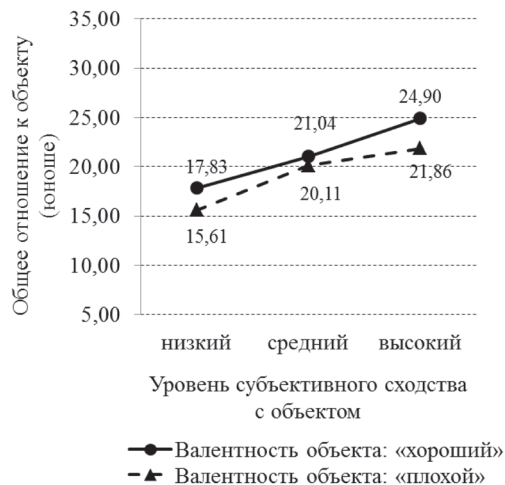

Рис. 8. Выраженность общего отношения к юноше у девушек с разным уровнем субъективного сходства с ним

Для дальнейшего обсуждения полученных результатов важно отметить, что показатели субъективного и объективного сходства с объектами восприятия обнаружили согласованные значения. В выборке юношей при восприятии «хорошей» девушки корреляция между показателем субъективного сходства и суммарным показателем негативных черт была отрицательной ($r=-0,54$, $p<0,001$), а при восприятии «плохой» девушки — положительной ($r=0,47$, $p<0,05$). В выборке девушек были обнаружены аналогичные по смыслу корреляции — отрицательная при восприятии «хорошего» юноши ($r=-0,34$, $p<0,001$) и положительная при восприятии «плохого» юноши ($r=0,46$, $p<0,001$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты в целом согласуются с данными нашего предыдущего исследования, в ходе которого был выявлен (без учета пола) эффект деполяризации «хорошего» и «плохого» Другого при высоких уровнях темнотриадических черт субъекта [4]. Выяснилось, что и у юношей, и у девушек с выраженными показателями общего уровня негативных личностных черт восприятие объекта противоположного пола становится менее контрастным. Этот факт может быть проинтерпретирован с разных позиций. Во-первых, можно предположить, что лица с высокой выраженностью негативных черт отличаются большей когнитивной сложностью (проверка данного предположения уже запланирована в нашем следующем исследовании). Во-вторых, можно предположить, что темнотриадические личности характеризуются этической неопределенностью, что приводит к

оценочному смешению у них категорий «добра» и «зла» в процессе социальной перцепции. В-третьих, полученный факт можно проинтерпретировать с позиций общих закономерностей социальной перцепции, согласно которым усиление сходства с Другим приводит к его более позитивной оценке [15; 16; 19; 21; 28]. С учетом данных корреляционного анализа, который показал согласованность высокой выраженности темнотриадических черт и осознания сходства с «плохим» объектом, мы склоняемся к третьему варианту интерпретации.

Также было обнаружено, что описанная закономерность отличается гендерной спецификой и по-разному «работает» в отношении конкретных темнотриадических черт и качественных компонентов отношения. Так, у девушек совокупная выраженность всех темнотриадических черт вызывает эффект инверсии когнитивной оценки (чего не наблюдается по отдельным чертам), а одиночная выраженность любой негативной черты обеспечивает устойчивость эмоциональной дифференциации «хорошего» и «плохого» юношей. И если первый факт выглядит вполне логичным и объясняется «накопительным эффектом», то второй факт в некотором смысле парадоксален и может свидетельствовать, возможно, о связи нейротических проявлений личности женщин с наличием ведущей (наиболее выраженной) негативной черты в их темнотриадической структуре. Это предположение основывается на выявленном у таких женщин расхождении: эмоциональный компонент отношения к юноше расходится у них с когнитивным и поведенческим компонентами.

Еще одна интересная закономерность, выявленная в нашем исследова-

нии, заключается в том, что при росте макиавеллизма у юношей и девушек схождение оценок «хорошей» и «плохой» личности обусловлено разными механизмами. У юношей — за счет снижения отношения к «хорошей» девушке, а у девушек, наоборот, — за счет улучшения отношения к «плохому» юноше. По нашему мнению, этот факт можно проинтерпретировать с позиций функционального подхода к пониманию макиавеллизма. Можно предположить, что юноши с высоким уровнем макиавеллизма рассматривают «хорошую» девушку как неподходящий объект для манипуляции, а девушки с выраженным макиавеллизмом, наоборот, считают «плохого» юношу перспективным в этом смысле объектом. Если применять ту же логику для интерпретации взаимного схождения оценок при нарциссизме, можно сказать, что нарциссичные субъекты оценивают «хорошего» и «плохого» человека другого пола как равноценных объектов для демонстрации нарциссического поведения.

Последний важный эмпирический факт, описанный в нашем исследовании, заключается в том, что субъективно осознаваемое сходство с «плохим» объектом приводит к субъективному пересмотру его личностной валентности — он начинает оцениваться лучше, чем «хороший», но не похожий на субъекта объект. Данный эффект характерен в большей степени для девушек, поскольку проявляется в их общем, а также когнитивном и поведенческом отношении к объекту, в то время как у юношей затрагивает лишь когнитивный компонент. Это свидетельствует о том, что при восприятии объективно «плохого» юноши как похожего на себя девушка начинает относиться к

нему лучше, чем к не похожему на себя «хорошему», и в большей степени стремится к общению с ним. В то же время юноши, воспринимая объективно «плохую» девушку как похожую на себя, оценивают ее как более «хорошую», однако не отдают ей предпочтения перед объективно «хорошей» девушкой в плане общения.

В процессе осмысления обнаруженных фактов и в связи с неоднократным акцентированием внимания на факторах, способствующих нивелированию негативного отношения к «плохому» объекту другого пола, может создаться неверное впечатление о том, что субъекты с выраженными негативными чертами предпочитают «плохих», а субъективное сходство с «плохим» юношей приводит к его максимальной высокой оценке у девушки. Чтобы скорректировать это возможное интерпретационное искажение, следует особо подчеркнуть, что фактор сходства с объектом действует «в обе стороны», т.е. улучшает не только изначально более негативное отношение к «плохому» объекту, но и изначально более позитивное отношение к «хорошему». Таким образом, совпадение факторов положительной личностной валентности объекта и сходства с ним (для женщин — в большей степени субъективного, чем объективного) дает наиболее вероятный прогноз формирования максимально позитивного отношения к нему.

Ограничение нашего исследования связано с тем, что личностная валентность объекта определялась совокупной выраженностью черт и не варьировалась по каждой отдельной черте. В связи с этим используемый нами термин «сходство» имеет операциональные погрешности.

Заключение

Полученные результаты можно обобщить в следующих основных выводах:

1. Личностная валентность объекта восприятия играет ключевую роль в формировании отношения к представителю противоположного пола: «хорошие» объекты оцениваются более высоко, чем «плохие», по когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам отношения.

2. Объективно диагностируемое личностное сходство с «плохим» объектом нивелирует различия между позитивной оценкой «хорошей» и негативной оценкой «плохой» личности, т.е. при усилении выраженности негативных личностных черт субъекта восприятия его отношение к «плохому» и «хорошему» объектам противоположного пола становится менее контрастным.

3. Эффекты факторов личностной валентности объекта восприятия и личностного сходства с объектом восприятия на формирование отношения к нему характеризуются половой асимметрией, а также по-разному «работают» в отношении конкретных темнотриадических черт и компонентов отношения. У девушек совокупная

выраженность всех темнотриадических черт вызывает эффект инверсии когнитивной оценки (чего не наблюдается по отдельным чертам), а одиночная выраженность любой негативной черты обеспечивает устойчивость эмоциональной дифференциации «хорошего» и «плохого» юношей. При росте макиявезлизма у юношей и девушек сходение оценок «хорошей» и «плохой» личности обусловлено разными механизмами. У юношей — за счет снижения отношения к «хорошей» девушке, а у девушек — за счет улучшения отношения к «плохому» юноше.

4. Субъективно осознаваемое сходство с «плохим» объектом приводит к субъективному пересмотру его личностной валентности — он начинает оцениваться лучше, чем «хороший», но не похожий на субъекта объект. Данный эффект характерен в большей степени для девушек, поскольку проявляется в их общем, а также когнитивном и поведенческом отношении к объекту, в то время как у юношей затрагивает лишь когнитивный компонент.

Полученные результаты могут использоваться при разработке стратегий самопрезентации, а также для объяснения содержания социальных аттитюдов, формируемых в процессе межличностного взаимодействия полов.

Таблица 1

Различия в показателях отношения юношей к «хорошей» и «плохой» девушкам при разных уровнях выраженности общего показателя негативных черт

Показатели отношения к объекту	Выраженность негативных черт субъекта восприятия														
	Без учета уровня выраженности					Низкий уровень					Высокий уровень				
	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t			
Когнитивный компонент	22,79	19,64	2,72 ^b	25,21	16,50	3,28 ^b	19,82	21,75	-0,78						
Эмоциональный компонент	24,80	19,04	4,86 ^a	27,00	19,00	3,19 ^b	23,76	21,63	0,84						
Поведенческий компонент	25,15	19,48	4,32 ^a	28,14	20,00	2,94 ^b	24,12	20,00	1,29						
Общее отношение	24,25	19,39	4,43 ^a	26,79	18,50	3,43 ^b	22,57	21,13	0,58						

Условные обозначения: M_x — среднее значение показателя отношения к «хорошей» личности, M_{Π} — среднее значение показателя отношения к «плохой» личности; ^a $p < 0,001$, ^b $p < 0,01$.

Таблица 2

Различия в показателях отношения девушек к «хорошему» и «плохому» юношам при разных уровнях выраженности общего показателя негативных черт

Показатели отношения к объекту	Выраженность негативных черт субъекта восприятия														
	Без учета уровня выраженности					Низкий уровень					Высокий уровень				
	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t	M_x	M_{Π}	t			
Когнитивный компонент	20,56	18,24	3,64 ^a	22,23	17,51	3,98 ^a	17,00	21,60	-3,24 ^b						
Эмоциональный компонент	22,69	17,16	8,27 ^a	23,33	16,32	5,31 ^a	19,53	19,60	-0,04						
Поведенческий компонент	22,06	18,50	5,20 ^a	23,20	18,16	3,97 ^a	19,18	20,96	-1,12						
Общее отношение	21,77	17,97	6,21 ^a	22,92	17,33	4,69 ^a	18,57	20,72	-1,53						

Условные обозначения: M_x — среднее значение показателя отношения к «хорошей» личности, M_{Π} — среднее значение показателя отношения к «плохой» личности; ^a $p < 0,001$, ^b $p < 0,01$.

Таблица 3

**Различия в показателях отношения к «хорошему» и «плохому» объектам
противоположного пола при разных уровнях выраженности у субъекта
восприятия конкретных черт Темной триады**

Показатели отношения к объекту	Выраженность негативных черт субъекта восприятия											
	Выборка юношей					Выборка девушек						
	Низкий уровень		Высокий уровень		t	Низкий уровень		Высокий уровень		t		
	M _х	M _п	M _х	M _п		M _х	M _п	M _х	M _п			
Негативная черта субъекта: <i>макиавелизм</i>												
Когнитивный компонент	26,09	17,33	4,06 ^b	20,50	20,92	-0,17	21,25	17,91	2,87 ^b	19,40	20,20	-0,56
Эмоциональный компонент	27,27	19,00	3,50 ^b	23,56	20,33	1,30	23,56	16,49	6,17 ^a	21,40	18,56	2,04 ^c
Поведенческий компонент	27,00	21,33	1,64	23,13	18,83	1,49	23,11	18,50	3,75 ^a	20,65	19,57	0,69
Общее отношение	26,79	19,22	2,99 ^c	22,40	20,03	0,98	22,64	17,63	4,57 ^a	20,48	19,44	0,78
Негативная черта субъекта: <i>нарциссизм</i>												
Когнитивный компонент	23,52	16,40	4,25 ^a	19,20	22,75	-1,15	22,22	17,51	4,80 ^a	19,11	20,48	-0,84
Эмоциональный компонент	24,92	16,00	4,84 ^a	22,40	22,50	-0,03	23,59	16,21	6,76 ^a	22,94	18,65	2,56 ^c
Поведенческий компонент	26,20	15,00	5,72 ^a	23,90	22,75	0,30	23,51	18,63	4,30 ^a	21,78	20,37	0,80
Общее отношение	24,88	15,80	5,50 ^a	21,83	22,67	-0,29	23,11	17,45	5,70 ^a	21,28	19,83	0,92
Негативная черта субъекта: <i>психопатия</i>												
Когнитивный компонент	24,64	16,00	3,70 ^b	21,08	21,09	-0,01	21,27	16,90	4,00 ^a	19,24	20,33	-0,84
Эмоциональный компонент	26,09	16,67	3,58 ^b	23,81	20,55	1,93	23,78	15,59	7,45 ^a	22,08	17,51	3,33 ^b
Поведенческий компонент	26,36	17,83	3,47 ^b	24,15	21,00	1,42	22,68	16,85	4,88 ^a	21,76	19,77	1,44
Общее отношение	25,70	16,83	3,80 ^b	23,01	20,88	1,28	22,58	16,45	5,82 ^a	21,03	19,20	1,45

Условные обозначения: M_х – среднее значение показателя отношения к «хорошей» личности, M_п – среднее значение показателя отношения к «плохой» личности; ^ap<0,001, ^bp<0,01, ^cp<0,0001.

Различия в показателях отношения к «хорошему» и «плохому» объектам противоположного пола при разных уровнях выраженности субъективного сходства с объектом

Показатели отношения к объекту	Выраженность субъективного сходства с объектом восприятия											
	Выборка юношей					Выборка девушек						
	Низкий уровень		Высокий уровень		Низкий уровень		Высокий уровень		t			
	M _x	M _п	M _x	M _п	M _x	M _п	M _x	M _п	M _x	t		
Когнитивный компонент	20,20	16,23	2,50 ^c	25,35	25,60	-0,14	16,04	15,45	0,57	24,17	23,33	0,96
Эмоциональный компонент	22,20	15,85	3,37 ^b	27,13	23,40	1,73	19,15	15,02	3,44 ^a	25,74	20,62	5,17 ^a
Поведенческий компонент	24,20	15,69	3,47 ^b	27,52	24,80	1,38	18,31	16,35	1,58	24,79	21,62	3,12 ^b
Общее отношение	22,20	15,92	3,75 ^b	26,67	24,60	1,13	17,83	15,61	2,12 ^c	24,90	21,86	3,57 ^a

Условные обозначения: M_x – среднее значение показателя отношения к «хорошей» личности, M_п – среднее значение показателя отношения к «плохой» личности; ^ap<0,001, ^bp<0,01, ^cp<0,05.

Литература

1. *Балева М.В.* Когнитивно-стилевые и контекстные факторы ингрупповой предвзятости и аутгрупповой стереотипизации при восприятии искусственных социальных групп // Социальная психология и общество. 2017. Т. 8. № 2. С. 67–84. DOI:10.17759/sps.2017080205
2. *Гаранян Н.Г.* Теория социального сравнения в клинической психологии // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 36–49.
3. *Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В.* Адаптация Короткого опросника Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (дата обращения: 19.12.2018).
4. *Корниенко Д.С., Балева М.В., Руднова Н.А.* Хороший и простой, плохой и сложный: как воспринимается образ другого при разных уровнях Темной триады [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 62. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1644-kornienko62.html> (дата обращения: 22.12.2018).
5. *Реан А.А., Коновалов И.А.* Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 60–80. DOI:10.17759/sps.2018090205
6. *Фоломеева Т.В., Федотова С.В.* Дифференциация образов высокостатусного и низкостатусного человека у молодежи // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 197–207. DOI:10.17759/sps.2018090319
7. *Щебетенко С.А., Балева М.В., Корниенко Д.С.* Стереотип и социальная угроза как факторы восприятия иммигрантов русскими // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2007. Т. 3. № 1. С. 57–69.
8. *Bagwell C.L., Coie J.D.* The best friendship of aggressive boys: Relationship quality, conflict management and rule-breaking behavior // Journal of Experimental Child Psychology. 2004. Vol. 88. P. 5–24. DOI:10.1016/j.jecp.2003.11.004
9. *Byrne D.* The attraction paradigm. New York: Academic Press, 1971. 474 p.
10. *Dijkstra J.K., Lindenberg S., Veenstra R.* Same-gender and cross-gender peer acceptance and peer rejection and their relation to bullying and helping among preadolescents: Comparing predictions from gender-homophily and goal-framing approaches // Developmental Psychology. 2007. Vol. 43 (6). P. 1377–1389. DOI:10.1037/0012-1649.43.6.1377
11. *Jones D.N., Paulhus D.L.* Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits // Assessment. 2014. Vol. 21 (1). P. 28–41. DOI: 10.1177/1073191113514105
12. *Lundy B., Field T., McBride C., Largie S.* Same-sex and opposite-sex best friend interactions among high school juniors and seniors // Adolescence. 1998. Vol. 33. P. 279–289.
13. *Maccoby E.E.* The two sexes: Growing up apart, coming together. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 384 p.
14. *Martin C.L., Fabes R.A.* The stability and consequences of young children's same-sex peer interactions // Developmental Psychology. 2001. Vol. 37. P. 431–446. DOI: 10.1037/0012-1649.37.3.431

15. Mazumdar S. How birds of a feather flock together in organizations: the phenomena of socio-physical congregation and distancing // *Journal of Architectural and Planning Research*. 1995. Vol. 12 (1). P. 1–18.
16. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in social networks // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27 (1). P. 415–444. DOI:10.1146/annurev.soc.27.1.415
17. Nangle D.W., Erdlay L.A., Zeff K.R., Stanchfield L.L., Gold J.A. Opposites do not attract: Social status and behavioral-style concordance and discordance among children and peers who like or dislike them // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2004. Vol. 32. P. 425–434. DOI:10.1023/B:JACP.0000030295.43586.32
18. Newcomb A.F., Bukowski W.M., Pattee L. Children's peer relations: A meta-analytic review of popular, rejected, neglected, controversial, and average sociometric status // *Psychological Bulletin*. 1993. Vol. 113. P. 99–128. DOI:10.1037/0033-2909.113.1.99
19. North M.S., Fiske S.T. A prescriptive intergenerational-tension ageism scale: Succession, identity, and consumption (SIC) // *Psychological Assessment*. 2013. Vol. 25 (3). P. 706–713. DOI:10.1037/a0032367
20. Nosek B., Banaji M.B. The go/no-go association task // *Social Cognition*. 2002. Vol. 19. P. 625–664. DOI:10.1521/soco.19.6.625.20886
21. Phills C.E., Kawakami K., Tabi E., Nadolny D., Inzlicht M. Mind the gap: Increasing associations between the self and blacks with approach behaviors // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100 (2). P. 197–210. DOI:10.1037/a0022159
22. Richeson J.A., Ambady N. Who's in charge? Effects of situational roles on automatic gender bias // *Sex Roles*. 2001. Vol. 44. P. 493–512.
23. Rosenbaum M.E. The repulsion hypothesis: On the non-development of relations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. Vol. 51. P. 1156–1166. DOI:10.1037/0022-3514.51.6.1156
24. Rudman L.A., Goodwin S.A. Gender Differences in Automatic In-Group Bias: Why Do Women Like Women More Than Men Like Men? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2004. Vol. 87 (4). P. 494–509. DOI:10.1037/0022-3514.87.4.494
25. Rudman L.A., Greenwald A.G., McGhee D.E. Implicit self-concept and evaluative implicit gender stereotypes: Self and ingroup share desirable traits // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2001. Vol. 27. P. 1164–1178. DOI:10.1177/0146167201279009
26. Rudman L.A., Heppen J. Implicit romantic fantasies and women's interest in personal power: A glass slipper effect? // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2003. Vol. 29. P. 1357–1370. DOI:10.1177/0146167203256906
27. Rudman L.A., Kilianski S.E. Implicit and explicit attitudes toward female authority // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000. Vol. 26. P. 1315–1328. DOI:10.1177/0146167200263001
28. Stevens S.T., Jussim L., Anglin S.M., Contrada R., Welch C.A., LaBrecque J.S., Motyl M., Duarte J., Terbeck S., Sowden W., Edlund J., Campbell W.K. Political exclusion and discrimination in social psychology: Lived experiences and solutions // *The politics of social psychology* / In J.T. Crawford & L.J. Jussim (eds.). New York, NY: Routledge, 2017. P. 210–244. DOI:10.4324/9781315112619

29. Strough J., Covatto A.M. Context and age differences in same- and other-gender peer preferences // *Social Development*. 2002. Vol. 1. P. 346–361. DOI:10.1111/1467-9507.00204

30. Strough J., Meegan S.P. Friendship and gender differences in task and social interpretations of peer collaborative problem solving // *Social Development*. 2001. Vol. 10. P. 1–22. DOI:10.1111/1467-9507.00145

References

1. Baleva M.V. Kognitivno-stilevye i kontekstnye faktory ingruppovoi predvzyatosti i autgruppovoi stereotipizatsii pri vospriyatii iskusstvennykh sotsial'nykh grupp [Cognitive styles and contextual variables as the factors of ingroup bias and outgroup stereotyping in the perception of artificial social groups]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2017. Vol. 8, no. 2, pp. 67–84. DOI:10.17759/sps.2017080205 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Garanjan N.G. Teorija social'nogo sravnenija v klinicheskoj psihologii [Theory of social comparison in clinical psychology]. *Psihologicheskij zhurnal* [*Psychological journal*], 2015. Vol. 36, no. 4, pp. 36–49. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Egorova M.S., Sitnikova M.A., Parshikova O.V. Adaptacija Korotkogo oprosnika Temnoj triady [Adaptation of the Short Dark Triad]. *Psihologicheskie issledovanija* [*Psychological research*], 2015. Vol. 8, no. 43, pp. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1181-egorova43.html> (Accessed: 19.12.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Kornienko D.S., Baleva M.V., Rudnova N.A. Horoshij i prostoj, plohoj i slozhnyj: kak vosprinimaetsja obraz drugogo pri raznyh urovnjah Temnoj triady ["Good and simple, bad and complex": the perceived image of another and the Dark triad]. *Psihologicheskie issledovanija* [*Psychological research*], 2018. Vol. 11, no. 62, pp. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1644-kornienko62.html> (Accessed: 22.12.2018). (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Rean A.A., Konovalov I.A. Social'no-perceptivnyj obraz razlichnykh social'nykh grupp v soznanii podrostkov [Adolescent's socio-cognitive representations (images) of different social groups]. *Social'naja psihologija i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2018. Vol. 9, no. 2, pp. 60–80. DOI:10.17759/sps.2018090205 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Folomeeva T.V., Fedotova S.V. Differenciacija obrazov vysokostatusnogo i nizkostatuznogo cheloveka u molodezhi [Images differentiation of high status and low status person among young people]. *Social'naja psihologija i obshchestvo* [*Social Psychology and Society*], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 197–207. DOI:10.17759/sps.2018090319 (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Shhebetenko S.A., Baleva M.V., Kornienko D.S. Stereotip i social'naja ugroza kak faktory vospriyatija immigrantov russkimi [Stereotype and social threat as factors of perception of immigrants by Russians]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo instituta iskusstva i kul'tury* [*Bulletin of the Perm State Institute of Art and Culture*], 2007. Vol. 3, no 1, pp. 57–69.
8. Bagwell C.L., Coie J.D. The best friendship of aggressive boys: Relationship quality, conflict management and rule-breaking behavior. *Journal of Experimental Child Psychology*, 2004. Vol. 88, pp. 5–24. DOI:10.1016/j.jecp.2003.11.004

9. Byrne D. The attraction paradigm. New York: Academic Press, 1971. 474 p.
10. Dijkstra J.K., Lindenberg, S., Veenstra, R. Same-gender and cross-gender peer acceptance and peer rejection and their relation to bullying and helping among preadolescents: Comparing predictions from gender-homophily and goal-framing approaches. *Developmental Psychology*, 2007. Vol. 43(6), pp. 1377–1389. DOI:10.1037/0012-1649.43.6.1377
11. Jones D.N., Paulhus D.L. Introducing the Short Dark Triad (SD3): A Brief Measure of Dark Personality Traits. *Assessment*, 2014. Vol. 21(1), pp. 28–41. DOI:10.1177/1073191113514105
12. Lundy B., Field T., McBride C., Largie S. Same-sex and opposite-sex best friend interactions among high school juniors and seniors. *Adolescence*, 1998. Vol. 33, pp. 279–289.
13. Maccoby E.E. The two sexes: Growing up apart, coming together. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. 384 p.
14. Martin C.L., Fabes R.A. The stability and consequences of young children's same-sex peer interactions. *Developmental Psychology*, 2001. Vol. 37, pp. 431–446. DOI:10.1037/0012-1649.37.3.431
15. Mazumdar S. How birds of a feather flock together in organizations: the phenomena of socio-physical congregation and distancing. *Journal of Architectural and Planning Research*, 1995. Vol. 12(1), pp. 1–18.
16. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 2001. Vol. 27 (1), pp. 415–444. DOI:10.1146/annurev.soc.27.1.415
17. Nangle D.W., Erdlay L.A., Zeff K.R., Stanchfield L.L., Gold J.A. Opposites do not attract: Social status and behavioral-style concordance and discordance among children and peers who like or dislike them. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2004. Vol. 32, pp. 425–434. DOI:10.1023/B:JACP.0000030295.43586.32
18. Newcomb A.F., Bukowski W.M., Pattee L. Children's peer relations: A meta-analytic review of popular, rejected, neglected, controversial, and average sociometric status. *Psychological Bulletin*, 1993. Vol. 113, pp. 99–128. DOI:10.1037/0033-2909.113.1.99
19. North M.S., Fiske S.T. A prescriptive intergenerational-tension ageism scale: Succession, identity, and consumption (SIC). *Psychological Assessment*, 2013. Vol. 25 (3), pp. 706–713. DOI:10.1037/a0032367
20. Nosek B., Banaji M.B. The go/no-go association task. *Social Cognition*, 2002. Vol. 19, pp. 625–664. DOI:10.1521/soco.19.6.625.20886
21. Phills C.E., Kawakami K., Tabi E., Nadolny D., Inzlicht M. Mind the gap: Increasing associations between the self and blacks with approach behaviors. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2011. Vol. 100(2), pp. 197–210. DOI:10.1037/a0022159
22. Richeson J.A., Ambady N. Who's in charge? Effects of situational roles on automatic gender bias. *Sex Roles*, 2001. Vol. 44, pp. 493–512.
23. Rosenbaum M.E. The repulsion hypothesis: On the non-development of relations. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1986. Vol. 51, pp. 1156–1166. DOI:10.1037/0022-3514.51.6.1156
24. Rudman L.A., Goodwin S.A. Gender Differences in Automatic In-Group Bias: Why Do Women Like Women More Than Men Like Men? *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004. Vol. 87(4), pp. 494–509. DOI:10.1037/0022-3514.87.4.494

25. Rudman L.A., Greenwald A.G., McGhee D.E. Implicit self-concept and evaluative implicit gender stereotypes: Self and ingroup share desirable traits. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2001. Vol. 27, pp. 1164–1178. DOI:10.1177/0146167201279009
26. Rudman L. A., Heppen J. Implicit romantic fantasies and women's interest in personal power: A glass slipper effect? *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2003. Vol. 29, pp. 1357–1370. DOI:10.1177/0146167203256906
27. Rudman L.A., Kilianski S.E. Implicit and explicit attitudes toward female authority. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2000. Vol. 26, pp. 1315–1328. DOI:10.1177/0146167200263001
28. Stevens S.T., Jussim L., Anglin S.M., Contrada R., Welch C.A., LaBrecque J.S., Motyl M., Duarte J., Terbeck S., Sowden W., Edlund J., Campbell W.K. Political exclusion and discrimination in social psychology: Lived experiences and solutions. In Crawford J.T., Jussim L.J. (eds.). *The politics of social psychology*, 2017. New York, NY: Routledge, pp. 210–244. DOI:10.4324/9781315112619
29. Strough J., Covatto A.M. Context and age differences in same- and other-gender peer preferences. *Social Development*, 2002. Vol. 1, pp. 346–361. DOI:10.1111/1467-9507.00204
30. Strough J., Meegan S.P. Friendship and gender differences in task and social interpretations of peer collaborative problem solving. *Social Development*, 2001. Vol. 10, pp. 1–22. DOI:10.1111/1467-9507.00145

Информация об авторах

Балева Милена Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГБОУ ВО ПГНИУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Information about the authors

Milena V. Baleva, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Developmental Psychology, Perm State University, Perm, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Получена 09.01.2019

Received 09.01.2019

Принята в печать 09.04.2020

Accepted 09.04.2020

Влияние целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин

Воронцова Т.А.

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ),

г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfedu.ru

Цель исследования. Изучение влияния целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин.

Контекст и актуальность исследования. Воспринимаемый возраст трактуется как возраст человека, приписанный ему воспринимающим субъектом на основе восприятия его внешнего облика. Имеется ряд исследований, изучающих влияние отдельных элементов оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст, при этом вклад целостного его оформления в воспринимаемый возраст не изучен. Работа выполнена на основе социально-психологического подхода к внешнему облику В.А. Лабунской.

Дизайн исследования. Фотоизображения женщин («моделей») до и после целостного оформления внешнего облика были предъявлены субъектам восприятия для оценки их возраста. Полученные данные проанализированы с применением U-критерия Манна–Уитни, T-критерия Уилкоксона, линейного регрессионного анализа.

Выборка. В качестве «моделей» выступили 72 женщины (22–89 лет); в качестве «оценщиков» – 35 женщин и 16 мужчин (18–79 лет).

Методы. Процедура «Фотовидеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой; анкета «Представления о своем возрасте» Т.А. Воронцовой; анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» В.А. Лабунской, Е.В. Капитановой.

Результаты. 1) Для 78% женщин доказано влияние оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст; 2) у 53% женщин воспринимаемый возраст уменьшился, у 25% – увеличился; 3) на воспринимаемый возраст женщин влияют их возраст и рост, а также личностные особенности «оценщиков»; 4) «пограничный» возраст женщины, меняющий «эффект омоложения» со старящего на омолаживающий – 36 лет.

Основные выводы. Целостное оформление внешнего облика женщин влияет на их воспринимаемый возраст. Основная тенденция данного влияния – омоложение. «Эффект омоложения» женщины в результате целостного оформления внешнего облика зависит от ее возраста.

Ключевые слова: возраст, внешний облик, восприятие возраста, воспринимаемый возраст, оформление внешнего облика.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 17-18-01260.

Для цитаты: Воронцова Т.А. Влияние целостного оформления внешнего облика на воспринимаемый возраст женщин // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 142–161. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110209>

The influence of the holistic appearance design on the perceived age of women

Tatyana A. Vorontsova
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, **e-mail:** shkurko@sfedu.ru

Objectives. *To study the influence of the holistic design of appearance on the perceived age of women.*

Background. *The perceived age is interpreted as the age of a person attributed to him by the perceiving subject based on the perception of his appearance. There are a number of studies that study the influence of individual elements of appearance design on perceived age, while the contribution of its holistic design to perceived age has not been studied. The work is based on a socio-psychological approach to the appearance of V.A. Labunskaya.*

Study design. *Photo images of women (“models”) before and after the holistic appearance design were presented to the subjects of perception to assess their age. The obtained data were analyzed using the Mann-Whitney U-test, Wilcoxon T-test, and linear regression analysis.*

Participants. *The “models” were 72 women (22–89 years old); the “appraisers” were 35 women and 16 men (18–79 years old).*

Measurements. *The procedure of “Photo-visual presentation of appearance” by T.A. Vorontsova; the questionnaire “Your ideas about your own age” by T.A. Vorontsova; the questionnaire “Attitude to your appearance: satisfaction and concern” by V.A. Labunskaya, E.V. Kapitanova.*

Results. *1) The holistic design of the external appearance influenced perceived age of 78% of women-respondents; 2) in 53% of them perceived age was decreased and in 25% it was increased; 3) the perceived age of women is influenced by their age and height as well as the personal characteristics of “evaluators”; 4) “edge” age of women, changing “the effect of rejuvenation” from aging to anti-aging is 36 years.*

Conclusions. *The holistic design of women’s appearance affects their perceived age. The main trend of this influence is rejuvenation. The “rejuvenation effect” of a woman as a result of a holistic design of her appearance depends on her age.*

Keywords: *age, appearance, perception of age, perceived age, appearance design.*

Funding: The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF), project number 17-18-01260.

For citation: Vorontsova T.A. The influence of the holistic appearance design on the perceived age of women. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 142–161. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110209> (In Russ.).

Введение

Исследование выполнено в рамках социально-психологического подхода к внешнему облику (ВО) В.А. Лабунской [4; 5], который определяется как «феномен, отражающий различные этапы жизненного пути на основе динамичных, переменных взаимосвязей трех компонентов: 1) физического, 2) социального облика, 3) экспрессивного поведения» [5, с. 202]. Оформление ВО в рамках данного подхода трактуется как социальный ВО и представляет собой его устойчивый компонент наряду с устойчивым (индивидуально-конституциональные характеристики человека — физический ВО) и динамическим (экспрессивное поведение) компонентами. На оформление ВО оказывают влияние гендерные, возрастные, этнические, культурные стереотипы, оно тесно связано с преобразовательной активностью личности, может быть трансформировано как самим человеком, так и при помощи других людей. На трансформацию оформления ВО нацелены индустрия моды, красоты, ухода и т.п. Выделяются [2; 8; 9; 11] следующие элементы оформления ВО: одежда, обувь, гигиена лица, макияж (визаж) (для женщин), борода/усы (для мужчин); стрижка, прическа, цвет волос, аксессуары (украшения, очки, сумки).

Учеными [2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 11] рассматривается ряд психологических функций оформления ВО: самопрезентация личности, проявление отношения к другим; проявление отношения к самому себе; регуляция самоотношения; проявление

индивидуальности; маскировка; формирование первого впечатления; формирование представления о красивом теле; управление впечатлением; презентация своей Я-концепции; самоконтроль (через демонстрацию соответствия социальному окружению); подчеркивание своего социального статуса; демонстрация социальной/профессиональной/этнической/гендерно-возрастной принадлежности к той или иной группе. В ряде работ [24; 27; 30] показано влияние отдельных элементов оформления ВО (очки, именная бирка, униформа, обувь, ухоженные усы/борода и т.д.) на увеличение доверия, привлекательности, позитивной оценки. В работе Ж. Энке [20] специфическое оформление ВО (демонстрирующее женственность) рассматривается в качестве копинг-стратегии девушек, занимающихся атлетическими видами спорта, при ролевом конфликте «женщина/спортсменка». В работе Л. МкНэйл [31] обсуждается роль модной одежды в создании мужской идентичности. В более широком смысле в современной психологии и социологии оформление ВО молодыми людьми рассматривается в качестве инструмента, способствующего воспроизводству культуры взрослых, становлению социальной идентичности личности.

Ряд работ [16; 17] посвящен оформлению ВО в зрелом возрасте, которое рассматривается как один из инструментов управления старением. В данном контексте ученые обращаются к понятию «воспринимаемый возраст» (ВВ), который является «результатом социальной перцепции и представляет

собой возраст человека, приписанный ему субъектом восприятия» [12, с. 194]. В последние десятилетия проблема ВВ, анализ факторов и механизмов его конструирования в процессе социального познания входят в число актуальнейших научных проблем, что обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, проблема изучения восприятия возраста имеет большое значение для анализа повседневного общения и взаимодействия человека, так как уже в первом исследовании ВВ [28] было показано, что ВВ незнакомого человека влияет на первое впечатление, ролевые ожидания и возрастные установки. Во-вторых, проблема изучения ВВ имеет фундаментальный характер, так как относится к теории социального познания, отправной точкой которого в данном случае является ВО человека как основной источник информации о его возрасте. В-третьих, изучение ВВ имеет экономическое значение — для растущих рынков омолаживающих технологий, так как позволяет анализировать их эффективность и отвечать на запрос современного человека выглядеть моложе своих лет.

Ученые рассматривают ВО человека как маркер его возраста, выделяя те его элементы, параметры и характеристики, которые влияют на восприятие возраста человека, на процессы отнесения его к возрастным группам. На сегодняшний день описаны разнообразные лицевые признаки, ассоциированные с ВВ [1; 32]; изучена структура восприятия возраста с точки зрения «вклада» различных компонентов ВО [14]; продемонстрировано влияние динамического компонента ВО (выражения лица, улыбки, целостного экспрессивного поведения) на восприятие возраста [12; 23; 26]. Также анализируется влияние отдельных

элементов оформления ВО на ВВ. Наиболее изучено влияние макияжа. В исследовании М. Ли, Ж. Хэн, Э. Ким [29] показано, что макияж способен уменьшить ВВ женщин путем коррекции цвета кожи. Более молодой возраст в глазах воспринимающего субъекта ассоциирован с такими свойствами кожи, как более светлый тон и более однородный цвет. В исследовании Р. Руссел с коллегами [34] продемонстрировано дифференцированное влияние макияжа на ВВ. Ученые обнаружили, что женщины после 40 лет выглядели моложе с использованием макияжа, на ВВ 30-летних женщин макияж не оказывал никакого влияния, а ВВ 20-летних женщин с макияжем увеличивался. В работе С.Г. Даян с коллегами [19] произведена количественная оценка влияния косметического макияжа на ВВ и первое впечатление. Женщины с макияжем казались на 4 года моложе тех, кто не носил никакого макияжа, и вызывали на 37% лучшее первое впечатление у других.

Также учеными [21; 22] зафиксировано влияние цвета волос в сочетании с цветом кожи на ВВ и привлекательность: женщины с более светлым цветом волос были оценены как более молодые, чем женщины с темными оттенками; этот эффект был более выражен у женщин со светлым цветом кожи. Также показано [18; 25], что наличие седины в причёске является как биологическим маркером старения, так и социальным, сигнализируя воспринимающему субъекту, что носитель седины относится к старшей возрастной группе. Причем влияние седины на ВВ доказано как на женской выборке, так и на мужской (к седине в последнем случае присоединяется еще степень облысения). Работа Ф. Мускарелла и М.Р. Суннингхам [33] посвящен-

на изучению социального восприятия мужской модели облысения и наличия/отсутствия лицевых волос. Обнаружено, что уменьшение количества черепных волос связано с повышением восприятия социальной зрелости, умиротворения и возраста, а также снижением восприятия привлекательности и агрессивности. Мужчины с наличием лицевых волос воспринимались как более агрессивные, менее покладистые, привлекательные, социально зрелые и более старые, чем мужчины с чисто выбритыми лицами.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что, несмотря на наличие значительного количества работ, в которых бы анализировалось влияние отдельных элементов оформления ВО на ВВ, на сегодняшний день вклад целостного оформления ВО в ВВ человека практически не изучен. В качестве целостного оформления ВО нами рассматривается процедура трансформации всех его элементов (стрижка, покраска, укладка, макияж, подбор одежды, обуви, аксессуаров) с привлечением специалистов в области моды, стиля, имиджа.

Целью исследования стало изучение влияния целостного оформления ВО женщин на их ВВ. Гипотезы исследования: 1) ВВ женщин-«моделей», полученный на основе восприятия их ВО другими людьми до и после его целостного оформления, будет различаться; 2) особенности восприятия возраста женщин-«моделей» могут быть обусловлены параметрами отношения к своему ВО субъектов восприятия («оценщиков») и их представлениями о своем возрасте. Выдвижение второй гипотезы обосновано необходимостью изучения субъективного фактора ВВ, к которому относятся различные характеристики воспринимающего субъекта. В данном исследовании мы обратились

к таким характеристикам отношения к своему ВО субъекта восприятия, как удовлетворенность, обеспокоенность им, стремление к совершенствованию [5].

Методы и процедура исследования

В качестве основного метода исследования выступила процедура «Фото-видеопрезентации внешнего облика» Т.А. Воронцовой [13]. Процедура состоит в предъявлении различных комплектов видео и фотоизображений ВО объектов восприятия «оценщикам» (субъектам восприятия) для оценки их возраста. Содержит четыре комплекта фото и видеопрезентаций ВО, созданных для решения различных задач в контексте изучения ВВ человека. Специально для данного исследования нами создан Комплект № 5 данной процедуры, в который вошли фотоизображения «моделей», различающихся оформлением своего ВО. В качестве «моделей» выступили героини телевизионной передачи «Модный приговор» на Первом канале Российского телевидения, фотографии которых до и после целостного оформления их ВО в открытом доступе имеются в сети Интернет (на официальном сайте программы www.modniy.tv). Каждая «модель» в данном комплекте фотографий представлена дважды: 1) до процедуры трансформации всех элементов ВО, а именно: с оформлением ВО, который сделан ею самой «в соответствии с модными советами и собственными представлениями о своем идеальном образе» (цитата с сайта программы); на этом этапе телепередачи «модели» самостоятельно экспериментируют с одеждой, обувью и аксессуарами, минимально используя макияж и прическу; 2) после процедуры трансформации: с целостным оформлением ВО, которое сделано стилистами. Таким обра-

зом, исходный и «трансформированный» ВО отличаются по критериям целостности, целенаправленности и инициатору трансформации (сам человек/стилист). В комплект были включены фотографии только тех «моделей», которые приняли предложенный стилистами вариант оформления их ВО. Объектом восприятия выступили 72 «модели» (женщины от 22 до 89 лет; $M=48,62$; ст. откл. = 15,48; выравнивание выборки по количеству «моделей» на каждый десятилетний возрастной интервал). В качестве стимульного материала, предъявляемого «оценщикам», выступили их фотографии до и после целостного оформления ВО, всего 144 фотографии. В качестве субъектов восприятия («оценщиков») выступили 35 женщин и 16 мужчин в возрасте от 18 до 79 лет.

ВВ «моделей» был получен следующим образом. Альбом с фотографиями «моделей» (расположенных в нем случайным образом, но так, чтобы их фотографии до и после преобразования ВО не следовали бы друг за другом) был представлен «оценщикам» с вопросом: «Сколько лет женщине на фотографии?». По каждой «модели» была получена 51 оценка ее возраста до и 51 оценка ее возраста после целостного оформления ВО — всего 102 оценки на каждую «модель», или 7344 оценок по всем «моделям».

Также в работе для диагностики «оценщиков» были использованы:

1) Анкета «Представления о своем возрасте», разработанная Т.А. Воронцовой [13]. Анкета содержит ряд вопросов относительно своего возраста: 1) «На сколько лет Вы себя ощущаете?» (трак-

туется автором, вслед за Е.А. Сергиенко [10], как субъективный возраст (СВ)); 2) «На сколько лет, как Вы считаете, Вы выглядите?» — отражает самооценку ВВ (СВВ); 3) «На сколько лет хотели бы выглядеть?» — рассматривается как желаемый ВВ (ЖВВ); 4) «На сколько лет, по мнению других людей, Вы выглядите?» — рассматривается как представление респондента об оценке своего ВВ (ОВВ).

2) Анкета «Отношение к своему внешнему облику: удовлетворенность и обеспокоенность» В.А. Лабунской и Е.В. Капитановой [5] использована для диагностики степени обеспокоенности и удовлетворенности своим ВО, выраженности стремления к его совершенствованию.

Результаты

Сравнительный анализ ВВ женщин, полученного на основании оценок их возраста субъектами восприятия («оценщиками») до и после целостного оформления ВО

Для доказательства первой гипотезы исследования к полученным данным о возрасте каждой «модели» был применен Т-критерий Уилкоксона, который применяется для обнаружения так называемого «эффекта обработки», то есть влияния на однородные данные какого-либо фактора. В табл. 1 приведены результаты сравнительного анализа ВВ «модели» № 1, который стал значимо ниже после целостного оформления ее ВО. Фото «модели»¹ до и после преобразования приведено на рис. 1.

¹ Фотографии, представленные в журнале, взяты с официального сайта программы (www.modniy.tv), на котором есть указание, что использование любых материалов сайта разрешается с указанием ссылки на источник.

Применение критерия Уилкоксона относительно данной «модели» показало: 80% «оценщиков» оценили возраст «модели» после целостного оформления ВО ниже, чем до его оформления; 16% «оценщиков» приписали ей больший возраст после оформления ВО; 4% «оценщиков» дали «модели» один и тот же возраст по фотографии до и после целостного оформления ВО. Статистика критерия Z и уровень значимости ($Z=-4,782$; $p=0,000$) позволяют заклю-

чить, что «модель» № 1 после целостного оформления ВО стала выглядеть значительно моложе.

В табл. 2 приведены результаты применения критерия Уилкоксона по «модели» («модель» № 3), чей ВВ значительно увеличился после целостного оформления ее ВО. Фото «модели» до и после преобразования приведено на рис. 2.

Применение критерия Уилкоксона относительно данной «модели» показало: 16% «оценщиков» оценили возраст

Таблица 1

Сравнительный анализ ВВ «модели» № 1 до и после целостного оформления ее ВО по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия
Отрицательные ранги (ВВ после<ВВ до)	41	26,65	1092,50	$Z=-4,782$, $p=0,000$
Положительные ранги (ВВ после>ВВ до)	8	16,56	132,50	
Связи (ВВ после=ВВ до)	2			
Всего	51			

Рис. 1. Пример фотоизображения «модели» («модель» № 1) выборки исследования, чей ВВ после целостного оформления ВО уменьшился

Таблица 2

Сравнительный анализ ВВ «модели» № 3 до и после целостного оформления ее ВО по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия
Отрицательные ранги (ВВ после<ВВ до)	8	14,94	119,50	Z=-5,010, p=0,000
Положительные ранги (ВВ после>ВВ до)	42	27,51	1155,50	
Связи (ВВ после=ВВ до)	1			
Всего	51			

Рис. 2. Пример фотоизображения «модели» («модель» № 3) выборки исследования, чей ВВ после оформления ВО увеличился

«модели» после целостного оформления ВО ниже, чем до его оформления; 82% «оценщиков» оценили возраст «модели» после целостного оформления ВО выше, чем до его оформления; 2% «оценщиков» приписали «модели» один и тот же возраст до и после целостного оформления ВО. Статистика критерия Z и уровень значимости ($Z=-5,010$; $p=0,000$) позволяют заключить, что «модель» № 3 после целостного оформления ВО стала выглядеть значительно старше.

В табл. 3 приведены результаты применения критерия Уилкоксона по «модели» («модель» № 20), чей ВВ значительно не изменился. Фото «модели» до и после преобразования приведено на рис. 3.

Применение критерия Уилкоксона относительно данной «модели» показало: 45% «оценщиков» оценили возраст «модели» после целостного оформления ВО ниже, чем до его оформления; 43% «оценщиков» оценили возраст «модели» после целостного оформления ВО выше,

Сравнительный анализ ВО «модели» № 20 до и после целостного оформления ее ВО по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия
Отрицательные ранги (ВВ после<ВВ до)	23	23,46	539,50	Z=-0,249, p=0,804
Положительные ранги (ВВ после>ВВ до)	22	22,52	495,50	
Связи (ВВ после=ВВ до)	6			
Всего	51			

Рис. 3. Пример фотоизображения «модели» («модель» № 20) выборки исследования, чей ВВ после оформления ВО не изменился

чем до его оформления; 12% «оценщиков» приписали «модели» один и тот же возраст до и после целостного оформления ВО. Статистика критерия Z и уровень значимости ($Z=-0,249$; $p=0,804$) позволили заключить, что ВВ «модели» № 20 после целостного оформления ее ВО значимо не изменился.

Подобный анализ проведен по каждой из 72 «моделей» исследования, в результате чего сделаны следующие выводы: 1) у 78% от общей выборки жен-

щин-участниц программы «Модный приговор» обнаружен «эффект обработки», то есть доказано влияние оформления ВО на их ВВ, что позволяет нам подтвердить первую гипотезу о влиянии целостного оформления ВО на ВВ моделей; 2) обнаруженное влияние является разнонаправленным: у 53% (38 женщин) ВВ уменьшился, у 25% (18 женщин) увеличился, что позволяет сделать вывод о наличии преобладающей тенденции — снижении ВВ; 3) наличие двух

эффектов целостного оформления ВО («омолаживающего» и «старящего») эмпирически обосновывает существование дополнительных факторов, опосредующих влияние оформления ВО на ВВ женщин, к которым относятся их различные характеристики (например, возраст, рост, вес и т.д.).

Для дополнительной проверки первой гипотезы и доказательства того, что «омолаживающий» эффект целостного оформления ВО является преобладающим, нами предпринято следующее. По каждой из женщин-«моделей» подсчитан средний возраст (с точностью до двух знаков после запятой), приписанный ей «оценщиками» до и после преобразования. Как показано в проведенном нами обзоре современных исследований ВВ [13], именно этот показатель называется «воспринимаемым» возрастом человека (усредненные оценки возраста на основе определенного количества наблюдений). Далее к ВВ «моделей», полученным до и после целостного преобразования ВО, также был применен критерий Уилкоксона, только в данном случае анализу подверглись усредненные оценки возраста 72 моделей на основе 51 наблюдения. Результаты представлены в табл. 4.

Проведенный анализ математически подтверждает «омолаживающий» эффект целостного оформления ВО.

Сравнительный анализ индивидуально-психологических и социально-демографических характеристик женщин, у которых в результате оформления ВО значимо уменьшился/увеличился ВВ

В качестве дополнительных факторов, опосредующих влияние целостного оформления ВО женщин на их ВВ, в нашем исследовании выступили индивидуально-психологические и социально-демографические характеристики «моделей», размещенные на сайте телепередачи «Модный приговор» в открытом доступе: возраст, рост, вес, размер одежды, работа, семейное положение, количество детей в семье. Для анализа влияния данных факторов на ВВ мы разделили выборку на 3 подгруппы: 1) в первую подгруппу вошли 38 женщин, ВВ которых уменьшился в результате целостного оформления ВО; 2) во вторую подгруппу вошли 18 женщин, ВВ которых увеличился; 3) третью подгруппу составили 16 женщин, чей ВВ не изменился. Далее мы сравнили первую и вторую подгруппы по критерию Манна-Уитни, значимые различия приведены в табл. 5.

Таким образом, возраст и рост женщин являются дополнительными переменными, которые участвуют в процессах конструирования возраста на

Таблица 4

Сравнительный анализ ВВ объектов восприятия («моделей») до и после целостного оформления ВО по критерию Уилкоксона

Ранги	N	Средний ранг	Сумма рангов	Статистика критерия
Отрицательные ранги (ВВ после<ВВ до)	47	40,19	1889,00	Z=-3,227, p=0,001
Положительные ранги (ВВ после>ВВ до)	25	29,56	739,00	
Связи (ВВ после=ВВ до)	0			
Всего	72			

основе целостного оформления ВО. Обнаруженный в исследовании эффект «омоложения» в результате оформления ВО в большей степени характерен для зрелых женщин, а также для женщин, которые имеют низкий рост; для молодых и рослых женщин использование комплексного оформления ВО может приводить к тому, что они будут выглядеть старше с точки зрения воспринимающего субъекта.

Для выявления специфики влияния возраста и роста на эффект «омоложения» в результате целостного оформления ВО женщин нами был применен линейный регрессионный анализ. В качестве зависимой переменной выступила разница между ВВ женщин до и после целостного оформления ВО (ВВдо-ВВпосле), названная нами «Эффект омоложения». Эта переменная может принимать как положительные, так и отрицательные значения, причем чем более высокие положительные значения она принимает, тем «омолаживающий»

эффект сильнее. Отрицательные значения данного параметра говорят об обратном эффекте («старящем»). Переменная «эффект омоложения» в изучаемой выборке имела размах от -11,35 до 13,57 лет. Применение линейного регрессионного анализа, где в качестве предиктора (независимой переменной) выступал рост, не показало его значимого линейного влияния на эффект «омоложения» (зависимую переменную). Результаты анализа влияния возраста моделей на эффект «омоложения» приведены в табл. 6.

Уравнение регрессии представляет собой следующее выражение: «Эффект омоложения» (ВВдо - ВВпосле) = 0,184 × Возраст - 6,703. Полученное уравнение регрессии позволяет вычислить тот возраст, который ассоциирован с нулевым эффектом (отсутствием «омолаживающего» эффекта). Соответственно, возраст свыше «нулевого» связан с «омолаживающим» эффектом (показатель ВВдо-ВВпосле принимает положительные значения); возраст ниже «нулево-

Таблица 5

Сравнительный анализ возраста и роста женщин, у которых в результате оформления ВО значимо уменьшился (группа 1)/увеличился (группа 2) ВВ по критерию Манна—Уитни

Параметр	М/σ (группа 1)	М/σ (группа 2)	Z	p	Средний ранг 1 группы	Средний ранг 2 группы
Возраст	55,18/13,16	34,00/11,27	-4,626	0,000	35,43	13,86
Рост	162,87/6,76	167,06/5,74	-2,323	0,020	25,03	35,83

Таблица 6

Результаты линейного регрессионного анализа (зависимая переменная: «эффект омоложения» (ВВдо-ВВпосле); предиктор: возраст)

Модель	B	Ст. ошиб.	B	t	p
(Константа)	-6,703	1,845		-3,632	0,001
Возраст	0,184	0,036	0,518	5,072	0,000
Общие показатели регрессии	R=0,518; R ² =0,269; F=25,730; p=0,000				

го» ассоциирован с обратным эффектом (показатель ВВдо - ВВпосле принимает отрицательные значения). Решение уравнения $0,184 \times \text{Возраст} - 6,703 = 0$ позволило нам вычислить этот возраст. Он равен 36,43 года. То есть возраст «модели» свыше 36 лет позволяет нам прогнозировать «омолаживающий» эффект целостного оформления ВО, а возраст «модели» ниже данного возраста — обратный («старящий») эффект.

Особенности восприятия возраста женщин-«моделей», обусловленные параметрами отношения к своему ВО и представлениями о своем возрасте субъектов восприятия («оценщиков»)

В качестве параметров отношения к своему ВО субъектов восприятия, которые, возможно, опосредуют процесс конструирования ими возраста «моделей», нами рассматривались: 1) степень обеспокоенности своим ВО; 2) степень удовлетворенности своим ВО; 3) выраженность стремления к совершенствованию своего ВО. В качестве особенностей представлений субъектов восприятия о своем возрасте выступила разница между хронологическим возрастом (ХВ) респондентов и: 1) субъективным возрастом (ХВ-СВ); 2) самооценкой ВВ (ХВ-СВВ); 3) желаемым воспринимаемым возрастом (ХВ-ЖВВ); 4) представлением об оценке ВВ (ХВ-ОВВ). В целом блок данных характеристик отражает то, насколько респондент чувствует себя моложе хронологического возраста; считает себя выглядящим моложе хронологического возраста; хочет выглядеть моложе хронологического возраста; считает, что другие люди воспринимают его значительно моложе его хронологического возраста.

Для доказательства второй гипотезы нами было предпринято следующее. Во-первых, было выявлено влияние личностного фактора на ВВ «моделей». Для этого из оценок возраста 144 фотографий были извлечены оценки респондентами возраста моделей, представленных после целостного оформления их ВО (72 оценки у 51 респондента, всего 3672 оценки). Данные оценки по каждому респонденту были сравнены с хронологическим возрастом «моделей» по критерию Уилкоксона, что позволило доказать наличие/отсутствие влияния личностного фактора на результаты конструирования возраста «моделей». Проведенный анализ показал, что только 39% «оценщиков» (20 человек) обнаруживают одну из двух стратегий восприятия «моделей», а именно: они склонны «старить» или «омолаживать» «модель». Во-вторых, выявленные 20 «оценщиков», относительно которых доказан факт влияния их личностных особенностей на ВВ «моделей», были разделены на 2 подгруппы: 1) «оценщиков», у которых преобладала тенденция «омолаживать» воспринимаемых женщин (их оказалось 15 человек, или 75% выделенной подгруппы «оценщиков»); 2) «оценщиков», у которых преобладала тенденция «старить» воспринимаемых женщин (их оказалось 5 человек, или 25% выделенной подгруппы «оценщиков»). Далее мы сравнили параметры отношения к своему ВО и представления о своем возрасте «оценщиков», отличающихся склонностью «омолаживать» или «старить» воспринимаемого другого, по критерию Манна-Уитни. Результаты проведенного анализа приведены в табл. 7.

Обнаружены значимые различия в отношении к своему ВО «оценщиков», имеющих тенденцию «омолаживать» или «старить» воспринимаемого другого. Эти различия касаются параметра

Таблица 7

Сравнительный анализ параметров отношения к своему ВО и представлений о своем возрасте «оценщиков», отличающихся склонностью «омолаживать» или «старить» воспринимаемого другого, по критерию Манна–Уитни

Параметр	Z	P	Ср. ранг 1 группы («омолаживают»)	Ср. ранг 2 группы («старят»)
Степень обеспокоенности своим ВО	-1,442	0,149	11,6	7,20
<i>Степень удовлетворенности своим ВО</i>	-2,014	0,044	8,97	15,10
Стремление к совершенствованию ВО	-0,132	0,895	10,40	10,80
XВ-СВ	-1,099	0,272	9,67	13,00
<i>XВ-СВВ</i>	-2,394	0,017	8,70	15,90
XВ-ЖВВ	-1,556	0,120	8,97	13,88
XВ-ОВВ	-1,858	0,063	9,10	14,70

«степень удовлетворенности своим ВО», который значительно ниже в группе «оценщиков», склонных «омолаживать» воспринимаемого субъекта. «Оценщики», которые менее удовлетворены своим ВО, конструируют возраст других людей с опорой на стратегии омоложения. Также один из параметров представлений о своем возрасте в первой и второй подгруппах оказался различным: разница между хронологическим возрастом и самооценкой своего ВВ (XВ-СВВ) выше в группе тех респондентов, которые «старят» «модель». То есть чем более молодо, с точки зрения респондента, он выглядит, тем скорее он будет воспринимать другого старше, чем он есть на самом деле, несмотря ни на какие манипуляции другого человека с оформлением своего ВО. Возможно, тут работает принцип переноса: если респондент считает, что он выглядит моложе своих лет, то при оценке возраста объектов восприятия он будет предполагать, что и другие тоже могут выглядеть моложе, и корректировать свои оценки с учетом этого представления.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования продемонстрировали влияние целостного оформления ВО женщины на ее ВВ. Они согласуются с данными, полученными в ряде исследований отечественных и зарубежных ученых [19; 29; 34]. На наш взгляд, при обсуждении оформления ВО в зрелом возрасте необходимо опираться на представления о концепциях старения. Один из подходов (теория маскировки) [2] рассматривает старение как стремление сохранить молодой образ, как консервацию черт молодости, на что нацелена современная индустрия моды и красоты. Другой подход [15] рассматривает старение как определенный баланс «общественного» (обусловленного физическими изменениями во внешнем облике) и «частного» (обусловленного субъективным ощущением) старения. В работе К. Баллард, М.А. Елстон, Ж. Габе [15] показано, что, в отличие от теории маскировки, большинство женщин в возрасте старше 50 лет стремятся создать социально приемлемый образ, отражающий

их субъективное ощущение старения. В данном контексте оформление ВО можно рассматривать как проекцию этого образа. При этом образ женщины, созданный стилистами, отражает и «общественное», и «частное» старение, т.к. создается в опоре на культурные нормы и специфику личности женщины.

В работе доказано, что целостное оформление ВО оказывает дифференцированное влияние на ВВ: молодых женщин «старит», а зрелых — «омолаживает». Полученные данные подтверждают закономерность, обнаруженную Р. Руссел с коллегами [34] на примере макияжа. Вслед за авторами мы считаем, что целостное оформление ВО влияет на социальное восприятие через восходящие маршруты, изменяя визуальные сигналы (контраст лица, однородность кожи, модная одежда, современная прическа и т.д.), а также через нисходящие маршруты, актуализируя социальные представления и нормы, связанные с использованием тех или иных элементов оформления ВО (например, применение макияжа ассоциировано с более взрослой возрастной группой). При этом нам удалось с помощью линейного регрессионного анализа обнаружить возраст женщины, меняющий «эффект омоложения» со «старящего» на «омолаживающий». Этот возраст составляет 36 лет.

Также обнаружено влияние на результат социального восприятия (ВВ объекта восприятия) отношения к своему ВО субъектов восприятия (параметра «удовлетворенность своим ВО»), а также их представлений о своем воспринимаемом возрасте. Полученные данные согласуются с результатами одного из наших исследований [12], в котором было доказано влияние на ВВ другого человека самооценки своего ВО субъекта восприятия.

Ограничением настоящего исследования является тот факт, что нам неизвестны реальные цели и задачи стилистов программы «Модный приговор», трансформирующих оформление ВО «моделей», эталоны и принципы их работы, которые, очевидно, могли бы повлиять на результаты исследования. Частично это ограничение снимает тот факт, что омоложение «моделей» не является специальной целью передачи, на сайте программы она заявлена как обучение участников и зрителей «самопрезентации и искусству хорошо выглядеть». Также, на наш взгляд, нуждаются в дальнейшем анализе паттерны оформления ВО, которые предлагают стилисты и сами участники программы, то, насколько они имеют «универсальный» или «частный» характер. В силу обозначенных причин полученные результаты могут быть перенесены на генеральную совокупность с осторожностью.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что выдвинутые гипотезы подтвердились. Доказано влияние оформления ВО женщин на их ВВ. Это влияние дифференцированное: у 53% женщин ВВ уменьшился, у 25% — увеличился. Преобладающей тенденцией данного влияния является снижение ВВ. Обнаружено влияние дополнительных факторов (роста и возраста женщин) на конструирование их возраста на основе оформления ВО. С помощью линейного регрессионного анализа обнаружен «пограничный» возраст женщины (36 лет), который меняет «эффект омоложения» с отрицательного на положительный. Также обнаружено влияние личностно-

го фактора «оценщика» (удовлетворенность своим ВО, самооценка своего ВВ) на ВВ объекта восприятия. Для проведения исследования разработан Комплект № 5 процедуры «Фотовидеопрезентации внешнего облика», который может иметь самостоятельное значение для дальнейшего изучения ВВ.

В целом проведенное исследование отражает функциональную значимость оформления ВО в сфере социального познания и межличностного общения, а также подтверждает доминирующую роль отношения к своему ВО в конструировании представлений о Другом [4].

Проведенное исследование касается межличностного восприятия и не учитывает эффекты, которые оказывает целостное оформление ВО на его носителя. В большинстве случаев герои передачи «Модный приговор» сообщают в своих самоотчетах о повышении самооценки, улучшении отношения к себе и своему ВО, появлении новых планов и перспектив в карьере и личной жизни. Изучение данных эффектов может стать предметом отдельного исследования. Также в продолжение данного исследования может быть изучено влияние целостного оформления ВО на ВВ мужчин.

Литература

1. Белопольская Н.Л., Виссарионова В.В., Шафирова Е.М. Определение хронологического возраста по лицу человека // Лицо человека как средство общения: Междисциплинарный подход / Отв. ред. В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов, Д.А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012. С. 33–44.
2. Золотухина-Аболина Е.В. Внешность и возраст: косметология как культурный феномен // Внешний облик в различных контекстах взаимодействия: материалы Всероссийской научной конференции, 28–30 октября 2019 года / Под общ. редакцией П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской, Г.В. Серикова. М.: Кредо, 2019. С. 72–74.
3. Костригин А.А. Потребительское поведение в сфере моды: психологические аспекты // МНТФ «Первые международные Косыгинские чтения – 2017». М.: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2017. С. 302–305.
4. Лабунская В.А., Сериков Г.В. Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика» // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 91–103. DOI:10.17759/sps.2018090310
5. Лабунская В.А., Дроздова И.И. Теоретико-эмпирический анализ влияния социально-психологических факторов на оценки, самооценки молодыми людьми внешнего облика // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 202–226. DOI: 10.21702/рпж.2017.2.12
6. Музалевская Ю.Е. Мужские и женские черты во внешнем облике представителей субкультур 20-начала 21 веков // Известия высших учебных заведений. Технология легкой промышленности. 2016. Т. 3. № 3. С. 84–87.
7. Петрова Е.А. Визуальная психосемиотика общения. М.: Издательство Академии имиджологии, 2015. 322 с.
8. Погонцева Д.В. Отношение к женщинам с различным этно-религиозным оформлением внешнего вида // Психолог. 2017. № 5. С. 26–32.
9. Рязузова Е.В. Социокультурная обусловленность восприятия внешности незнакомого другого // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. Вып. 2 (14). С. 166–169.

10. *Сергиенко Е.А.* Субъективный возраст в самоопределении человека на временной дистанции его жизнедеятельности // Мир психологии. 2011. № 3. С. 104–119.
11. *Черникова А.А., Обласова О.В.* Вербальные и невербальные паттерны самопрезентации в контексте публичного выступления // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 4 (53). С. 190–192.
12. *Шкурко Т.А., Сериков Г.В.* Влияние динамического компонента внешнего облика на восприятие визуальных презентаций возраста другого человека // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 3. С. 190–209. DOI:10.21702/rpj.2017.3.10
13. *Шкурко Т.А.* Фотовидеопрезентации внешнего облика как метод изучения воспринимаемого возраста человека // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 104–117. DOI:10.17759/sps.20180903113.
14. *Шкурко Т.А., Николаева Е.Г.* Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 78–90. DOI:10.17759/sps.2015060406
15. *Ballard K., Elston M.A., Gabe J.* Beyond the mask: Women's experiences of public and private ageing during midlife and their use of age-resisting activities // Health. 2005. Vol. 9 (2). P. 169–187. DOI:10.1177/1363459305050584
16. *Bennett E.V., Clarke H.L., Kowalski K.C., Crocker P.R.E.* "I'll do anything to maintain my health": How women aged 65–94 perceive, experience, and cope with their aging bodies // Body Image. 2017. Vol. 21. P. 71–80. DOI:10.1016/j.bodyim.2017.03.002
17. *Borland H., Akram S.* Age is no barrier to wanting to look good: Women on body image, age and advertising // Qualitative Market Research. 2007. Vol. 10 (3). P. 310–333. DOI:10.1108/13522750710754335
18. *Bulpitt C.J., Markowe H.L.J., Shipley M.J.* Why do some people look older than they should? // Postgraduate Medical Journal. 2001. Vol. 77 (911). P. 578–581. DOI:10.1136/pmj.77.911.578
19. *Dayan S.H., Cho K., Siracusa M., Gutierrez-Borst S.* Quantifying the impact cosmetic make-up has on age perception and the first impression projected // Journal of Drugs in Dermatology. 2015. Vol. 14 (4). P. 366–374.
20. *Enke J.* Athleticism and Femininity on a High School Basketball Team: An Interpretive Approach // Sociological Studies of Children and Youth. 2005. Vol. 11. P. 115–152. DOI:10.1016/S1537-4661(05)11005-8
21. *Fink B., Liebner K., Müller A.-K., Hirn T., McKelvey G., Lankhof J.* Hair colour and skin colour together influence perceptions of age, health and attractiveness in lightly pigmented young women // International Journal of Cosmetic Science. 2018. Vol. 40 (3). P. 303–312. DOI:10.1111/ics.12467
22. *Fink B., Neuser F., Deloux G., Röder S., Matts P.J.* Visual attention to and perception of undamaged and damaged versions of natural and colored female hair // Journal of Cosmetic Dermatology. 2013. Vol. 12 (1). P. 78–84. DOI:10.1111/jocd.12017
23. *Ganel T.* Smiling makes you look older // Psychonomic Bulletin and Review. 2015. Vol. 22 (6). P. 1671–1677. DOI:10.3758/s13423-015-0822-7
24. *Guéguen N., Martin A.* Effect of Interviewer's Eyeglasses on Compliance with a Face-to-face Survey Request and Perception of the Interviewer // Field Methods. 2017. Vol. 29 (3). P. 194–204. DOI: 10.1177/1525822X17713661

25. Gunn D.A., Rexbye H., Griffiths C.E.M., Murray P.G., Fereday A., Catt S.D., Tomlin C.C., Strongitharm B.H., Perrett D.I., Catt M., Mayes A.E., Messenger A.G., Green M.R., van der Ouderaa F., Vaupel J.W., Christensen K. Why some women look young for their age // PLoS ONE. 2009. Vol. 4 (12). Art. № e8021. DOI: 10.1371/journal.pone.0008021
26. Hass N.C., Weston T.D., Lim S.-L. Be Happy Not Sad for Your Youth: The Effect of Emotional Expression on Age Perception // PLoS ONE. 2016. Vol. 11 (3). Art. № e0152093. DOI:10.1371/journal.pone.0152093
27. Karl K., Peluchette J.V.E., Hall L.M. Employee beliefs regarding the impact of unconventional appearance on customers in Mexico and Turkey // Employee Relations. 2016. Vol. 38 (2). P. 163–181. DOI:10.1108/ER-05-2015-0083
28. Lawrence J.H. The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations // International Journal of Aging and Human Development. 1974. Vol. 5 (4). P. 369–391.
29. Lee M., Han J., Kim E. An evaluation of the effects of makeup on perceived age based on skin color in Korean women // Journal of Cosmetic Dermatology. 2019. Vol. 18 (4). P. 1044–1051. DOI:10.1111/jocd.12811
30. Matsui D., Cho M., Rieder M.J. Physicians' attire as perceived by young children and their parents: The myth of the white coat syndrome // Pediatric Emergency Care. 1998. Vol. 14 (3). P. 198–201. DOI:10.1097/00006565-199806000-00006
31. McNeill L., McKay J. Fashioning masculinity among young New Zealand men: young men, shopping for clothes and social identity // Young Consumers. 2016. Vol. 17 (2). P. 143–154. DOI:10.1108/YC-09-2015-00558
32. Merinville E., Grennan G.Z., Gillbro J.M., Mathieu J., Mavon A. Influence of facial skin ageing characteristics on the perceived age in a Russian female population // International Journal of Cosmetic Science. 2015. Vol. 37. P. 3–8. DOI:10.1111/ics.12252
33. Muscarella F., Cunningham M.R. The evolutionary significance and social perception of male pattern baldness and facial hair // Ethology and Sociobiology. 1996. Vol. 17 (2). P. 99–117. DOI:10.1016/0162-3095(95)00130-1
34. Russell R., Batres C., Courrèges S., Kaminski G., Soppelsa F., Morizot F., Porcheron A. Differential effects of makeup on perceived age // British Journal of Psychology. 2019. Vol. 110 (1). P. 87–100. DOI:10.1111/bjop.12337

References

1. Belopolskaya N.L., Vissarionova V.V., Shafirova E.M. Opređenje khrnologičeskogo vozrasta po litsu čeloveka [Estimating of Chronologic Age from Somebody's Face]. In Barabanshchikov V.A., Demidov A.A., Diveev D.A. (eds.). *Litsa čeloveka kak sredstvo obščheniya: Mezhdistsiplinarnyy podkhod [Human Face as a Means of Communication: an Interdisciplinary Approach]*. Moscow: Publ. Cogito-centre, 2012, pp. 33–44. (In Russ.).
2. Zolotukhina-Abolina E.V. Vneshnost' i vozrast: kosmetologija kak kul'turnyj fenomen [Appearance and age: cosmetology as a cultural phenomenon]. In Ermakov P.N., Labunskaya V.A., Serikov G.V. (eds.). *Vneshnij oblik v različnyh kontekstah vzaimodejstviya: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 28–30 oktjabrja 2019 goda [External appearance in various contexts of interaction: materials of the all-Russian scientific conference, October 28–30, 2019]*. Moscow 2019, pp. 72–74. (In Russ.).

3. Kostrigin A.A. Potrebitel'skoe povedenie v sfere mody: psikhologicheskie aspekty [Consumer behavior in the sphere of fashion: psychological aspects]. *Pervye mezhdunarodnye Kosygin'skie chteniya – 2017* [First international Kosygin readings-2017]. Moscow: Moscow state University of design and technology, 2017, pp. 302–305. (In Russ.)
4. Labunskaya V.A., Serikov G.V. Teoreticheskie osnovy i metodicheskie podkhody k izucheniyu fenomena «tsennost' vneshnego oblika» [Theoretical foundations and methodological approaches to the study of the phenomenon “the value of appearance”]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 91–103. (In Russ., abstr. in Engl.) DOI:10.17759/sps.2018090310
5. Labunskaya V.A., Drozdova I.I. Teoretiko-empiricheskiy analiz vliyaniya sotsialnopsikhologicheskikh faktorov na otsenki, samootsenki molodymi lyudmi vneshnego oblika [Theoretical and empirical analysis of the impact of social and psychological factors on the assessment, self-assessment of young people's appearance]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian psychological journal], 2017. Vol. 14, no. 2, pp. 202–226. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI:10.21702/rpj.2017.2.12
6. Muzalevskaya Yu.E. Muzhskie i zhenskie cherty vo vneshnem oblike predstavitelei subkul'tur 20- nachala 21 vekov [Male and female traits in the external appearance of representatives of subcultures of the 20th-early 21st centuries]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Tekhnologiya legkoi promyshlennosti* [News of higher educational institutions. Light industry technology], 2016. Vol. 3, no. 3, pp. 84–87. (In Russ.)
7. Petrova E.A. *Vizual'naya psikhosemiotika obshcheniya* [Visual psychosemiotics of communication]. Moscow: Publishing house of the Academy of imidzhology, 2015. 322 p. (In Russ.)
8. Pogontseva D.V. Otnoshenie k zhenshchinam s razlichnym etno-religioznym oformleniem vneshnego vida [Attitude to women with different ethno-religious appearance design]. *Psikholog* [Psychologist], 2017, no. 5, pp. 26–32. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Ryaguzova E.V. Sotsiokul'turnaya obuslovlennost' vospriyatiya vneshnosti neznakomogo drugogo [Socio-cultural Conditionalism of Perception of Strange Other's Appearance]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya* [Izvestiya of Saratov University. New series. A series of educational acmeology. Developmental psychology], 2015. Vol. 4, Issue 2 (14), pp. 166–169. (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Sergienko E.A. Sub'ektivnyi vozrast v samoopredelenii cheloveka na vremennoi distantsii ego zhiznedeyatel'nosti [A Subjective Age in the Self-Determination of a Person at a Temporal Distance of his/her Life Activity]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology], 2011, no. 3, pp. 104–119. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Chernikova A.A., Oblasova O.V. Verbal'nye i neverbal'nye patterny samoprezentatsii v kontekste publichnogo vystupleniya [Verbal and nonverbal patterns of self-presentation in the context of public speech]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, and education], 2015, no. 4 (53), pp. 190–192. (In Russ.)
12. Shkurko T.A., Serikov G.V. Vliyanie dinamicheskogo komponenta vneshnego oblika na vospriyatie vizualnykh prezentatsiy vozrasta drugogo cheloveka [Influence of the dynamic component of the external appearance on the perception of another person visual

- age presentations]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian psychological journal], 2017, no. 3, pp. 190–209. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI:10.21702/rpj.2017.3.10
13. Shkurko T.A. “Fotovideoprezentatsii vneshnego oblika” kak metod izucheniya vosprinimaemogo vozrasta cheloveka [“Photo-video presentation of appearance” as a method of a person’s perceived age studying]. *Sotsial’naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2018. Vol. 9, no. 3, pp. 104–117. (In Russ., abstr. in Engl.) DOI:10.17759/sps.2018090311.
14. Shkurko T.A., Nikolaeva Ye.G. Komponenty vneshnego oblika v strukture vospriyatiya vizualnykh prezentatsiy vozrasta [Components of appearance in the structure of perception of visual presentations of age]. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 78–90. (In Russ., abstr. in Engl.). DOI:10.17759/sps.2015060406
15. Ballard K., Elston M.A., Gabe J. Beyond the mask: Women’s experiences of public and private ageing during midlife and their use of age-resisting activities. *Health*, 2005. Vol. 9 (2), pp. 169–187. DOI:10.1177/1363459305050584
16. Bennett E.V., Clarke H.L., Kowalski K.C., Crocker P.R.E. “I’ll do anything to maintain my health”: How women aged 65–94 perceive, experience, and cope with their aging bodies. *Body Image*, 2017. Vol. 21, pp. 71–80. DOI:10.1016/j.bodyim.2017.03.002
17. Borland H., Akram S. Age is no barrier to wanting to look good: Women on body image, age and advertising. *Qualitative Market Research*, 2007. Vol. 10 (3), pp. 310–333. DOI:10.1108/13522750710754335
18. Bulpitt C.J., Markowe H.L.J., Shipley M.J. Why do some people look older than they should? *Postgraduate Medical Journal*, 2001. Vol. 77 (911), pp. 578–581. DOI:10.1136/pmj.77.911.578
19. Dayan S.H., Cho K., Siracusa M., Gutierrez-Borst S. Quantifying the impact cosmetic make-up has on age perception and the first impression projected. *Journal of Drugs in Dermatology*, 2015. Vol. 14 (4), pp. 366–374.
20. Enke J. Athleticism and Femininity on a High School Basketball Team: An Interpretive Approach. *Sociological Studies of Children and Youth*, 2005. Vol. 11, pp. 115–152. DOI: 10.1016/S1537-4661(05)11005-8
21. Fink B., Liebner K., Müller A.-K., Hirn T., McKelvey G., Lankhof J. Hair colour and skin colour together influence perceptions of age, health and attractiveness in lightly pigmented young women. *International Journal of Cosmetic Science*, 2018. Vol. 40 (3), pp. 303–312. DOI:10.1111/ics.12467
22. Fink B., Neuser F., Deloux G., Röder S., Matts P.J. Visual attention to and perception of undamaged and damaged versions of natural and colored female hair. *Journal of Cosmetic Dermatology*, 2013. Vol. 12 (1), pp. 78–84. DOI:10.1111/jocd.12017
23. Ganel T. Smiling makes you look older. *Psychonomic Bulletin and Review*, 2015. Vol. 22 (6), pp. 1671–1677. DOI:10.3758/s13423-015-0822-7
24. Guéguen N., Martin A. Effect of Interviewer’s Eyeglasses on Compliance with a Face-to-face Survey Request and Perception of the Interviewer. *Field Methods*, 2017. Vol. 29 (3), pp. 194–204. DOI: 10.1177/1525822X17713661
25. Gunn D.A., Rexbye H., Griffiths C.E.M., Murray P.G., Fereday A., Catt S.D., Tomlin C.C., Strongitharm B.H., Perrett D.I., Catt M., Mayes A.E., Messenger A.G.,

- Green M.R., van der Ouderaa F., Vaupel J.W., Christensen K. Why some women look young for their age. *PLoS ONE*, 2009. Vol. 4 (12), art. № e8021. DOI:10.1371/journal.pone.0008021
26. Hass N.C., Weston T.D., Lim S.-L. Be Happy Not Sad for Your Youth: The Effect of Emotional Expression on Age Perception. *PLoS ONE*, 2016. Vol. 11 (3), art. № e0152093. DOI:10.1371/journal.pone.0152093
27. Karl K., Peluchette J.V.E., Hall L.M. Employee beliefs regarding the impact of unconventional appearance on customers in Mexico and Turkey. *Employee Relations*, 2016. Vol. 38 (2), pp. 163–181. DOI:10.1108/ER-05-2015-0083
28. Lawrence J.H. The effect of perceived age on initial impressions and normative role expectations. *International Journal of Aging and Human Development*, 1974. Vol. 5 (4), pp. 369–391.
29. Lee M., Han J., Kim E. An evaluation of the effects of makeup on perceived age based on skin color in Korean women. *Journal of Cosmetic Dermatology*, 2019. Vol. 18 (4), pp. 1044–1051. DOI:10.1111/jocd.12811
30. Matsui D., Cho M., Rieder M.J. Physicians' attire as perceived by young children and their parents: The myth of the white coat syndrome. *Pediatric Emergency Care*, 1998. Vol. 14 (3), pp. 198–201. DOI:10.1097/00006565-199806000-00006
31. McNeill L., McKay J. Fashioning masculinity among young New Zealand men: young men, shopping for clothes and social identity. *Young Consumers*, 2016. Vol. 17 (2), pp. 143–154. DOI:10.1108/YC-09-2015-00558
32. Merinville E., Grennan G.Z., Gillbro J.M., Mathieu J., Mavon A. Influence of facial skin ageing characteristics on the perceived age in a Russian female population. *International Journal of Cosmetic Science*, 2015. Vol. 37, pp. 3–8. DOI:10.1111/ics.12252
33. Muscarella F., Cunningham M.R. The evolutionary significance and social perception of male pattern baldness and facial hair. *Ethology and Sociobiology*, 1996. Vol. 17 (2), pp. 99–117. DOI:10.1016/0162-3095(95)00130-1
34. Russell R., Batres C., Courrèges S., Kaminski G., Soppelsa F., Morizot F., Porcheron A. Differential effects of makeup on perceived age. *British Journal of Psychology*, 2019. Vol. 110 (1), pp. 87–100. DOI:10.1111/bjop.12337

Информация об авторах

Воронцова Татьяна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии, Академия психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (ФГАОУ ВО ЮФУ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfnu.ru

Information about the authors

Tatyana A. Vorontsova, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Social Psychology, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1717-7059>, e-mail: shkurko@sfnu.ru

Получена 09.11.2019

Принята в печать 09.04.2020

Received 09.11.2019

Accepted 09.04.2020

Особенности восприятия женской телесности женщинами, прибегавшими к услугам эстетической хирургии

Цыганкова П.В.

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-2076>, e-mail: polina_tsy@mail.ru

Цамерян Л.Р.

Государственное бюджетное учреждение здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница имени А.К. Ерамишанцева

Департамента здравоохранения города Москвы»,

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5238-7433>, e-mail: lusine_cameryan@rambler.ru

Цель исследования. Изучить особенности когнитивной эмпатии женщин с эстетическими операциями по отношению к женщинам, обладающим различными типами телесности.

Контекст и актуальность исследования. Технологии искусственной модификации тела становятся все более распространенными и доступными, создавая многообразие вариантов женской телесности, нуждающихся в научном исследовании и осмыслении. Внешность в статье понимается как текст, выражающий в рамках определенной семиотической системы свойственные человеку ценности, цели и смыслы.

Дизайн исследования. В работе изучались особенности когнитивной эмпатии участницы, уровень влияния образа тела на качество жизни, уровень перфекционизма, структура ценностной иерархии. Для выявления межгрупповых различий по исследуемым признакам использованы критерий Манна-Уитни и хи-квадрат Пирсона.

Выборка. 25 женщин с эстетическими операциями ($27 \pm 4,6$ лет) и 25 женщин без модификаций ($25 \pm 4,5$ лет).

Методы. Авторская методика «Внешность как высказывание», опросники «Влияние образа тела на качество жизни» Т.Ф. Кэша, «Многомерная шкала перфекционизма» Хьюитта-Флетта и «Ценностные ориентации» О.И. Моткова и Т.А. Огневой.

Результаты. Женщины с эстетическими операциями проявляют значимо более низкую когнитивную эмпатию к обладательницам всех типов телесности, кроме сходного со своим. Женщины без телесных модификаций проявляют высокую когнитивную эмпатию ко всем вариантам неконвенциональной телесности (анорексия, избыточный вес, культуризм, экстремальные телесные модификации), кроме тела, измененного с помощью пластической хирургии.

Выводы. *Уровень когнитивной эмпатии женщин по отношению к обладательницам различных типов телесности различается в зависимости от собственного типа телесности.*

Ключевые слова: *когнитивная эмпатия, межличностное познание, восприятие внешности, женская телесность, дискурсивное конструирование телесности, консьюмерный тип культуры, «витринная» телесность, дискурс гламура, эстетическая хирургия.*

Благодарности: Авторы выражают благодарность к.психол.н. Г.А. Лайшевой за участие в экспертной оценке результатов исследования.

Для цитаты: *Цыганкова П.В., Цамерян Л.Р. Особенности восприятия женской телесности женщинами, прибегавшими к услугам эстетической хирургии // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 162–179. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110210>*

Specifics of the perception of female corporality by women who resorted to the services of aesthetic surgery

Polina V. Tsygankova

*Pirogov Russian National Research Medical University (RNRMU),
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-2076>, e-mail: polina_tsy@mail.ru

Lusine R. Tsameryan

*City Clinical Hospital No. 20 named after A.K. Eramishantsev,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5238-7433>, e-mail: lusine_cameryan@rambler.ru

Objectives. *The objectives were to study the specifics of cognitive empathy in women with aesthetic surgery towards women with different types of corporality.*

Background. *Body modification technologies are becoming more common and feasible, creating variety of types of female corporality, which demand scientific research and understanding. In the article, appearance is understood as text, expressing personal values, goals and meanings within the framework of a certain semiotic system.*

Study design. *The study examined specifics of cognitive empathy, influence of body image on the quality of life, level of perfectionism, and hierarchy of values. The presence of intergroup differences was established by means of Mann-Whitney criterion and chi-squared Pearson statistic.*

Participants. *25 women, who underwent aesthetic surgery ($27 \pm 4,6$ years of age) and 25 women who did not change their appearance surgically ($25 \pm 4,5$ years of age).*

Measurements. *The author's "Appearance as a Statement" method, questionnaires "The influence of body image on the quality of life" by T.F. Cash, "The Multidimensional Scale of Perfectionism" by P. Hewitt and G. Flett, and "Value Orientations" by O.I. Motkova and T.A. Ogneva.*

Results. *It is shown that women with aesthetic surgeries show significantly lower cognitive empathy towards owners of all types of corporality, except for their own type. On*

the contrary, women who did not change their appearance surgically show high cognitive empathy towards all variants of unconventional corporality (anorexia, overweight, bodybuilding, extreme bodily modifications), except for the female bodies modified by aesthetic surgery.

Conclusions. *The differences found in the women's level of cognitive empathy towards owners of different types of corporality depend on their own corporality type.*

Keywords: *cognitive empathy, interpersonal cognition, perception of appearance, female corporality, discursive construction of corporality, consumer type of culture, "showcase" corporality, discourse of glamour, aesthetic surgery.*

Acknowledgements: The authors would like to thank PhD G.A. Laisheva for participating in the expert evaluation of the research results.

For citation: Tsygankova P.V., Tsameryan L.R. Specifics of the perception of female corporality by women who resorted to the services of aesthetic surgery. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 162–179. DOI:<https://doi.org/10.17759/sp.sps.2020110210> (In Russ.).

Введение

В современных культурологических и психологических исследованиях распространена трактовка внешности человека как знаковой системы. Неоднократно показано, что людям свойственно приписывать другим определенные индивидуально-личностные характеристики на основании особенностей их внешности [15; 22; 23; 24]. Однако тело может «говорить» не только о социальном статусе и индивидуально-психологических особенностях человека, но и указывать на поле его желаний, личностных ценностей и смыслов, мировоззрения, установок и идеологии. Тело может выступать в качестве средства идентификации и категоризации, маркера «своих» и «чужих», бесконечно интерпретируемого объекта познания [11].

Подобные интерпретации «телесного кода» возможны, поскольку, в отличие от животного, человек способен произвольно трансформировать свое биологическое тело в соответствии с культурными дискурсами, создавать свою «телесную

маску», наделяя тело семиотической выразительностью [5]. Тело объективируется, отвергается в его естественной данности, подвергается трансформациям, порой выходящим значительно за пределы практических нужд.

С психоаналитической точки зрения, образы тела вносят существенный вклад в чувство собственной идентичности человека, позволяя человеку создавать у других впечатление, не отражающее в точности его действительную самость. Сознательные и бессознательные попытки контролировать свой внешний облик связаны с многочисленными несоответствиями: между тем, каким человек себя видит и каким себя чувствует; между тем, каким он хочет и каким боится казаться окружающим. Контролируя то, как мы выглядим в глазах других, мы стараемся контролировать то, как мы выглядим в собственных глазах [10].

В.А. Лабунская противопоставляет случаи, когда конструирование собственного внешнего облика направлено на достижение соответствия социальным нормам и образцам, и случаи, когда оно

обусловлено сознательным стремлением воплотить собственную индивидуальность, с помощью внешнего преобразования повлиять на свои внутренние характеристики, ценностно-смысловые интерпретации себя и другого [11]. Культуролог Я.Б. Баричко предлагает рассматривать тело человека как «точку сбора телесности», которая развивается как изнутри его, так и извне — является воплощением как индивидуального начала человека, так и той культуры, в которой человек социализируется, а его тело наделяется социокультурными значениями и смыслами [3].

В современном мире визуальной культуры можно говорить о постоянном «бытии под взглядом», стимулирующем непрерывное сравнение себя с эталоном, «борьбу» за внешний облик, за его соответствие определенным социокультурным идеалам [11]. Для женщин, в силу большей степени объективированности их тела в публичном дискурсе, характерны «рутинизированная проблематизация» своей внешности и «нормативное недовольство» своим телом. Ю. Лапина утверждает: красота больше не дар, а труд [13]. Тела производятся так же, как вещи, требуют бесконечных финансовых инвестиций, привлечения инновационных технологий. Быть привлекательным становится социальной обязанностью. Однако, как указывает Л.Т. Баранская [1; 2], в случаях бесконечных телесных самоусовершенствований подлинное саморазвитие подменяется «квазитворческой» деятельностью.

Объектом представленного исследования является «витринный» тип женской телесности. Термин позаимствован нами у Я.Б. Баричко, который соотносит данный тип телесности с «консьюмерным типом культуры» (в рамках типоло-

гизации культур А.Я. Флиера и А.В. Костина) [3]. Консьюмерный тип культуры подразумевает потребительское отношение к телу, выставленному на продажу и всеобщее обозрение, что вызывает ассоциации с магазинной витриной. Данное описание во многом перекликается с характеристикой современного общества как «общества нарциссизма», в котором тело воспринимается как товар, сексуальность становится объектом экономического обмена, «сделки», телесное совершенство возводится в культ, становится мишенью нарциссической активности [1; 2; 17]. Различного рода искусственные модификации собственного тела могут рассматриваться как способ организации взгляда другого, всегда предполагающего желание [5].

Одной из практик, непосредственно реализующих «витринный тип» женской телесности, является эстетическая хирургия. Философ-культуролог М.Д. Рахманинова обосновывает взаимосвязь между разрастанием индустрии косметологии и эстетической хирургии и влиятельной знаковой системой «дискурса гламура» [19]. Эстетика гламура в отношении человеческого лица и тела подразумевает журнальный глянец, стремление приблизиться к безупречному состоянию синтетических материалов с идеальной гладкостью, цветом и сиянием. Если исходно кукла создавалась как подобие человека, то в наши дни идеальная пластиковая кукла становится эталоном для человека, который усердно работает над своим сходством с ней.

К.А. Бударина, опираясь на Ж. Бодрийера, высказывает мнение, что в XVII веке тело постепенно становится «симулякром первого порядка», когда в моду входит исправление недостатков фигуры с помощью корсетов, подклад-

ных подушек и косметики, создающих видимость, «что имеешь то, чего нет на самом деле» [6]. Тело, измененное посредством пластических операций, является более «реальным» с материальной точки зрения, однако сконструировано на основании симулякров-императивов, транслируемых дискурсом гламура, и порывает свою связь с несовершенным природным, естественным телом. Примечательно, что «витринная» телесность все меньше скрывает свою симулятивную природу. На индивидуальном уровне это воплощается в том, что некоторые женщины не только не скрывают факт осуществления пластических операций, но, напротив, ведут «прямой репортаж» о своем телесном преобразении с использованием социальных сетей. Другими словами, «витринная» телесность является результатом их сознательного выбора, соответствует их образу себя, мировоззренческим и ценностным установкам.

В психологии существует достаточное количество исследований с участием женщин, прибегающих к пластическим операциям эстетического характера. Большинство из них имеют целью выявление индивидуально-личностных особенностей участниц, мотивации обращения за оперативной помощью, факторов-предикторов неудовлетворенности результатом оперативной процедуры [1; 4; 8; 16; 18; 21; 23]. При этом неизученными остаются различия в восприятии телесности у женщин, выбирающих различные практики в отношении собственного тела. Формирование собственной телесности под превалирующим влиянием одного из существующих социокультурных дискурсов может затруднить «правильную» интерпретацию тех «знаков», носителем

которых является чужое тело, говорящее «на другом языке».

Целью представленного исследования является изучение особенностей когнитивной эмпатии у женщин, прибегающих и не прибегающих к услугам эстетической хирургии, по отношению к женщинам с различным типом телесности. «Когнитивная эмпатия» в данном исследовании обозначает способ межличностного познания, предполагающий понимание внутреннего мира другого человека «изнутри», с точки зрения его феноменологической перспективы, т.е. способность к децентрации [9]. Наличие когнитивной эмпатии при восприятии внешности людей, обладающих различными типами телесности, подразумевает способность абстрагироваться от собственного типа телесности и той системы ценностей, в рамках которой он сформирован, способность посмотреть на тело «изнутри чужой системы отсчета», не обесценивая его.

Гипотезы:

1. Для женщин с эстетическими операциями характерны трудности когнитивной эмпатии по отношению к женщинам, не обладающим сходным с ними типом телесности, в отличие от женщин, не прибегавших к услугам эстетической хирургии.

2. Различия в восприятии телесности в сравниваемых группах связаны с такими особенностями самосознания, как: субъективное влияние образа тела на качество жизни, уровень перфекционизма, ценностная иерархия.

Процедура исследования

Описание выборки. В исследовании приняли участие 50 женщин, составивших 2 группы.

В первую группу вошли женщины (n=25), имеющие в опыте не менее одной пластической операции, не связанной с устранением объективного дефекта внешности (маммопластика — 19 чел.; ринопластика — 6 чел.; отопластика — 2 чел.; малярпластика — 2 чел.; ментопластика — 1 чел.), и не менее одной косметической операции (увеличение губ гиалуроновой кислотой — 18 чел., инъекции ботокса — 14 чел., коррекция контура лица с помощью филлеров — 11 чел.), в возрасте от 20 до 35 лет, средний возраст $27 \pm 4,6$ лет. Выборка набрана на базе клиники пластической хирургии «IntecoClinic».

Во вторую группу были включены женщины (n=25), в чьем опыте отсутствовали любые радикальные способы изменения внешности. Возраст участниц варьировал от 20 до 35 лет, средний возраст $25 \pm 4,5$ лет.

В исследование не включались участницы с наличием диагностированных психических расстройств, а также психологического образования. Группы были уравнены по социальному статусу и семейному положению.

Методы и методики.

1. Авторская методика «Внешность как высказывание». В качестве стимульного материала методики использовались 14 фотографий женщин, репрезентирующих 7 типов телесности, каждый в вариантах крайней и умеренной степени выраженности: «культуристская фигура (бодибилдинг)» и «спортивная фигура», «анорексичная худоба» и «модельная худоба», «избыточный вес» и «здоровая полнота», «значительные телесные модификации» и «умеренные телесные модификации», «значительное пластическое хирургическое вмешательство» и «умеренное пластическое хирургическое

вмешательство», «гиноидная фигура без избыточного веса» и «андройдная фигура без избыточного веса», «естественная внешность (лицо) без макияжа» и «естественная внешность (лицо) с макияжем».

Испытуемые получали инструкцию сформулировать в виде словесного высказывания от первого лица то послание, которое делает героиня окружающим с помощью своей внешности.

Результаты методики были подвергнуты качественному и количественному анализу. Была разработана шкала для оценки уровня когнитивной эмпатии испытуемых в отношении женщин с различным типом телесности, где каждому ответу присваивался определенный балл в соответствии со следующими критериями:

0 баллов — обесценивание и высмеивание героини; негативная оценка внешности или личности героини со стороны испытуемой с опорой на свои представления относительно «правильной» телесности:

«Аррр... На дырки в ушах можно вешать пакеты!»

«Смотрите, до чего доводят санкции».

«Жру как слон».

1 балл — приписывание героине высокой самооценки внешности, определенного эмоционального состояния или личностных качеств:

«Я привлекательна».

«Легкая и воздушная».

«Безмятежность — это про меня».

2 балла — приписывание героине чувства превосходства своей внешности над внешностью окружающих; трансляции с помощью собственной внешности определенных стандартов; приписывание персонажу переживания гармонии с миром и своим телом:

«Не у каждой хватит силы воли так похудеть! А я вот смогла!»

«Занимайтесь своим телом, ставьте цели и достигайте их!»

«Я в гармонии с собой и своим телом».

3 балла — приписывание персонажам целенаправленного изменения своего тела в соответствии со своими представлениями о красоте; внешность как выражение независимости от общественных стереотипов красоты; внешность как выражение самоидентичности; принятие своего тела, несмотря на его несовершенство:

«Сейчас любой может изменить то, что ему не нравится в своей внешности, так зачем переживать и страдать, когда можно легко избавиться от недостатков?»

«Мои татуировки и пирсинг позволяют мне полнее быть собой».

«У меня есть недостатки, но я принимаю их и спокойно живу».

4 балла — описание психологических трудностей и внутренних конфликтов персонажей, находящих воплощение в их телесности; расценивание внешности как способа самоактуализации в диалоге с навязываемыми социумом императивами красоты:

«Мой бывший парень постоянно цеплялся к моим недостаткам. Первый раз легла под нож хирурга, когда он сказал, что ему нравятся пухлые губы как у Джоли, а у меня не такие. С парнем расстались давно, а вот неуверенность в себе и убеждение в том, что я некрасива, остались».

«Раньше мне казалось, что если я похудею, то окружающие будут больше меня любить и восхищаться мной, да и я сама буду себя любить. Я похудела, но так и не полюбила себя, а только заработала проблемы со здоровьем».

«Красота человека не в красоте, навязанной модными журналами. Можно быть прекрасной в любой форме. Главное то, как ты чувствуешь себя сам».

Присвоение баллов ответам испытуемых осуществлялось независимо друг от друга авторами исследования и внешним экспертом. При оценке ответы испытуемых были перемешаны и представлены в случайном порядке без указания групп. Была подсчитана среднестатистическая оценка каждого ответа по результатам трех независимых экспертиз.

2. Опросник «Влияние образа тела на качество жизни» (BIQLI) Т.Ф. Кэша в адаптации Л.Т. Баранской, А.Е. Ткаченко и С.С. Татауровой [2]. Данный опросник позволяет оценить степень влияния образа тела на качество жизни, степень неудовлетворенности собственным телом, зависимость самооценки от удовлетворенности собственной внешностью, склонность следовать культурно навязанным стандартам красоты.

3. Многомерная шкала перфекционизма Хьюитта-Флетта в адаптации И.И. Грачевой [7]. Данная методика позволяет измерить общий уровень перфекционизма и выраженность отдельных его компонентов: перфекционизма, направленного на себя, перфекционизма, направленного на других, социально предписанного перфекционизма.

4. Методика «Ценностные ориентации» О.И. Моткова и Т.А. Огневой [14]. Данная методика позволяет изучить ценностные ориентации личности, значимость и степень реализации внешних и внутренних ценностей.

С целью выявить межгрупповые статистически значимые различия по исследуемым признакам были использованы критерий Манна–Уитни и хи-квадрат Пирсона.

Результаты

Статистический анализ с использованием критерия Манна–Уитни позволил

установить ряд значимых различий в среднегрупповых результатах опросниковых методик (табл. 1).

У женщин, не прибегавших к эстетическим операциям, наблюдается значимо более выраженное субъективное положительное влияние образа тела на качество жизни, чем у женщин, менявших свою внешность хирургически ($p=0,001$). Также у них выявлен значимо более низкий интегральный перфекционизм ($p=0,007$). В первой группе, по сравнению со второй, значимо более выражены такие компоненты перфекционизма, как перфекционизм, ориентированный на других ($p=0,049$), и социально предписанный перфекционизм ($p=0,012$). Примечательно, что средний уровень интегрального перфекционизма во второй группе может быть квалифицирован как высокий, в то время как

в первой группе он достигает экстремальных значений.

Анализ результатов методики «Ценностные ориентации» показал, что женщины с эстетическими операциями придают более высокую значимость внешним ценностям, по сравнению с женщинами второй группы ($p=0,011$), и значимо более низкую – внутренним ($p=0,004$). При этом женщины, не прибегавшие к эстетическим операциям, в большей степени реализуют свои ценности в реальной жизни, у них отсутствует конфликт между значимостью и осуществленностью как внешних, так и внутренних ценностей, в то время как у женщин с пластическими операциями наблюдается значимо более высокая степень конфликтности в сфере внешних ценностей ($p=0,013$), иными словами, они ощущают, что наиболее значимые

Таблица 1

Сравнение среднегрупповых результатов опросников в группах женщин, прибегавших (группа № 1) и не прибегавших (группа № 2) к эстетической хирургии

Параметр		Группа № 1	Группа № 2	Уровень значимости различий
1		2	3	4
1	Влияние образа тела на качество жизни (BIQLI)	0,97	1,61	0,001*
2	Интегральный перфекционизм	214,05	192,70	0,007*
3	Перфекционизм, ориентированный на себя	78,40	71,50	0,026*
4	Перфекционизм, ориентированный на других	69,75	63,95	0,049*
5	Социально предписанный перфекционизм	65,90	57,25	0,012*
6	Значимость внешних ценностей	4,06	3,56	0,011*
7	Значимость внутренних ценностей	3,98	4,42	0,004*
8	Осуществление внешних ценностей	3,28	3,15	0,398
9	Осуществление внутренних ценностей	3,54	3,99	0,001*
10	Конфликтность внешних ценностей	0,77	0,43	0,013*
11	Конфликтность внутренних ценностей	0,45	0,47	0,698

Примечание. Уровни значимости: * $p<0,05$, ** $p<0,01$

для них ценности являются недостаточно реализованными.

Результаты статистического сравнения среднегрупповых оценок когнитивной эмпатии по результатам методики «Внешность как послание» представлены в табл. 2.

Установлено, что участницы без эстетических операций в опыте имеют более высокий общий уровень когнитивной эмпатии при восприятии женской телесности разного типа, по сравнению с участницами с эстетическими операциями ($p=0,004$). При анализе межгрупповых различий в восприятии отдельных типов телесности выявлено, что участницы второй группы демонстрируют более высокий уровень эмпатии по отношению к большинству типов телесности, за исключением пластических операций; уровня статистической значимости различия достигают при восприятии: «анорексичной» и «модельной» худобы ($p=0,049$), «здоровой» и «избыточной» полноты ($p=0,015$), «культуристской» и «спортивной» женской фигуры

($p=0,008$) и «естественно выглядящего лица» с макияжем и без ($p=0,008$).

Однако анализ межгрупповых различий не отражает того, в отношении каких именно типов телесности участницы каждой из групп проявили наиболее высокую и наиболее низкую когнитивную эмпатию. Для ответа на данный вопрос осуществлено ранжирование типов телесности по уровню эмпатии внутри каждой из групп. Наиболее низкий уровень когнитивной эмпатии у участниц, прибегавших к услугам эстетической хирургии, наблюдается при восприятии фотографий женщин с естественной внешностью (с макияжем и без), а также со здоровой полнотой. Наиболее высокий уровень они демонстрируют в отношении женщин со значительной «пластикой» и женщин с умеренными телесными модификациями (тату и пирсингом).

У участниц, не имеющих в опыте эстетических операций, также возникают сложности с когнитивной эмпатией при восприятии фотографий женщин с есте-

Таблица 2

Сравнение когнитивной эмпатии при восприятии телесности различного типа у женщин с наличием (группа № 1) и отсутствием (группа № 2) в опыте эстетических операций

Тип телесности, представленный в стимульном материале		Группа № 1	Группа № 2	Уровень значимости различий
1		2	3	4
1	Общий уровень когнитивной эмпатии	1,83	2,14	0,004*
2	Худоба	1,87	2,29	0,049*
3	Полнота	1,70	2,30	0,015*
4	Мускулистая фигура	1,83	2,30	0,008*
5	Среднее телосложение	1,85	2,05	0,211
6	Пластическая хирургия	2,05	1,87	0,478
7	Телесные модификации	2,03	2,26	0,341
8	Естественно выглядящее лицо	1,37	1,85	0,008*

Примечание. Уровни значимости: * $p<0,05$, ** $p<0,01$

ственной внешностью. Однако на самых низких позициях для них оказываются женщины, прибегавшие к пластической хирургии. Самые высокие баллы в данной группе соответствуют культуристской фигуре и анорексичной худобе, т.е. типам телесности, значительно отклоняющимся от конвенционального.

В исследовании анализировалось также содержание ответов участниц при выполнении методики «Внешность как высказывание». В результате контент-анализа было выделено 20 категорий ответов, которые затем были объединены в 3 более общие категории: 1) высказывания, которые подразумевают необходимость соответствовать тем или иным стандартам красоты; 2) высказывания, которые подразумевают возможность или необходимость противостоять стандартам красоты; 3) высказывания, никак прямо не связанные со стандартами кра-

соты. Были подсчитаны частоты высказываний каждой категории (рис.).

Статистический анализ данных с использованием критерия хи-квадрат показал, что женщины второй группы значимо чаще дают ответы с упоминанием тех или иных стандартов красоты, по сравнению с участницами первой группы ($p=0,018$).

Обсуждение результатов

Приверженность эстетической хирургии может быть понята как одна из форм реализации «витринного» типа телесности, соответствующего культуре общества потребления. Данное положение подтверждается данными о доминировании в системе ценностей женщин, прибегавших к услугам эстетической хирургии, не только красоты, но и таких внешних атрибутов престижа, как хорошее матери-

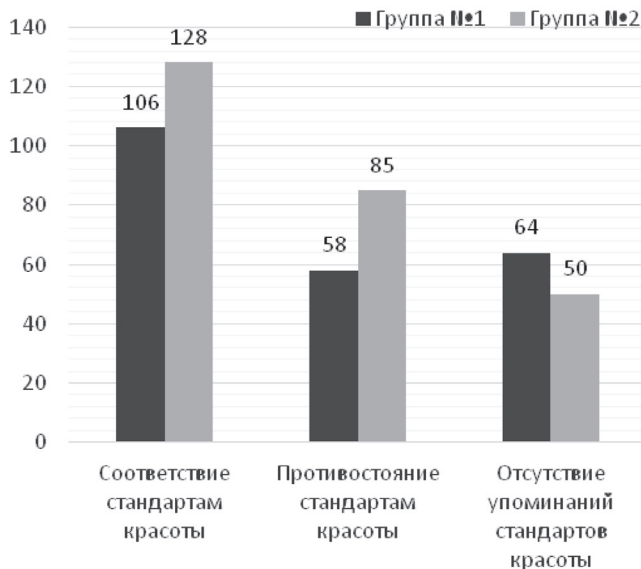

Рис. Частота упоминания стандартов красоты в ответах женщин, прибегавших (группа № 1) и не прибегавших (группа № 2) к услугам эстетической хирургии

альное положение, высокий социальный статус, известность, в то время как преобладающие во второй группе внутренние ценности, такие как: творчество, саморазвитие личности, уважение и помощь людям, — наделяются существенно меньшей значимостью. Можно расценить данный результат как проявление характерной для нарциссической организации личности ориентированности на «фасад», внешнюю форму в ущерб содержанию, стремление скорее «казаться», чем «быть», инвестировать в имидж, а не в идентичность. Примечательно, что несмотря на трансформацию своего тела с помощью пластических операций и косметических процедур, женщины первой группы демонстрируют значимо более низкий уровень положительного влияния образа тела на качество жизни, чем участницы второй группы, не менявшие свою внешность хирургически, а в сфере внешних ценностей у них имеет место конфликтность (т.е. при высокой значимости ценности воспринимаются как недостаточно реализованные). Можно предположить, что неудовлетворенность своим телом в первой группе имеет глубинную, базовую природу и не преодолевается с помощью локальных преобразований. Отчасти данный результат можно объяснить, анализируя показатели перфекционизма, который в группе с «пластикой» в среднем близок к экстремальному, что отражает крайне завышенные, нереалистичные, принципиально недостижимые стандарты. Уровень перфекционизма у женщин, прибегавших к эстетическим операциям, оказывается повышенным за счет таких его компонентов, как ориентированный на других и социально предписанный перфекционизм, что отражает их включенность в непрерывный процесс сравнения и оценок, нахождения «под взглядом» —

взглядом требовательным, критичным и безжалостным, а также готовность смотреть таким же враждебно-оценивающим взглядом на других женщин.

В данном контексте могут быть осмыслены результаты авторской методики «Внешность как высказывание». В целом женщины, имеющие в опыте эстетические операции, продемонстрировали значимо более низкую способность «читать» внешность как текст в рамках различных, подчас ценностно оппозиционных дискурсов, чем участницы второй группы. В отношении женского телосложения участницы с «пластикой» значимо хуже, чем женщины без «пластики», могли проявить когнитивную эмпатию к обладательницам всех типов фигур, отклоняющихся от «витринного», а именно — к худобе («анорексичной» и «модельной» степени), полноте (в рамках физиологической нормы и за ее пределами), мускулистой фигуре (в рамках увлечения фитнесом и в рамках культуризма). В отношении женских лиц они демонстрировали значимо более низкую эмпатию к девушкам с естественной внешностью. При этом единственный тип внешности, который для женщин первой группы оказался более «понятным», чем для женщин второй группы (хотя данное различие не достигает уровня статистической значимости), — это внешность с явными признаками пластических и косметических вмешательств:

«Я хотела приблизиться к своему идеалу красоты и шла к этому, я довольна тем, как я выгляжу, теперь я ярче и увереннее, я красива и прекрасна».

«Я всегда переживала из-за маленькой груди, поэтому решила на операцию. Теперь я счастлива и чувствую себя увереннее! А почему бы и нет? Если сейчас подобные процедуры доступны каждой».

«Мне всегда не нравилось что-то в себе, поэтому я сделала ряд операций. Теперь “я-сейчас” и “я-тогда” — два разных человека».

Данная закономерность подтверждается и результатами ранжирования, согласно которым в первой группе именно фотографии женщин с «пластикой» имеют первые ранги, тогда как на одном из последних мест оказывается фотография девушки, фигура которой характеризуется здоровой полнотой. Вероятно, полнота расценивается как пользующаяся наименьшим спросом на «рынке красоты». Приведем примеры обесценивающих высказываний, сформулированных женщинами с «пластикой» от лица умеренно полной девушки:

«Еще немного лишнего веса и я уже не смогу привлечь внимание мужчин».

«Из-за лишнего веса большинство людей считает, что я выгляжу старше своего возраста».

«Модель крупных размеров. Рекламу еду, способна раздавить человека своим весом».

Очевидно, что данные высказывания построены изнутри ценностной системы, соответствующей «витринному» типу телесности, которая воспринимается как универсальная и абстрагирование от которой оказывается невозможным.

При ранжировании в обеих группах естественно выглядящие типы внешности получают наиболее низкие ранги. Однако содержание высказываний в двух группах оказывается различным. Во второй группе полностью отсутствуют обесценивающие высказывания в адрес девушек с естественной внешностью, скорее, телесность данного типа для них «молчит» относительно стандартов красоты, а содержание высказываний нередко касается эмоционального состояния и личностных качеств персонажа

(«Я спокойна и радостна», «У меня все отлично»). Напротив, участницы первой группы нередко вновь строят обесценивающие высказывания изнутри собственной системы ценностей:

«Я — серая мышь».

«Я — заурядная барышня с приземленными целями. Не стремлюсь к большему».

«Не выделяюсь из серой массы».

Возможно, естественная внешность является для женщин, прибегавших к эстетическим операциям, воплощением собственного «природного» внешнего облика, предшествовавшего хирургическому преобразению. В прошлом они отвергли собственную внешность как недостаточно привлекательную и трансформировали ее в соответствии с эталонами «витринной» телесности. Можно предположить, что женщины с эстетическими операциями в опыте не стремятся понять ценности, транслируемые персонажами с естественной внешностью, т.к. они противоречат их представлениям о «правильном» теле. Такое объяснение согласуется с высказанным Е.Т. Соколовой мнением, что за изменением своего тела с помощью технологий пластической хирургии скрывается «навязчивое желание избавления от собственного (живого, аутентичного, но не безупречного) Я» и замены его на «другое телесное Я, лишенное каких бы то ни было несовершенств и слабостей, но выдуманное и нереалистическое» [17].

Женщины без эстетических операций в опыте, согласно результатам ранжирования, в наилучшей степени могут сформулировать высказывания от лица обладательниц наиболее неконвенциональных типов телесности. Среди первых пяти позиций списка у них оказываются: культуристская фигура («Да, моим мускулам могут позавидовать мужчины, и

моя внешность не кажется женственной, я сильная физически, но внутри такая же ранимая и хрупкая как большинство женщин»), анорексичная худоба («Я чувствую себя толстой, хотя близкие просят меня начать питаться нормально, но я не могу. Мне кажется, что только скинув еще пару кг, я смогу наконец стать счастливой»), значительные телесные модификации — тату и пирсинг («Да, знаю, я не выгляжу как все “люди”, но я и не хочу быть одной из вас. Я — другая. И не боюсь показать себя настоящую, в отличие от вас»), а также избыточный вес («Я знаю, что многие осуждают меня за мой лишний вес, ну и пусть! Я перестала зависеть от мнения окружающих. Главное то, что думаю о себе я. А они меня не знают настоящую, видят только мое тело»). Испытуемые второй группы не занимают защитную позицию и не осуждают обладательниц неконвенциональной телесности, а напротив, испытывают к ним интерес, эмпатию и стремление понять, с единственным исключением — женщин, прибегавших к пластическим операциям. Соответствующие персонажи занимают во второй группе при ранжировании последние места и получают обесценивающие высказывания в свой адрес:

«Мне всегда мало силикона... У вас еще осталось? Вкачайте мне! Срочно!»

«Теперь во время “сэлфи” можно не делать “губы-уточкой”... Хотя привычка все же осталась!»

«Моя грудь такая большая, что тянется к земле! А с такими губами сложно говорить. Но мне это не особо важно... Главное то, что я красивая!»

Данный результат нуждается в дальнейшем исследовании, но можно предположить несколько альтернативных объяснений. Возможно, не прибегавшие к эстетическим операциям женщины вос-

принимают неконвенциональную телесность либо как выражение внутренней силы и неконформизма, что вызывает у них уважение, либо как отражение внутриличностных трудностей, что вызывает сочувствие и сопереживание. Напротив, приверженность пластической хирургии воспринимается ими как проявление излишней конформности и добровольной сексуальной объективации женщинами собственного тела, превращения его в «товар». С другой стороны, нельзя исключить, что за обесценивающими высказываниями в адрес женщин с «пластикой» скрывается бессознательная зависть, страх того, что инвестировавшие в свою сексуальную привлекательность женщины одержат победу в конкуренции за мужское внимание, материальные блага, социальный статус, престиж и т.п., в то время как девушки с анорексией, явным избыточным весом или культуристской фигурой, эмпатия к которым дается второй группе без труда, зависти не вызывают. Существуют эмпирические данные о том, что внешность, подвергнутая усовершенствованию с помощью эстетической хирургии, получает более высокую оценку в рамках формирования первого впечатления [20]. Подспудное желание стать частью мира глянца и гламура может быть присуще и части женщин, не прибегавших к услугам эстетической хирургии и вошедших во вторую группу в представленном исследовании. Не исключено, что, столкнувшись с внешним и внутренним социальным давлением, например, с первыми признаками старения или с критикой со стороны референтной персоны, такие женщины также обратятся к услугам пластических хирургов.

В целом, однако, мы имеем основания предположить, что в группе без «пластики» преобладают женщины с более осознанной

позицией в отношении социокультурных стандартов красоты. В частности, на основании контент-анализа ответов установлено, что женщины второй группы значимо чаще, чем женщины первой группы, упоминают стандарты красоты и личную позицию персонажа по отношению к ним, что косвенно свидетельствует о большей способности к их осознанию, рефлексии и деконструкции. Они осознают существование различных, не совпадающих друг с другом стандартов внешности, как конвенциональных, так и неконвенциональных. Это осознание позволяет им занимать более осознанную и более дистанцированную позицию по отношению к этим императивам и практикам, не сливаться с ними, не конструировать свою личностную идентичность на основе внешности.

Практическая значимость данного исследования состоит не только в углублении и дополнении представлений о специфических психологических особенностях пациенток эстетической хирургии, что представляется важным для профилактики неудовлетворенности исходом операции в случае недооценки врачами наличия психологических противопоказаний к ней, но также в предложении помогающим специалистам ориентиров для рефлексии особенностей собственной телесности и их потенциального влияния на результаты диагностической и психокоррекционной работы с женщинами, прибегнувшими или планирующими прибегнуть к эстетическим операциям.

Выводы

1. Выявлены значимые межгрупповые различия в когнитивной эмпатии при восприятии женской телесности разного типа:

1.1. Женщины, не прибегавшие к эстетической хирургии, имеют значимо более высокий уровень когнитивной эмпатии к женщинам с различными типами телесности, чем женщины, прибегавшие к эстетическим операциям.

1.2. Женщины, прибегавшие к услугам эстетической хирургии, проявляют наиболее высокий уровень когнитивной эмпатии к женщинам со сходным типом телесности, а наиболее низкий — к женщинам с полнотой и естественной внешностью.

1.3. Женщины, не прибегавшие к услугам эстетической хирургии, проявляют наиболее высокий уровень когнитивной эмпатии к женщинам с неконвенциональными типами телесности (культуризм, анорексия, избыточный вес, экстремальные телесные модификации), а наиболее низкий — к женщинам с «пластикой».

1.4. Женщины, прибегавшие к эстетическим операциям, значительно реже упоминают стандарты красоты и личную позицию персонажа по отношению к ним, что может отражать дефицит способности к деконструкции социокультурных императивов, понимания их условности и разнообразия.

2. Выявлен ряд значимых различий в особенностях самосознания женщин, прибегавших и не прибегавших к услугам эстетической хирургии:

2.1. Образ тела оказывает положительное влияние на качество жизни женщин, прибегавших к эстетической хирургии, в значительно меньшей степени, в сравнении с женщинами, не изменявшими свою внешность хирургически.

2.2. У женщин, прибегавших к эстетическим операциям, более выражены ориентированный на других и социально предписанный перфекционизм, а уровень интегрального перфекционизма достигает экстремальных значений.

2.3. Для женщин с эстетическими операциями в опыте характерно доминирование внешних ценностей в системе ценностных ориентаций и их высокая конфликтность, в то время как для женщин, не менявших свою внешность хирургически, — доминирование внутренних ценностей и их низкая конфликтность.

Литература

1. Баранская Л.Т. Факторы риска расстройств личностной адаптации у пациентов эстетической хирургии: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 29 с.
2. Баранская Л.Т., Ткаченко А.Е., Татаурова С.С. Адаптация методики исследования образа тела в клинической психологии // Образование и наука. 2008. № 3. С. 63—69.
3. Баричко Я.Б. Три типа телесности культуры // Челябинский гуманитарий. 2010. № 3 (12). С. 97—103.
4. Белопольская Н.Л., Белопольский В.И., Шарифова Е.М., Авдошенко К.Е. Лицевой возраст и мотивация омоложения лица у женщин в эстетической хирургии // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 214—221.
5. Бугуева Н.А. Техники трансформации человеческого тела как один из способов социализации телесности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 18 (233). С. 60—64.
6. Бударина К.А. Тело: опыт историко-культурной экспозиции // Основы экономики, управления и права. 2014. № 1 (13). С. 84—88.
7. Грачева И.И. Адаптация методики «Многомерная шкала перфекционизма» П. Хьюитта и Г. Флетта // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 6. С. 73—80.
8. Дементий Л.И., Варлашкина Е.А. Социально-психологический портрет пациенток пластической хирургии // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. С. 90—94.
9. Карягина Т.Д. Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2013. 175 с.
10. Килборн Б. Исчезающие люди: стыд и внешний облик / Пер. с англ. Е. Лоскутовой, З. Баблюк, Е. Спиркиной; под ред. Е.А. Спиркиной. М.: Изд-во Когито-Центр, 2017. 269 с.
11. Лабунская В.А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26—37.
12. Латина Ю. Тело, еда, секс и тревога. Что беспокоит современную женщину. Исследование клинического психолога. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 229 с.
13. Литвинова Д.А., Остроухова П.В. Дискурсивное регулирование женской телесности в социальных сетях: между худобой и анорексией // Журнал исследований социальной политики. 2015. № 13 (1). С. 33—48.
14. Мотков О.И., Огнева Т.А. Методика «Ценностные ориентации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1128.html> (дата обращения: 16.06.2019).
15. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности / Пер. с англ. под ред. А.П. Федорова. СПб.: Изд-во Питер, 2011. 256 с.
16. Сластенина В.В. Социально-психологические характеристики женщин, прибегающих к услугам эстетической хирургии // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 303. С. 205—208.

17. Соколова Е.Т. Нарциссизм как клинический и социокультурный феномен // Вопросы психологии. 2009. № 1. С. 67–80.
18. Ткаченко А.Е., Баранская Л.Т., Леонов А.Г. Клинико-психологическая характеристика пациентов клиник эстетической хирургии // Анналы пластической, реконструктивной и эстетической хирургии. 2003. № 2. С. 63–69.
19. Фетисова Т.А., Рахманинова М.Д. Дискурс гламура как знаковая система социальной реальности // Вестник культурологии. 2017. № 2 (81). С. 200–203.
20. Dayan S., Clark K., Ho A.A. Altering First Impressions After Facial Plastic Surgery // *Aesthetic Plastic Surgery*. 2004. Vol. 28 (5). P. 301–306. DOI:10.1007/s00266-004-1017-1
21. Kosowski T.R., McCarthy C., Reavey P.L., Scott A.M., Wilkins E.G., Cano S.J., Klassen A.F., Carr N., Cordeiro P.G., Pusic A.L. A Systematic Review of Patient-Reported Outcome Measures after Facial Cosmetic Surgery and/or Nonsurgical Facial Rejuvenation // *Plastic and Reconstructive Surgery*. 2009. Vol. 123 (6). P. 1819–1827. DOI:10.1097/PRS.0b013e3181a3f361
22. Rankin M., Borah G.L. Perceived Functional Impact of Abnormal Facial Appearance // *Plastic and Reconstructive Surgery*. 2003. Vol. 111 (7). P. 2140–2146. DOI:10.1097/01.PRS.0000060105.63335.0C
23. Sarwer D.B., Magee L., Clark V. Physical appearance and cosmetic medical treatments: physiological and socio-cultural influences // *Journal of Cosmetic Dermatology*. 2003. Vol. 2 (1). P. 29–39. DOI:10.1111/j.1473-2130.2003.00003.x

References

1. Baranskaya L.T. Faktory riska rasstroistv lichnostnoi adaptatsii u patsientov esteticheskoi khirurgii. Avtopef. diss. doktor psikhol. nauk. [Risk Factors for Personal Adaptation Disorders of Aesthetic Surgery Patients. Dr. Sc. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2009. 29 p.
2. Baranskaya L.T., Tkachenko A.E., Tataurova S.S. Adaptatsiya metodiki issledovaniya obrazatelya v klinicheskoi psikhologii [Adaptation of the Body Image Research Method in Clinical Psychology]. *Obrazovanie i nauka [Education and science]*, 2008, no. 3, pp. 63–69. (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Barichko Ya.B. Tri tipa telesnosti kul'tury [Three Types of Culture's Corporality]. *Chelyabinskii gumanitarii [Chelyabinsk Humanities]*, 2010, no. 3(12), pp. 97–103. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Belopol'skaya N.L., Belopol'skii V.I., Sharifova E.M., Avdoshenko K.E. Litsevoi vozrast i motivatsiya omolozheniya litsa u zhenshchin v esteticheskoi khirurgii [Facial Age and Women's Motivation for Facial Rejuvenation in Aesthetic Surgery]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 2012, no. 2, pp. 214–221. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Bugueva N.A. Tekhniki transformatsii chelovecheskogo tela kak odin iz sposobov sotsializatsii telesnosti [Human Body Transformation Techniques as One of the Corporality Socialization Ways]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk state University]*, 2011, no. 18 (233), pp. 60–64. (In Russ., abstr. in Engl.).

6. Budarina K.A. Telo: opytistoriko-kul'turnoieks pozitsii [Body: Experience of Historical and Cultural Exposure]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava [Basis of economics, management and law]*, 2014, no. 1(13), pp. 84–88. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Gracheva I.I. Adaptatsiya metodiki «Mnogomernaya shkala perfektsionizma» P.Kh'yuitai G.Fletta [Adaptation of the «Multidimensional Scale of Perfectionism» Method by P. Hewitt and G. Flett]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2006, no. 6, pp. 73–80. (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Dementii L.I., Varlashkina E.A. Sotsial'no-psikhologicheskii portret patsientok plasticheskoi khirurgii [Socio-psychological Portrait of Plastic Surgery Patients]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal [Siberian psychological journal]*, 2010, no. 36, pp. 90–94. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Karyagina T.D. Jevoljucija ponjatija «jempatija» v psihologii. Diss. kand. psikhol. nauk. [Evolution of the concept of «empathy» in psychology. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2013. 175 p.
10. Kilborn B. Ischezayushchie lyudi: styd i vneshnii oblik [Disappearing Persons: Shame and Appearance]. In Spirkina E.A. (eds.). Moscow: Kogito-Centr, 2017. 269 p. (In Russ.).
11. Labunskaya V.A. «Vidimyi chelovek» kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen [«Visible Man» as a Socio-psychological Phenomenon]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo [Social psychology and society]*, 2010, no. 1, pp. 26–37. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Lapina Yu. Telo, eda, seks i trevoga. Chto bespokoit sovremennuyu zhenshchinu. Issledovanie klinicheskogo psikhologa [Body, Food, Sex and Anxiety. What Worries a Modern Woman. A Research of a Clinical Psychologist]. Moscow: Publ. Al'pina non-fikshn, 2018. 229 p.
13. Litvinova D.A., Ostroukhova P.V. Diskursivnoe regulirovanie zhenskoi telesnosti v sotsial'nykh setyakh: mezhdru khudoboi i anoreksiei [Discursive Regulation of Female Corporeality in Social media: between Thinness and Anorexia]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki [Journal for the study of social policy]*, 2015, no. 13 (1), pp. 33–48. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Motkov O.I., Ogneva T.A. Metodika «Tsennostnye orientatsii» [Elektronnyi resurs] [The «Value Orientations» Method]. URL: <http://www.psychology-online.net/articles/doc-1128.html> (Accessed 16.06.2019.)
15. Ramsi N., Kharkort D. Psikhologiya vneshnosti [The Psychology of Appearance]. In Fedorov A.P. (eds.). Saint-Petersburg: Piter, 2009. 256 p. (In Russ.).
16. Slastenina V.V. Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki zhenshchin, pribegayushchikh k uslugam esteticheskoi khirurgii [Socio-psychological Characteristics of Women Resorting to the Services of Aesthetic Surgery]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk state university]*, 2007, no. 303, pp. 205–208. (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Sokolova E.T. Nartsissizm kak klinicheskii i sotsiokul'turnyi fenomen [Narcissism as a Clinical and Sociocultural Phenomenon]. *Voprosy psikhologii [Psychology questions]*, 2009, no. 1, pp. 67–80. (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Tkachenko A.E., Baranskaya L.T., Leonov A.G. Kliniko-psikhologicheskaya kharakteristika patsientov klinik esteticheskoi khirurgii [Clinical and Psychological

Characteristics of Patients of Aesthetic Surgery Clinics]. *Annaly plasticheskoi, rekonstruktivnoi i esteticheskoi khirurgii* [Annals of plastic, reconstructive and aesthetic surgery], 2003, no. 2, pp. 63–69. (In Russ., abstr. in Engl.).

19. Fetisova T.A. M.D. Rakhmaninova. Diskurs glamura kak znakovaya sistema sotsial'noi real'nosti [M.D. Rachmaninova. The Discourse of Glamour as a Semiotics System of Social Reality]. *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of cultural studies], 2017, no. 2 (81), pp. 200–203. (In Russ., abstr. in Engl.).

20. Dayan S., Clark K., Ho A.A. Altering First Impressions After Facial Plastic Surgery. *Aesthetic Plastic Surgery*, 2004. Vol. 28 (5). pp. 301–306. DOI:10.1007/s00266-004-1017-1

21. Kosowski T.R., McCarthy C., Reavey P.L., Scott A.M., Wilkins E.G., Cano S.J., Klassen A.F., Carr N., Cordeiro P.G., Pusic A.L. A Systematic Review of Patient-Reported Outcome Measures after Facial Cosmetic Surgery and/or Nonsurgical Facial Rejuvenation. *Plastic and Reconstructive Surgery*, 2009. Vol. 123 (6), pp. 1819–1827. DOI:10.1097/PRS.0b013e3181a3f361

22. Rankin M., Borah G.L. Perceived Functional Impact of Abnormal Facial Appearance. *Plastic and Reconstructive Surgery*, 2003. Vol. 111 (7). pp. 2140–2146. DOI:10.1097/01.PRS.0000060105.63335.0C

23. Sarwer D.B., Magee L., Clark V. Physical appearance and cosmetic medical treatments: physiological and socio-cultural influences. *Journal of Cosmetic Dermatology*, 2003. Vol. 2 (1), pp. 29–39. DOI:10.1111/j.1473-2130.2003.00003.x

Информация об авторах

Цыганкова Полина Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии, психолого-социальный факультет, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова Минздрава России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-2076>, e-mail: polina_tsy@mail.ru

Цамерян Лусине Рубеновна, медицинский психолог, кризисное-психиатрическое отделение, государственное бюджетное учреждение здравоохранения города Москвы «Городская клиническая больница имени А.К. Ерамишанцева Департамента здравоохранения города Москвы», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5238-7433>, e-mail: lusine_cameryan@rambler.ru

Information about the authors

Polina V. Tsygankova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Clinical Psychology, Psychological-Social Faculty, Pirogov Russian National Research Medical University (RNRMU), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6271-2076>, e-mail: polina_tsy@mail.ru

Lusine R. Tsameryan, Medical Psychologist, Crisis-Psychiatric Department, City Clinical Hospital No. 20 named after A.K. Eramishantsev, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5238-7433>, e-mail: lusine_cameryan@rambler.ru

Получена 27.06.2019

Принята в печать 09.04.2020

Received 27.06.2019

Accepted 09.04.2020

Копинг-стратегии и образовательная среда подростков

Хломов К.Д.

Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИОН РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: kirkhloMOV@gmail.com

Бочавер А.А.

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Корнеев А.А.

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>, e-mail: korneeff@gmail.com

Цель исследования. Изучение специфики копинг-стратегий подростков и динамики уровня их оптимизма в контексте образовательной среды.

Контекст и актуальность исследования. Образовательная среда является серьезным источником и поддержки, и стресса для учащихся; образовательное неравенство проявляется не только в качестве образования, но и в формируемых социальных и психологических навыках. Понимание особенностей репертуара копинг-стратегий, предпочитаемых и поддерживаемых в разных образовательных организациях, может помочь в разработке программ психологического сопровождения и повышения благополучия участников образовательного процесса; на настоящий момент опубликованных данных по этой теме недостаточно.

Дизайн исследования. Опрос проводился в образовательных организациях, разделенных на три группы в зависимости от позиции в рейтинге Департамента образования города Москвы и стратегии работы сотрудников со сложными ситуациями и школьным климатом.

Выборка. В исследовании приняли участие 646 подростков.

Методы. Использовались «Опросник способов совладания» Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк (2007) и «Опросник диспозиционного оптимизма» Т.О. Гордеевой и др. (2010).

Результаты. Показан ряд значимых различий в предпочитаемых копинг-стратегиях. В школах третьей группы чаще используются такие стратегии, как «планирование решения проблемы», «позитивная переоценка», «принятие ответственности», «самоконтроль». В образовательных организациях первой группы — «конфронтация» (среди младших подростков). Оптимизм участников от СС ВУ-NC

младшего к старшему подростковому возрасту растет независимо от группы образовательной организации.

Основные выводы. Предпочитаемые копинг-стратегии и их репертуар у подростков в разных образовательных средах различаются. Можно предполагать, что в разных образовательных организациях имеет место разный средовой ответ на подростковое копинг-поведение, способствующий развитию разных адаптационных навыков.

Ключевые слова: копинг-стратегии, подростковый возраст, образовательная среда, оптимизм, стресс.

Для цитаты: Хломов К.Д., Бочавер А.А. Корнеев А.А. Копинг-стратегии и образовательная среда подростков // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 180–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110211>

Coping strategies of adolescents and educational environment

Kirill D. Khlomov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: kirkhlomov@gmail.com

Alexandra A. Bochaver

*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Alexey A. Korneev

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>, e-mail: korneeff@gmail.com

Objective of the study is to investigate the specifics of coping strategies among the adolescents and the dynamics of their level of optimism in the context of the educational environment.

Background. The task of life trajectory designing in a transitive society, high social variability and uncertainty, combined with a high level of pressure from parents and society, is becoming increasingly stressful.

Study design. The survey was conducted in educational organizations divided into three groups depending on the position in the rating Of the Moscow Department of education (low, medium, high rating) and the strategy of employees working with the school climate (dealing with the consequences of difficult situations, a mixed strategy, emphasis on prevention).

Participants. The study involved 646 adolescents.

Measurements. The «Ways of Coping Checklist» by T.L. Krukova and E.V. Kuftyak (2007) and «Life Orientation Test» by T.O. Gordeeva et al. (2010) were used.

Results. The results show a number of significant differences in preferred coping strategies. In the third group of schools, strategies such as «problem-solving planning», «positive reappraisal», «taking responsibility», and «self-control» are more often used. In educational organizations of the first group — «confrontation» (among younger adolescent). The opti-

mism of participants from younger to older adolescents increases regardless of the group of the educational organization.

Conclusions. *Adolescents in different educational environments behave differently in stressful situations, and their preferred behaviors and repertoire differ. It can be assumed that different educational organizations have a different environmental response to adolescent coping behavior, which contributes to the development of different adaptive skills. These results should be taken into account in practical work with both individual adolescents and educational staff.*

Keywords: *coping strategies, adolescence, educational environment, optimism, stress.*

For citation: Khlomov K.D., Bochaver A.A., Korneev A.A. Coping strategies of adolescents and educational environment. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 180–199. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110211> (In Russ.).

Введение

Подростковый возраст представляет собой сложный период решения разноплановых возрастных задач. Современный подросток имеет доступ ко множеству ресурсов в сферах информации, коммуникации, перемещений, досуга и др., в то же время такие факторы, как обширные социальные ожидания от подростков, транзитивность общества, необходимость сортировки информации при дефиците критического мышления, быстрое появление и устаревание профессий, невозможность заимствовать напрямую родительский опыт самоопределения увеличивают уровень стресса в подростковом периоде, на который приходится окончание школы, смена учебного заведения или первая работа, а также в значительной степени определение своей жизненной траектории. Несмотря на то, что переход ко взрослости удлиняется, включая в себя период «появляющейся взрослости» [32], от подростков в российской культуре продолжают ждать, что они в старших классах осуществят самоопределение или последуют родительским рекомендациям. Кроме того,

подростки 2010-х годов столкнулись с образовательной реформой объединения школ в образовательные комплексы. В целом подростковый возраст сопряжен с высоким уровнем стресса как в силу интенсивного личностного и физического развития, так и в силу социальных обстоятельств взросления.

Школьная среда имеет огромное значение для учащихся: помимо формальной задачи обучения детей и подготовки ко взрослому функционированию, она выступает пространством социализации и моделью общества для ребенка, формируя его навыки и ожидания, обеспечивая социальные сети, предлагая систему норм, ценностей, привычек и способов поведения. Хотя эта функция школы обычно не представлена эксплицитно, ее влияние на жизненные планы подростков чрезвычайно значимо; неформальное воздействие школы может как способствовать, так и препятствовать реализации официальной образовательной задачи школы [35]. Исследования показывают связь школьного климата с вовлеченностью учащихся в учебу, академическими достижениями, продолжением учебы в старших классах, а также с развитием их социальных на-

выков, самооценкой, эмоциональным состоянием [30]; социально-экономические характеристики контингента учащихся влияют на школьные образовательные практики [2].

Планируя данное исследование, мы предполагали, что особенности образовательной организации, такие как репутация, особенности программы, характеристики семей учащихся, влияют на качество выстраиваемых отношений и поведение детей. Мы хотели проверить предположение о том, что в разных образовательных организациях могут поощряться (получать поддержку и усиливаться) либо отвергаться (наказываться и сокращаться) разные способы совладания детей с трудными ситуациями. Цель статьи — изучение и анализ различий между доминирующими копинг-стратегиями у школьников, учащихся в разных образовательных средах, а также сравнение школьников по уровню оптимизма, который в данном контексте используется нами как индикатор социально-психологической адаптации.

В настоящее время активно развиваются два подхода к связи взросления и копинга: первый подход, в основании которого лежат работы К.Г. Юнга, Э. Эриксона, Л. Гуттмана, предполагает, что в ходе развития личности совладающее поведение становится все более успешным; в рамках второго — ситуационной модели (Р. Лазарус, С. Фолкман, П. Коста, Р. Маккрэ и др.) — эффективность копинг-стратегий оценивается в контексте ситуации. Мы придерживаемся ситуационной модели, рассматривая разные копинг-стратегии как варианты адаптации в существующих условиях, и опираемся на представление о совладании как о совокупности поведенческих, когнитивных и эмоциональных действий человека, пред-

принимаемых им для преодоления трудных ситуаций и адаптации к возникшим обстоятельствам [1; 5; 14; 15; 18; 28].

В исследованиях совладающего поведения детей и подростков по сравнению со взрослыми нередко акцентируется их ограниченность и обсуждаются отдельные стратегии совладания — например, эмоциональное отреагирование [19; 29], переключение на общение со сверстниками как возникающий в подростковом возрасте способ справиться с трудностями [29], поиск социальной поддержки у младших школьников и все более предпочитаемая по мере взросления стратегия решения проблемы [16]. В работе М.О. Давыдовой и Р.И. Остапенко, например, показано, что 77% подростков предпочитают стратегию разрешения проблем, и ее использование коррелирует с уровнем оптимизма [7]. С другой стороны, в некоторых исследованиях обсуждается достаточно широкий репертуар используемых подростками копинг-стратегий [например, 34], связь репертуара совладающего поведения с уровнем креативности [22] и др.

Во многих исследованиях изучается вопрос о репертуаре совладающего поведения и качестве социализации подростков. Например, показано, что социально успешная молодежь предпочитает стратегию разрешения проблемы и наиболее редко использует стратегию избегания проблемы [12]; для подростков, склонных к агрессивному реагированию, характерны склонность к конфронтации и уходу от конструктивного рационального разрешения фрустрирующей ситуации [17]; юноши, склонные к ксенофобии, предпочитают сочетание защитных механизмов проекции и интеллектуализации [21]; дети, подвергающиеся дурному обращению в семье, демонстрируют

более высокий уровень асоциальных копинг-стратегий, по сравнению с детьми из благополучных семей [36]. Подростки, осужденные за насильственные преступления сексуального характера, предпочитают стратегию дистанцирования и избегают решения проблем; те, кто осужден за преступления корыстно-насильственного характера, предпочитают дистанцирование и положительную переоценку, избегая стратегий самоконтроля и принятия ответственности; благоприятно социализирующиеся школьники из контрольной группы предпочитают стратегии планирования решения проблемы и положительной переоценки [3; 11].

Взгляд на агрессивное поведение как на копинг-стратегию предполагает важность оценки актуального состояния подростка: косвенная агрессия может способствовать предпочтению проблемно-ориентированной копинг-стратегии; раздражение, обида, чувство вины могут провоцировать эмоционально-ориентированную стратегию и агрессивные действия при стрессе; обида и косвенная агрессия могут побуждать к поиску социальной поддержки, ассертивным и импульсивным действиям [10]. Агрессия и нарушение правил подростком могут являться вариантом совладающего поведения, способом получения внимания родителей, общества [37]. Антивитальные проявления, суицидальные мысли и общие показатели личной и социальной тревожности связаны с копинг-стратегиями самообвинения и анализа проблемы [23].

Важнейшим контекстом развития совладающего поведения детей и подростков является семейная среда: разделенный стресс, диадическое совладание, семейные копинг-стратегии могут оказывать влияние на самооценку и другие характеристики подростков [31; 33; 38].

Интерес исследователей к совладающему поведению подростков во многом связан с тем, что способность использовать различные способы поведения, взаимодействия и саморегуляции становится определяющим фактором для социализации подростка и обеспечения его оптимальной жизненной траектории.

Образовательная среда является важнейшим пространством социализации подростка, и существует множество исследований копинг-стратегий подростков в контексте организаций: исследуются копинг-стратегии воспитанников детского дома [24; 26], учащихся кадетского корпуса-интерната [4], учащихся общеобразовательной школы-интерната [27] и др., однако в таких исследованиях, как правило, школьники общеобразовательных учреждений берутся в качестве контрольной группы, и их совладающее поведение обсуждается как обобщенная «норма». Мы в данном исследовании фокусируемся на дифференциации копинг-стратегий учащихся в контексте учреждений общего и среднего профессионального образования.

Программа исследования

Площадками для исследования были выбраны 9 образовательных организаций, разделенных нами на три группы с опорой на рейтинг (низкий, средний, высокий), составленный Департаментом образования г. Москвы по ряду критериев [25], в которые входят в том числе результаты сдачи ЕГЭ и ОГЭ учащимися, успехи на предметной и межпредметной диагностике, участие в олимпиадах, несовершение правонарушений. Кроме того, при группировке выборки мы опирались на данные по специфике реагирования организаций на сложные ситуации в образовательном

процессе и по стратегиям обращения за психологической помощью¹. Так, в школе первой группы (с низким рейтингом) психолого-педагогическая работа с привлечением внешних специалистов инициировалась преимущественно после эпизодов с участием полиции и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (драки, употребление психоактивных веществ и др.). По этому критерию в группу были добавлены два колледжа, не прикрепленных к вузу и известных своей непопулярностью и небезопасным поведением учащихся (222 учащихся). В школах второй группы, со средним рейтингом (161 учащийся), преобладал запрос на профилактические программы. В школах третьей группы, с высоким рейтингом, бывших гимназиях или лицеях, известных среди родителей с высоким культурным капиталом (263 учащихся), велась разнонаправленная психологическая работа.

Выборку составили 646 подростков 12–17 лет, учащиеся в указанных организациях и разделенные в процессе анализа на 3 возрастные группы (12–13 лет, 108 человек; 14–15 лет, 269 человек; 16–17 лет, 269 человек).

Методы. Использовались «Опросник способов совладания» (ОСС) Т.Л. Крюковой и Е.В. Куфтяк (включающий шкалы Конфронтационный копинг, Дистанцирование, Самоконтроль, Поиск социальной поддержки, Принятие ответственности, Бегство-избегание, Планирование решения проблемы, Положительная переоценка) [15], а также «Опросник диспозиционного оптимизма» Т.О. Гордеевой и др., включающий шкалы Оптимизма и Пессимизма [6].

Для оценки копинг-стратегий подростков мы осознанно выбрали метод, разработанный для взрослой выборки, отказавшись от использования «Опросника копинг-стратегий школьного возраста» [20], поскольку он разработан на материале исследований младших школьников; от «Юношеской копинг-шкалы» [13], поскольку она состоит из 80 вопросов и по процедуре требует повторного тестирования спустя 2 недели; от «Индикатора стратегий преодоления стресса» [9], также применяемого в работе с подростками, в силу недостаточной для наших целей дифференцированности стратегий. Выбор метода ОСС позволяет нам осуществить сравнение по возрастным группам, включая при необходимости взрослую выборку. Полученные статистически значимые результаты подтверждают, что данный метод адекватен в данном контексте и способен зафиксировать различия между группами.

Для анализа результатов использовался дисперсионный анализ с двумя факторами — возраст и группа образовательной организации (группа ОО).

Результаты

Средние значения по копинг-стратегиям у подростков разных возрастов, обучающихся в организациях разных групп, представлены на рис. 1.

Результаты дисперсионного анализа копинг-стратегий с факторами «возраст» и «группа ОО» представлены в табл. 1 (ниже описаны только статистически значимые результаты).

¹ По данным работы со школами Городского психолого-педагогического центра ДОГМ (направление «Перекресток», 2015–2017 годы).

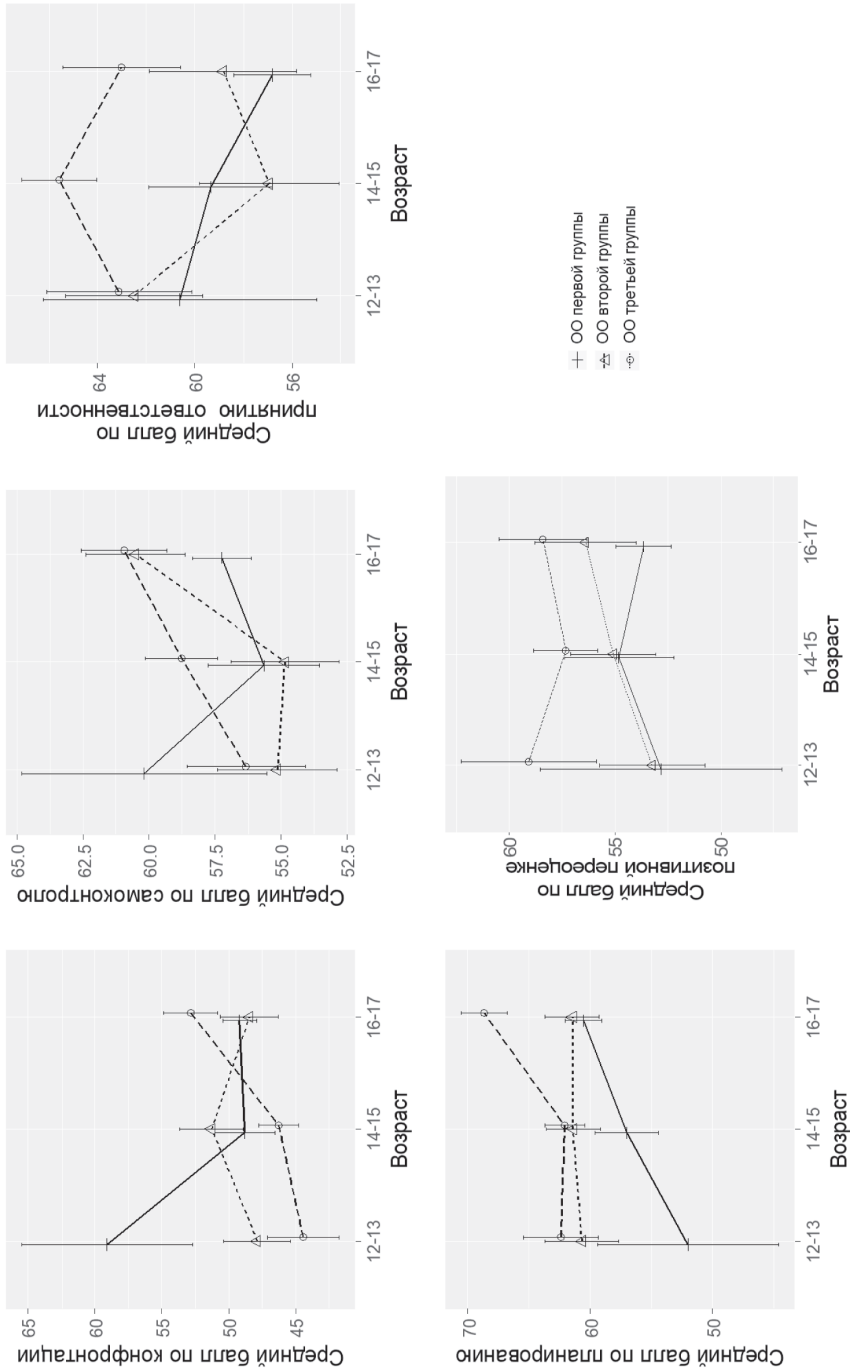

Рис. 1. Средние значения копинг-стратегий у подростков

Таблица 1

Дисперсионный анализ с двумя факторами (возраст и группа ОО)

Шкала копинга	Фактор «Возраст»	Фактор «Группа ОО»	Взаимодействие факторов
Конфронтация	F(2, 637)=1.198, p=0.302	F(2, 637)=0.557, p=0.573	F(4, 637)=2.923, p=0.021
Самоконтроль	F(2, 637)=1.302, p=0.273	F(2, 637)=2.41, p=0.091	F(4, 637)=0.852, p=0.493
Принятие ответственности	F(2, 637)=2.76, p=0.064	F(2, 637)=6.443, p=0.002	F(4, 637)=0.667, p=0.615
Планирование решения проблемы	F(2, 637)=0.795, p=0.452	F(2, 637)=5.804, p=0.003	F(4, 637)=0.713, p=0.583
Позитивная переоценка	F(2, 637)=0.208, p=0.812	F(2, 637)=3.129, p=0.044	F(4, 637)=0.322, p=0.863

Примечание. Значимые различия выделены полужирным

Отсутствуют статистически значимые (на уровне $p < 0.05$) результаты в отношении копинг-стратегий «избегание», «дистанцирование» и «поиск социальной поддержки».

В табл. 2 отражены различия предпочитаемых копинг-стратегий по полу респондентов: юноши значимо чаще используют стратегию конфронтации ($F(1,671)=3.931$, $p=0.048$), а девушки — поиск социальной поддержки ($F(1,671)=4.337$, $p=0.028$) и позитивную переоценку ($F(1,671)=15.302$, $p < 0.001$), что соответствует традиционным гендерным ролям, где мужчины представляются более целеустремленными и агрессивными, а женщины — более общительными и терпеливыми.

На рис. 2 отражены различия по показателю оптимизма по двум факторам (возраст и группа ОО).

Дисперсионный анализ с двумя факторами показал, что на оптимизм субзначимое влияние оказывает фактор возрастной группы ($F(2,637)=2.435$, $p=0.088$): независимо от группы ОО оптимизм среди подростков по мере

взросления растет. Это может объясняться тем, что подросток постепенно решает возрастные задачи, приобретает больше опыта успешности, его идентичность и положение в социуме по мере возрастания определенности становятся все более устойчивыми, а тревога снижается, в связи с чем, предположительно, растет и вера в благополучные перспективы.

Можно отметить отличие по изменениям уровня общего оптимизма в возрастных группах в зависимости от группы ОО: наблюдается некоторое снижение в 8–9 классах в школах с низким и средним рейтингом, в отличие от школ с высоким рейтингом, где уровень оптимизма равномерно растет от младшей к старшей группе. При этом влияние взаимодействия факторов возраста и группы ОО по результатам дисперсионного анализа незначимо ($p=0.164$), и эта тенденция требует дополнительной проверки. Такой же профиль имеют и различия между образовательными организациями и по самоконтролю, использование которого планомерно растет в школах третьей группы и «проваливается» в

том же периоде в школах первой и второй групп. Что касается различий по полу, то значимые различия получены по шкале пессимизма ($F(1,671)=4.549$,

Таблица 2

Различия предпочитаемых копинг-стратегий по полу

	Пол	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего
Конфронтация	Муж	49.7	16.8	0.9
	Жен	47.0	17.7	0.9
Дистанцирование	Муж	51.2	18.1	1.0
	Жен	51.5	16.2	0.9
Самоконтроль	Муж	56.7	15.1	0.8
	Жен	57.7	15.2	0.8
Поиск социальной поддержки	Муж	52.0	17.9	1.0
	Жен	55.0	17.6	0.9
Принятие ответственности	Муж	59.0	20.6	1.1
	Жен	62.0	19.2	1.0
Избегание	Муж	46.2	16.4	0.9
	Жен	48.6	16.5	0.9
Планирование решения проблемы	Муж	62.4	18.9	1.1
	Жен	60.9	18.7	1.0
Позитивная переоценка	Муж	53.2	17.3	1.0
	Жен	58.5	17.8	0.9

Примечание. Значимые различия выделены полужирным

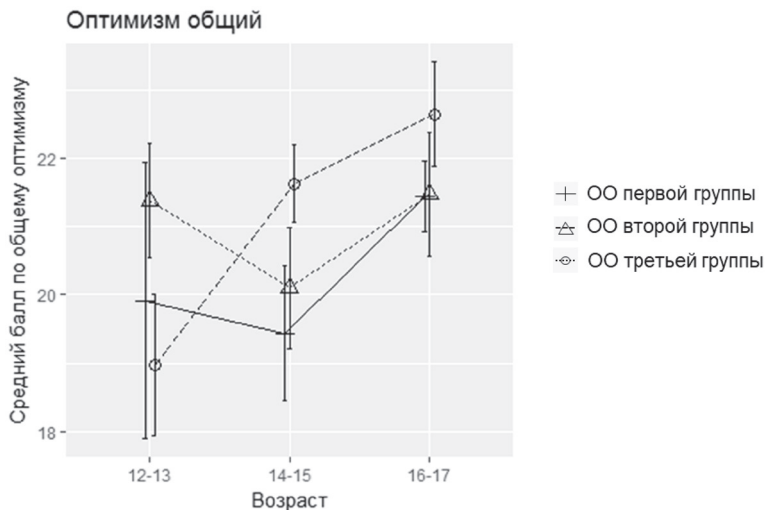

Рис. 2. Различия по показателю оптимизма, два фактора (возраст и группа ОО): значимые различия выделены полужирным

$p=0.033$) и субзначимые – по общему оптимизму ($(F(1,671)=3.533, p=0.060)$). Средние значения приведены в табл. 3.

Значения коэффициента корреляции Пирсона между предпочитаемыми копинг-стратегиями и уровнем оптимизма показали ряд значимых результатов. Выявлена положительная корреляция между оптимизмом и использованием стратегий дистанцирования ($r=0.127, p=0.001$), поиска социальной поддержки ($r=0.216, p<0.001$), планирования решения проблемы ($r=0.317, p<0.001$) и позитивной переоценки ($r=0.358, p<0.001$). Пессимизм значимо положительно коррелирует с использованием избегания ($r=0.114, p=0.003$) и отрицательно – с поиском социальной поддержки ($r=-0.239, p<0.001$), планированием решения проблемы ($r=-0.265, p<0.001$) и позитивной переоценкой ($r=-0.327, p<0.001$). Также общий оптимизм положительно коррелирует с поиском социальной поддержки ($r=-0.261, p<0.001$), планированием решения проблемы ($r=-0.334, p<0.001$) и позитивной переоценкой ($r=-0.393, p<0.001$) и отрицательно – с использованием избегания ($r=0.108, p=0.005$), что в целом соответствует исследованиям связи оптимизма и совладающего поведения [8].

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют предполагать следующие взаимосвязи.

Конфронтация. Использование копинг-стратегии «конфронтация» среди подростков из разных ОО различается по динамике: в ОО первой группы уровень конфронтации изначально высок и резко падает к среднему подростковому возрасту, оставаясь далее примерно на том же уровне; в ОО третьей группы ее уровень изначально невысок и постепенно растет, к старшему подростковому возрасту достигая пика и превышая значение по ОО первой группы в том же возрасте. В школах второй группы пик по конфронтации достигается в среднем подростковом возрасте, и затем ее уровень снижается. Можно предполагать, что в ОО третьей группы (с высоким рейтингом) конфронтационный способ поведения (открытая агрессия, конфликтность, нетерпимость) не приветствуется и мало практикуется, в то время как в ОО первой группы прямая агрессия (драки, оскорбления) может являться вполне распространенным проблемным поведением. При этом опыт социализации и взросление трансформируют имеющиеся поведенческие паттерны. Дети, активно использующие конфронтационное поведение, с возрас-

Таблица 3

Показатели оптимизма, описательная статистика по двум группам

	Группа	Среднее	Стандартное отклонение	Стандартная ошибка среднего
Оптимизм	Муж	9.8	3.8	0.2
	Жен	10.1	3.9	0.2
Пессимизм	Муж	5.0	3.8	0.2
	Жен	4.4	3.9	0.2
Общий оптимизм	Муж	20.8	6.5	0.4
	Жен	21.8	6.9	0.4

том корректируют его, учитывая опыт столкновения с последствиями, а дети, избегавшие прямых столкновений, со временем узнают, что иногда это необходимая тактика, и вырабатывают соответствующие навыки.

Самоконтроль. Выявлены субзначимые различия между группами ОО на уровне тенденции: показатель использования стратегии самоконтроля наиболее высок в школах третьей группы и низок в ОО первой группы, что согласуется с данными по конфронтационному копингу.

Принятие ответственности. Выявлена тенденция к снижению с возрастом использования этой стратегии. При этом в школах третьей группы эта стратегия выражена сильнее, в остальных ОО заметно ниже и различается незначительно. Это интересный результат, который может интерпретироваться по-разному. Возможно, речь идет о том, что младшие подростки склонны приписывать себе большую роль в происходящем, а с течением времени их эгоцентризм снижается, а самооценка становится более реалистичной; возможно, наоборот, подростки, выходя из детства, ожидают, что их значимость для общества возрастет, поскольку требования со стороны социальной среды растут, однако других подтверждений их большей значимости по сравнению с детьми не появляется, и их готовность принимать ответственность снижается. Возможно, это соответствует повышению оптимизма к старшему подростковому возрасту: старший подросток зачастую не имеет ни возможности, ни необходимости сразу выходить на работу, ожидания от его взросления у окружающих взрослых достаточно размыты, и давление близких, которое он чувствовал по поводу своего самоопределения в более младшем возрасте, может быть,

снижается, оставляя ему большую степень свободы и возможность взрослеть постепенно.

Планирование решения проблемы. Эта копинг-стратегия во всех возрастах значимо чаще используется учениками школ третьей группы.

Позитивная переоценка. Аналогично значимо чаще используется в школах третьей группы.

Оптимизм. Рост оптимизма с возрастом может говорить о сближении ожиданий от подростка со стороны его социального окружения и его собственных и о повышении адаптации к условиям образовательной организации и образовательного процесса по мере взросления подростка. Однако корреляции оптимизма с использованием некоторых копинг-стратегий указывают на связь между большей субъективной уверенностью в будущем и более «мирным» и гибким поведением, которое поддерживается более активно в школах третьей группы.

Результаты демонстрируют отчетливые различия в стратегиях совладания со сложными ситуациями, предпочитаемых подростками из разных групп образовательных организаций. Полученные результаты могут обсуждаться в контексте своеобразия образовательных сред, в которых поддерживаются разные доминирующие паттерны поведения. С одной стороны, копинг-стратегии индивидуальны, с другой — это способы поведения, которые поддерживаются или пресекаются в конкретной среде; в разных образовательных организациях доминируют различные комбинации копинг-стратегий среди учащихся. В школах третьей группы сильнее представлены стратегии «планирование решения проблемы», «позитивная переоценка», «принятие ответственности», «самокон-

троль», в образовательных организациях первой группы — «конфронтация» (среди младших подростков). Можно предполагать, что средовой ответ в школах третьей группы более позитивен по отношению к поведению, которое определяется как «мирное», «разумное», «спокойное», а к старшему подростковому возрасту туда добавляется «конфронтация» (возможно, в социально корректной и обоснованной форме). В образовательных организациях первой группы, судя по полученным данным, нет предпочтения рефлексивного и неагрессивного поведения и более распространена прямая конфронтация, хотя ее уровень снижается с возрастом. Такие различия могут объясняться и тем, что определенное поведение поддерживается школой, и тем, что в школах с высоким рейтингом имеет место отбор учащихся, и на этапе собеседования могут отбираться дети, демонстрирующие определенные предпочитаемые в конкретной школе способы поведения.

Наблюдаемый «провал» в уровне оптимизма и использования стратегии самоконтроля в 8—9 классах может интерпретироваться по-разному. В этот период часто происходит смена образовательных сред, когда мотивированные и успешные ученики приходят в «сильные» школы, а неуспешные, наоборот, попадают из «сильных» в «слабые» школы. Также это может говорить о том, что в школах верхнего рейтинга умеют организовать работу в средней школе и поддержать мотивацию у учеников, в то время как в образовательных организациях среднего и низкого рейтинга не хватает компетенций для решения этой задачи.

Парадоксальность полученных результатов говорит о том, что среда в школах с высоким рейтингом поддерживает конфронтацию, то есть педагоги способ-

ны поддержать формирование у подростка собственного мнения, отношения к чему-либо и возможность отстаивать его, развивая в том числе и различные другие социальные навыки и компетенции. Терпимость педагогов к инаковости, нонконформизму в сочетании с развитием у подростков ответственности и самоконтроля, способности планировать свои действия и прогнозировать последствия оказывается более перспективной педагогической стратегией, чем развитие послушания и конформизма.

При этом в образовательных организациях первой группы — школах с низким рейтингом и колледжах — позитивная переоценка не меняется на протяжении всего периода обучения в старшей и средней школе, способность к планированию изначально оказывается настолько не развитой, что несмотря на то, что по мере взросления она планомерно растет, к окончанию обучения не дотягивает до показателей младшего подросткового возраста даже у средних школ. При этом принятие ответственности подростками из образовательных организаций этой группы имеет тенденцию к снижению на всем периоде обучения. Таким образом, можем предположить, что педагоги, сталкиваясь с плохими возможностями прогнозирования детьми своего поведения, в меньшей степени поддерживают конфронтацию и самостоятельность, стараясь развивать послушность и исполнительность, при этом естественным образом у учащихся снижается способность к конфронтации и принятию ответственности за свое поведение.

Интересными оказались данные по школам из середины рейтинга. При том что по ключевым параметрам подростки из этих образовательных организаций действительно располагаются между об-

учающимися в организациях первой и третьей групп, по профилям изменений по шкалам, показавшим отличия, данные школ второй группы оказались ближе к школам первой группы, чем третьей. По показателям развития оптимизма, самоконтроля, принятия ответственности траектория подростков из средних школ похожа на траекторию подростков из организаций первой группы. Отличия в траекториях организаций первой и третьей групп проявились по шкалам конфронтации и позитивной переоценки: в старшем подростковом возрасте у подростков из школ верхней части рейтинга происходит развитие способности к конфронтации, у подростков из школ второй группы происходит снижение по конфронтации, но зато растет способность к позитивной переоценке и принятию ответственности. Это требует дальнейших исследований, однако мы можем предположить, что «средние» школы в Москве по профилю ближе к организациям первой группы; качественно иначе происходит развитие подростков при обучении в школах третьей группы. Полученные результаты указывают на то, что система образования г. Москвы в том, что касается совладания учащихся со стрессом, преимущественно ориентирована на траекторию, в которой в большей степени развиваются послушность, терпеливость, развитие внешнего локус-контроля, готовность к контролю извне и невысокие возможности прогнозирования; неконформизм, развитие

самостоятельности и ответственности, способность к планированию в большей степени оказываются характерны для учащихся школ верхней части рейтинга.

Важно отметить, что во всех типах школ сохраняется соответствие традиционным гендерным ролям, мальчики в большей степени демонстрируют целеустремленность и агрессивность, а девочки-подростки предпочитают развивать общительность и терпеливость.

Выводы

1. Подростки в разных образовательных средах ведут себя по-разному в стрессовых ситуациях: в школах с высоким рейтингом и ориентированных на профилактику негативных явлений распространены стратегии, связанные с развитием самоконтроля, рефлексии, планирования; в школах с низким рейтингом — среди младших подростков доминирует конфронтация, которая впоследствии снижается.

2. Независимо от образовательной среды оптимизм растет от младшего подросткового возраста к старшему.

3. Во всех типах школ сохраняется соответствие традиционным гендерным ролям: мальчики в большей степени демонстрируют копинг-стратегию конфронтации, а девочки-подростки — поиск социальной поддержки и позитивную переоценку.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Совладание как социально-психологическая проблема [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. журн. 2009. № 1 (3). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/54-> (дата обращения: 15.02.2020).
2. *Бернштейн Б.* Класс, коды и контроль: структура педагогического дискурса. М.: Просвещение, 2008. 272 с.

3. *Вартанян Г.А., Горбатов С.В.* Особенности личности и детско-родительских отношений несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления сексуального характера [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Том 7. № 2. С. 106–122. DOI:10.17759/psylaw.2017060209 (дата обращения: 15.02.2020).
4. *Власова Н.В.* Исследование взаимосвязи копинг-стратегий и факторов суицидальных рисков в подростковом возрасте (на примере учащихся кадетской школы-интерната) // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Системогенез учебной и профессиональной деятельности» (г. Ярославль, 20–22 октября 2015 г.). Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2015. С. 37–40.
5. *Гаранян Н.Г., Иванов П.А.* Апробация опросника копинг-стратегий (COPE) // Психологическая наука и образование. 2010. № 1. С. 69–81.
6. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36–64.
7. *Давыдова М.О., Остапенко Р.И.* Исследование связи оптимизма и совладающего поведения в период ранней взрослости [Электронный ресурс] // Перспективы науки и образования. 2016. Том 21. № 3. С. 76–81. DOI:2016210311
8. *Замышляева М.С.* Оптимизм и пессимизм в совладающем поведении в юношеском возрасте: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. М.: 2006. 22 с.
9. *Ильин Е.П.* Психология индивидуальных различий. СПб: Питер, 2004. 701 с.
10. *Коноплева И.Н., Чупракова М.В.* Агрессивное поведение подростка как копинг-стратегия в стрессовой ситуации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66195.shtml> (дата обращения: 30.06.2018).
11. *Корзун С.А.* Взаимосвязь личностных характеристик и копинг-поведения у подростков с девиантным поведением // Психология обучения. 2013. № 8. С. 45–52.
12. *Красило Д.А.* Эмпирическое исследование особенностей реального самоопределения современной молодежи // Психологическая наука и образование. 2003. № 2. С. 89–101.
13. *Крюкова Т.Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Изд. 2-е, исправленное, дополненное. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, Авантитул, 2010. 64 с.
14. *Крюкова Т.Л.* Возрастные и кросскультурные различия в стратегиях совладающего поведения // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 5–16.
15. *Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В.* Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2007. № 3. С. 93–112.
16. *Луева М.В.* Особенности стратегий совладающего поведения младшего подростка в условиях образовательного процесса // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2015. Т. 21. № 1. С. 88–91.
17. *Мартынова И.Р., Ошевский Д.С.* Копинг-стратегии у подростков с акцентуациями характера, склонных к проявлению агрессии [Электронный ресурс] // Психолого-

- педагогические исследования. 2013. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62507.shtml (дата обращения: 30.06.2018).
18. *Нартова-Бочавер С.К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20–30.
19. *Никольская И.М., Грановская Р.М.* Кризисная психологическая помощь и психология веры [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2015. № 1 (30). С. 4. URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 20.06.2018).
20. *Никольская И.М., Грановская Р.М.* Психологическая защита у детей. СПб.: Речь, 2000. 266 с.
21. *Носов С.С.* Особенности механизмов психологических защит у мальчиков-подростков, склонных к проявлению ксенофобии [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2011. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39932.shtml (дата обращения: 30.06.2018).
22. *Отыч Д.Д., Гузь К.В.* Креативность как копинг-ресурс подростков // Молодой ученый [Молодой ученый]. 2015. Т. 2. № 9 (24). С. 131–135.
23. *Павлова Т.С.* Копинг-стратегии подростков с антивитальными переживаниями [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n1/59152.shtml (дата обращения: 30.06.2018).
24. *Прихожан А.М.* Особенности совладающего поведения подростков-воспитанников детского дома // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2012. № 15 (95). С. 116–129.
25. Рейтинг вклада образовательных организаций в качественное образование московских школьников 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://school.moscow/files/kriterii_reitinga_2019.pdf (дата обращения: 30.06.2019).
26. *Сирота Н.А., Ялтонский В.М.* Преодоление эмоционального стресса подростками, воспитывающимися в семье и в детском доме // Обзорение психиатрии и медицинской психологии. 1993. № 1. С. 53–60.
27. *Сунцова Я.С.* Взаимосвязь копинг-стратегий и компонентов готовности к профессиональному выбору у учащихся общеобразовательной школы-интерната // Материалы международной научно-практической конференции «Социальная работа в поликультурном обществе (г. Ижевск, 30-31 мая 2011 г.)». Ижевск, Удмуртский государственный университет, 2011. С. 245–247.
28. *Хачатурова М.Р.* Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 160–169.
29. *Черенева Е.А., Ермакова Л.В.* Копинг-стратегии подростков с аддиктивной и деликвентной формой девиантного поведения. Красноярск, 2016. 212 с.
30. *Чиркина Т.А., Хавенсон Т.Е.* Школьный климат: История понятия, подходы к определению и измерение в анкетах PISA // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 207–229.
31. *Ahn A.J., Park Y.S., Kim B.S.K.* Asian Cultural Values Gap, Cognitive Flexibility, Coping Strategies, and Parent-Child Conflicts Among Korean Americans // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2008. Vol. 14. № 4. P. 353–363.

32. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // *American Psychologist*. 2000. № 55 (5). P. 469–480.
33. Berg C.A., Skinner M., Ko K., Butler J.M., Palmer D.L., Butner J., Wiebe D.J. The Fit Between Stress Appraisal and Dyadic Coping in Understanding Perceived Coping Effectiveness for Adolescents With Type 1 Diabetes // *Journal of Family Psychology*. 2009. Vol. 23. № 4. P. 521–530.
34. Cocoradă E., Mihalaúcu V. Adolescent coping strategies in secondary school // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. № 33. P. 188–192.
35. Crosnoe R. Schools, peers, and the big picture of adolescent development // *Adolescent vulnerabilities and opportunities: Developmental and constructivist perspectives* / In E. Amsel, J. Smetana (eds.). NY: Cambridge University Press, 2011. P. 182–204.
36. Milojevich H.M., Levine L.J., Quas J.A. The role of maltreatment in the development of coping strategies // *Journal of Applied Developmental Psychology*. 2018. Vol. 54. P. 23–32.
37. Palermo G.B. Editorial: delinquency: risks and protective factors // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2009. Vol. 53. № 3. P. 247–248.
38. Vigil J.M., Geary D.C. A Preliminary Investigation of Family Coping Styles and Psychological Well-Being Among Adolescent Survivors of Hurricane Katrina // *Journal of Family Psychology*. 2008. Vol. 22. № 1. P. 176–180.

References

1. Belinskaya E.P. Sovladanie kak social'no-psihologicheskaya problema [Elektronnyj resurs] [Coping as a socio-psychological problem]. *Psihologicheskie issledovaniya: ehlektron. zhurn.* [Psychological research: electron. journal], 2009, no. 1(3). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/54-> (Accessed 15.02.2020)
2. Bernstejn B. Klass, kody i kontrol': struktura pedagogicheskogo diskursa [Class, Codes and Control: The Structure of the Pedagogical Discourse]. Moscow: Prosveshchenie, 2008. 272 p.
3. Vartanyan G.A., Gorbatov S.V. Osobennosti lichnosti i detsko-roditel'skih otnoshenij nesovershennoletnih, sovershivshih nasil'stvennyye prestupleniya seksual'nogo haraktera [Features of Personality and Child-Parent Relations of Adolescents Who Have Committed Crimes of Sexual Nature]. *Psihologiya i pravo* [Psychology and law], 2017. Vol. 7, no. 2, pp. 106–122. DOI:10.17759/psylaw.2017060209
4. Vlasova N.V. Issledovanie vzaimosvjazi koping-strategij i faktorov suicidal'nyh riskov v podrostkovom vozraste (na primere uchashhihsja kadetskoj shkoly-internata) [Study of the relationship of coping strategies and suicide risk factors in adolescence (evidence from the students of the cadet boarding school)]. *Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii "Sistemogenez uchebnoj i professional'noj dejatel'nosti"* (g. Yaroslavl', 20-22 oktyabrya 2015 g.) [Proceedings of the VII International scientific-practical conference "Systemogenesis of educational and professional activity"]. Saratov, 2015 pp. 37–40.
5. Garanyan N.G., Ivanov P.A. Aprobaciya oprosnika koping-strategij (COPE) [The Approbation of a Questionnaire of Coping Strategies (COPE)]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2010, no. 1, pp. 69–81.

6. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Razrabotka russkoyazychnoj versii testa dispozicionnogo optimizma (LOT) [Development of the Russian version of the test of dispositional optimism (LOT)]. *Psihologicheskaya diagnostika [Psychological diagnostics]*, 2010, no. 2, pp. 36–64.
7. Davydova M.O., Ostapenko R.I. Issledovanie svyazi optimizma i sovladayushchego povedeniya v period rannej vzroslosti [Elektronnyj resurs] [Research of Connection of Optimism and Coping Behavior in the Period of Early Adulthood]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya [Prospects of science and education]*, 2016. Vol. 21, no. 3, pp. 76–81. DOI:2016210311
8. Zamyshljaeva M.S. Optimizm i pessimizm v sovladajushhem povedenii v junosheskom vozraste: Avtoref. diss. ... kand. psihol. nauk [Optimism and pessimism in coping behavior in youth: PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 2006. 22 p.
9. Il'in E.P. Psihologija individual'nyh razlichij [Psychology of the individual differences]. Saint-Petersburg: Piter, 2004. 701 p.
10. Konopleva I.N., Chuprakova M.V. Agressivnoe povedenie podrostka kak koping-strategiya v stressovoj situacii [Elektronnyj resurs] [Aggressive behavior of a teenager as a coping strategy in a stressful situation]. *Psihologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2013, no. 4. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n4/66195.shtml> (Accessed 30.06.2018)
11. Korzun S.A. Vzaimosvyaz' lichnostnyh harakteristik i koping-povedeniya u podrostkov s deviantnym povedeniem [The Relationship of Personal Characteristics and Coping Behavior in Adolescents with Deviant Behavior]. *Psihologiya obucheniya [Psychology of Learning]*, 2013, no. 8, pp. 45–52.
12. Krasilo D.A. EHmpiricheskoe issledovanie osobennostej real'nogo samoopredeleniya sovremennoj molodezhi [An Empirical Study of the Characteristics of the Actual Self-Determination of Modern Youth]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie [Psychological Science and Education]*, 2003, no. 2, pp. 89–101.
13. Krjukova T.L. Metody izuchenija sovladajushhego povedeniya: tri koping-shkaly. Izd. 2-e, ispravlennoe, dopolnennoe [Methods of studying coping behavior: three coping scales. Ed. 2nd, corrected, supplemented]. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, Avantitul, 2010. 64 p.
14. Kryukova T.L. Vozrastnye i krosskul'tural'nye razlichiya v strategiyah sovladayushchego povedeniya [Age and Cross-Cultural Differences in Coping Strategies]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological Journal]*, 2005. Vol. 26. no. 2, pp. 5–16.
15. Kryukova T.L., Kuftyak E.V. Oprosnik sposobov sovladaniya (adaptaciya metodiki WCQ) [Questionnaire of Coping (Adaptation Techniques WCQ)]. *Zhurnal prakticheskogo psihologa [Journal of the Practical Psychologist]*, 2007, no. 3, pp. 93–112.
16. Lueva M.V. Osobennosti strategij sovladayushchego povedeniya mladshego podrostka v usloviyah obrazovatel'nogo processa [Peculiarities of Coping Strategies of Behavior of Younger Teenagers in Conditions of Educational Process]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Social'naya rabota. Yuvenologiya. Sociokinetika [Bulletin of the Kostroma State University. N.A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sociokinetiks]*, 2015. Vol. 21, no. 1, pp. 88–91.

17. Martynova I.R., Oshevskij D.S. Koping-strategii u podrostkov s akcentuacijami haraktera, sklonnyh k proyavleniyu agressii [Elektronnyj resurs] [Coping Strategies in Adolescents with Character Accentuations, Prone to Aggression]. *Psichologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and Pedagogical Research], 2013, no. 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n3/62507.shtml (Accessed 30.06.2018)
18. Nartova-Bochaver S.K. «Coping behavior» v sisteme ponyatij psihologii lichnosti [Coping Behavior in the System of Concepts of Personality Psychology]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 1997. Vol. 18, no. 5, pp. 20–30.
19. Nikol'skaya I.M., Granovskaya R.M. Krizisnaya psihologicheskaya pomoshch' i psihologiya very [Elektronnyj resurs] [Crisis Psychological Help and Psychology of Faith]. *Medicinskaya psihologiya v Rossii: ehlektron. nauch. zhurn.* [Medical Psychology in Russia: Electron. Scientific journal], 2015, no. 1 (30), p. 4. URL: <http://mprj.ru> (Accessed 20.06.2018).
20. Nikol'skaja I.M., Granovskaja R.M. Psihologicheskaja zashhita u detej [Psychological defense in children]. Saint-Petersburg: Rech', 2000. 266 p.
21. Nosov S.S. Osobennosti mekhanizmov psihologicheskikh zashhit u mal'chikov-podrostkov, sklonnyh k proyavleniyu ksenofobii [Elektronnyj resurs] [Features of Mechanisms of Psychological Protection in Adolescent Boys Prone to Xenophobia]. *Psichologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and Pedagogical Research], 2011, no. 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39932.shtml (Accessed 30.06.2018)
22. Otych D.D., Guz' K.V. Kreativnost' kak koping-resurs podrostkov [Creativity as a Coping Resource for Adolescents]. «*Molodij vchenij*» [Young scientist], 2015. Vol. 2, no. 9 (24), pp. 131–135.
23. Pavlova T.S. Koping-strategii podrostkov s antivital'nymi perezhivaniyami [Elektronnyj resurs] [Coping Strategies of Adolescents with Anti-vital Experiences]. *Psichologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and Pedagogical Research], 2013, no. 1. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2013/n1/59152.shtml (Accessed 30.06.2018)
24. Prikhodzhan A.M. Osobennosti sovladajushhego povedenija podrostkov vospitannikov detskogo doma [Peculiarities of coping behavior in adolescents children's home]. *Vestnik RGGU. Serija: Psihologija. Pedagogika. Obrazovanie* [Bulletin of RSUH. Series: Psychology. Pedagogy. Education], 2012, no. 15 (95), pp. 116–129.
25. Reiting vkladu obrazovatel'nykh organizatsii v kachestvennoe obrazovanie moskovskikh shkol'nikov 2019 [Elektronnyj resurs] [Rating of the contribution of educational organizations to the high-grade education of Moscow schoolchildren 2019]. URL: https://school.moscow/files/kriterii_reitinga_2019.pdf (Accessed 30.06.2019).
26. Sirota N.A., Jaltonskij V.M. Preodolenie jemocional'nogo stressa podrostkami, vospityvajushhimisja v sem'e i v detskom dome [Overcoming emotional stress by teenagers brought up in a family and in an orphanage]. *Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii* [Review of psychiatry and medical psychology], 1993, no. 1, pp. 53–60.
27. Suncova Ja.S. Vzaimosvjaz' koping-strategij i komponentov gotovnosti k professional'nomu vyboru u uchashhimsja obshheobrazovatel'noj shkoly-internata [Interrelation of coping strategies and components of readiness for professional choice at pupils of comprehensive boarding school]. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-

- prakticheskoy konferencii “Social’naja rabota v polikul’turnom obshhestve” (g. Izhevsk, 30–31 maja 2011 g.) [Proceedings of the international scientific-practical conference “Social work in a multicultural society”]. Izhevsk, Udmurtskii gosudarstvennyi universitet, 2011, pp. 245–247.
28. Khachaturova M.R. Sovladayushchij repertuar lichnosti: obzor zarubezhnyh issledovanij [Coping Repertoire of Personality: Review of Foreign Studies]. *Psihologiya. ZHurnal Vysshej shkoly ehkonomiki [The Psychology. Journal of the Higher School of Economics]*, 2013. Vol. 10, no. 3, pp. 160–169.
29. Chereneva E.A., Ermakova L.V. Koping-strategii podrostkov s addiktivnoj i delikventnoj formoj deviantnogo povedeniya [Coping Strategies of Adolescents with Addictive and Delinquent Form of Deviant Behavior]. Krasnoyarsk, 2016. 212 p.
30. Chirkina T.A., Havenson T.E. Shkol’nyj klimat, Istoriya ponyatiya, podhody k opredeleniyu i izmerenie v anketah PISA [School climate, History of the Concept, Approaches to Definition and Measurement in PISA Questionnaires]. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies. Moscow]*, 2017, no. 1, pp. 207–229.
31. Ahn A.J., Park Y.S., Kim B.S.K. Asian Cultural Values Gap, Cognitive Flexibility, Coping Strategies, and Parent-Child Conflicts Among Korean Americans. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 2008. Vol. 14, no.4, pp. 353–363.
32. Arnett J. J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. *American Psychologist*, 2000. Vol. 55 (5), pp. 469–480.
33. Berg C. A., Skinner M., Ko K., Butler J.M., Palmer D.L., Butner J., Wiebe D.J. The Fit Between Stress Appraisal and Dyadic Coping in Understanding Perceived Coping Effectiveness for Adolescents With Type 1 Diabetes. *Journal of Family Psychology*, 2009. Vol. 23 (4), pp. 521–530.
34. Cocoradă E., Mihalaúcu V. Adolescent coping strategies in secondary school. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2012, no. 33, pp. 188–192.
35. Crosnoe R. Schools, peers, and the big picture of adolescent development. In Amsel E., Smetana J. (eds) *Adolescent vulnerabilities and opportunities: Developmental and constructivist perspectives*. New York, Cambridge University Press, 2011, pp. 182–204.
36. Milojevich H.M., Levine L.J., Cathcart E.J., Quas J.A. The role of maltreatment in the development of coping strategies. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 2018. Vol. 54, pp. 23–32.
37. Palermo G.B. Editorial: delinquency: risks and protective factors. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, 2009. Vol. 53, no. 3, pp. 247–248.
38. Vigil J.M., Geary D.C. A Preliminary Investigation of Family Coping Styles and Psychological Well-Being Among Adolescent Survivors of Hurricane Katrina. *Journal of Family Psychology*, 2008. Vol. 22, no.1, pp. 176–180.

Информация об авторах

Хломов Кирилл Данилович, кандидат психологических наук, начальник психологической службы, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИОН РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: kirkhlmov@gmail.com

Бочавер Александра Алексеевна, кандидат психологических наук, научный сотрудник, Институт образования, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО НИУ ВШЭ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Корнеев Алексей Андреевич, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО МГУ имени М.В. Ломоносова), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>, e-mail: korneeff@gmail.com

Information about the authors

Kirill D. Khlomov, PhD in Psychology, Head of Psychological Service, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1016-6154>, e-mail: kirklhomov@gmail.com

Alexandra A. Bochaver, PhD in Psychology, Researcher, Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Alexey A. Korneev, PhD in Psychology, Senior Researcher, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6389-8215>, e-mail: korneeff@gmail.com

Получена 23.01.2019

Received 23.01.2019

Принята в печать 09.04.2020

Accepted 09.04.2020

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ CRITIQUE AND BIBLIOGRAPHY

Рецензия на учебно-методическое пособие «Управление конфликтами в образовательной среде: теория и практика». Астрахань, Издательский дом «Астраханский университет», 2019. 146 с.

Водопьянова Н.Е.

**ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»
(ФГБОУ ВПО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9751-913X>, e-mail: vodop@mail.ru**

Рецензируемое учебно-методическое пособие отражает степень разработанности в современной конфликтологии проблемы управления конфликтами в образовании, включая анализ конфликтов в поликультурной среде школы. Авторы предлагают большое количество инновационных методов и способов, эвристических заданий и техник по исследованию, разрешению и профилактике конфликтов в образовательных учреждениях разного уровня, что позволяет использовать материалы учебного пособия для формирования конфликтологической компетентности, а также при подготовке и проведении лекционно-практических занятий по конфликтологии, социальной и педагогической психологии.

Ключевые слова: исследование, прогнозирование и профилактика конфликтов, управление конфликтами в образовательной среде, конфликтологическая компетентность субъектов образования.

Для цитаты: Водопьянова Н.Е. Рецензия на учебно-методическое пособие «Управление конфликтами в образовательной среде: теория и практика». Астрахань, Издательский дом «Астраханский университет», 2019. 146 с. // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 200–203. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110212>

Study guide review “Conflict management in the educational setting: theory and practice”. Astrakhan, Publishing House “Astrakhan University”, 2019.146 p.

Natalia E. Vodopyanova

**Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education
“Saint-Petersburg State University”, Saint-Petersburg, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9751-913X>, e-mail: vodop@mail.ru**

The reviewed study guide reflects the status of educational conflict management in modern conflictology and includes conflict analysis in the multicultural school environment. The authors offer a large number of innovative methods, heuristic tasks and techniques for the study, resolution and conflict prevention in educational institutions of various levels. That allows the usage of the study guide as a training manual for the conflict competency formation as well as in the production of lecture and seminar course classes on conflictology, social and educational psychology.

Keywords: *research, predicting and prevention of conflicts, conflict management in the educational environment, conflictological competence of educational subjects.*

For citation: Vodopyanova N.E. Study guide review "Conflict management in the educational setting: theory and practice". Astrakhan, Publishing House "Astrakhan University", 2019.146 p. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 200–203. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110212> (In Russ.).

Учебно-методическое пособие «Управление конфликтами в образовательной среде: теория и практика» вышло в свет в Издательском доме «Астраханский университет» в 2019 году. Оно написано коллективом преподавателей факультета психологии Астраханского государственного университета и адресовано студентам-конфликтологам, посредникам в урегулировании конфликтов, медиаторам, школьным учителям и педагогам-психологам, администрации образовательных учреждений, преподавателям вузов и ссузов, а также другим специалистам, заинтересованным в упреждении, разрешении и профилактике конфликтов между всеми участниками образовательного процесса.

Следует отметить актуальность данной работы, продолжающей ряд научно-практических публикаций по проблемам конфликтов в социуме. Интересен общий замысел пособия, которое хорошо структурировано.

Так, в *Главе 1 «Понимание конфликта в современной науке»* рассматриваются виды, типы, структура и функции конфликта; отдельное внимание отводится функциональным возможностям кон-

фликтов в образовательной среде; наглядно и с пояснениями представлена динамика конфликта — конструктивного и деструктивного; рассказывается о традиционных и инновационных методах исследования конфликтов, среди которых разбирается диаграмма Исикавы.

Следует заметить, что каждая глава пособия заканчивается контрольными вопросами и заданиями. Например, в конце первой главы приводятся контрольные вопросы, которые посвящены теоретическим основам исследования конфликта; здесь описаны практические ситуационные задачи, решение которых способствует пониманию этапов развития конфликтов, встречающихся в образовательной сфере, типичных причин и нетипичных инцидентов, а также конфликтогенов, знание которых может служить упреждению конфликтов между участниками образовательного процесса. Приводятся также «Карты конфликтов» для трех и более участников с примерами их анализа для такой распространенной в школе проблемы, как «опоздание на урок», и для актуальной проблемы современного образования — «качество подготовки специалистов».

Глава 2 «Методы управления конфликтами в образовательной среде» содержит параграфы о прогнозировании, профилактике и предотвращении конфликтов в образовательной среде, об урегулировании трудовых конфликтов и разрешении межличностных конфликтов в образовательных учреждениях.

В данной главе подчеркивается, что педагоги, родители и дети должны знать о таких конфликтных явлениях школьной жизни, как моббинг и буллинг, поскольку эти виды травли, физического и психологического насилия со стороны одних одноклассников по отношению к другим приводят к появлению аутсайдеров, что усиливает конфликтность между детьми и делает жизнь изгоев невыносимой.

Достоинством второй главы является описание направлений первичной, вторичной и третичной профилактики конфликтов в образовательной среде. Приводятся правила успешного общения в конфликте, а также этапы его разрешения при помощи посредника и медиатора (следует заметить, что таких специалистов для системы образования и социальной сферы готовят в магистратуре Астраханского государственного университета).

Внимания преподавателей и других работников системы образования заслуживает описание креативной игры «Счастливый случай», по итогам которой у обучающихся студентов можно выявить уровень творческой переработки изученного материала, а у кадров, повышающих свою квалификацию, — креативный потенциал на основе переосмысления имеющегося практического опыта работы.

Среди форм контроля знаний студентов следует отметить 8 практико-ориентированных заданий, позволяющих на основе приведенных авторами примеров

научиться оценивать характер конфликта, давать тот или иной прогноз его развитию, планировать оптимальное решение по его урегулированию. Здесь же авторы предлагают читателям выполнить тест, направленный на изучение конструктивности мотивации и степени выраженности стратегий поведения в конфликте. Интересным и полезным является также разработанный авторами пособия тест, позволяющий осуществить контроль остаточных знаний по пройденным разделам и темам.

Глава 3 «Формирование конфликтологической компетентности субъектов образования» интересна тем, что коллектив авторов стремится донести до читателей идею о необходимости формирования конфликтологической компетентности педагогов и школьников с учетом полиэтнического контингента в системе образования Астраханского региона и общества в целом, что очень важно в ситуации миграции населения, взаимовлияния национальных и конфессиональных мировоззрений.

Авторы пособия предлагают различные формы практической работы по формированию конфликтологической компетентности, чтобы от низкого ее уровня — интуитивного — субъекты образования перешли к высокому — продуктивному. Для реализации этой важной задачи предлагаются такие методы и способы, как диагностические, информационные, личностного развития, коллективного взаимодействия и прогнозистические. Особое внимание уделяется методам игры, брейнсторминга, группового и арт-терапевтического тренинга, позволяющим неудачи в общении и взаимодействии разными путями перевести в ресурс развития потенциалов личности, коммуникативно и конфликтологически компетентной.

Заслуживает особого внимания библиографический список, сопровождающий каждую главу рецензируемого пособия. Он содержит источники, ставшие уже «классическими», а также ссылки на современные интернет-ресурсы, на диссертационные работы, касающиеся проблем, связанных с исследованием конфликтов в современных реалиях.

Хочется отметить хорошее полиграфическое оформление пособия, которое делает чтение его содержания наглядным, удобным и доступным для понимания людьми, которые не обучаются по программе или специальности «Конфликтология», но хотят знать о достижениях этой прикладной науки с целью упреждения и конструктивного разре-

шения конфликтов, с которыми связана наша жизнь в окружающем мире, а теперь уже и в интернет-пространстве.

В *Заключении* авторы пособия справедливо полагают, что дополненному переизданию данного проекта может служить научная коллаборация с учеными из других вузов, ведущих подготовку конфликтологов и медиаторов для российских учреждений и организаций.

Считаю, что главное достоинство учебно-методического пособия состоит в том, что имеющийся в нем контент позволяет формировать конфликтологическую компетентность, необходимую каждому современному человеку, заинтересованному в мирном сосуществовании со всеми субъектами социума.

Литература

1. Управление конфликтами в образовательной среде: теория и практика: Учебно-методическое пособие / Н.Г. Брюхова [и др.] / Под ред. Н.В. Майсак, Л.В. Тимашевой, Д.А. Яковец. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2019. 146 с.

References

1. Bryukhova N.G. [i dr.] Upravlenie konfliktami v obrazovatel'noi srede: teoriya i praktika: Uchebno-metodicheskoe posobie [Conflict Management in the Educational Environment: Theory and Practice: Teaching Aid]. In Maisak N.V., Timashevoi L.V., Yakovets D.A. (eds.). Astrakhan': Izdatel'skii dom «Astrakhanskii universitet», 2019. 146 p.

Информация об авторах

Водопьянова Наталья Евгеньевна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (ФГБОУ ВПО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9751-913X>, e-mail: vodop@mail.ru

Information about the authors

Natalia E. Vodopyanova, Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Division of Professional Activity Psychology, Department of Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Saint-Petersburg State University", Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9751-913X>, e-mail: vodop@mail.ru

Получена 05.02.2020

Принята в печать 09.04.2020

Received 05.02.2020

Accepted 09.04.2020

Парадоксы эпохи эмоциональной неопределенности

Рецензия на книгу Е. Иллуз «Почему любовь ранит?

Социологическое объяснение». Москва; Берлин:

Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с.

Белинская Е.П.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»),**

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Рецензируемая книга представляет социологический взгляд на динамику партнерских отношений в эпоху постмодерна. На обширном теоретическом и эмпирическом материале проанализировано чувство любви как социальная основа самосознания нашего современника. Согласно авторской позиции, основной парадокс актуальных гендерных отношений состоит в сочетании охлаждения в эмоциональной сфере жизни с тем, что любовь сегодня становится для человека ведущим основанием для определения собственной ценности — и в социальном, и в психологическом плане. В основе подобной ситуации — противоречия общественного сознания, касающиеся дихотомий свободы и выбора, власти и подчинения, общности и независимости. Их отражения на уровне индивидуальных переживаний и создают, по мысли автора, современные «раны любви».

Ключевые слова: модернизм, романтический выбор, любовь, потребность в признании, социальное неравенство, свобода, выбор, власть, подчинение.

Для цитаты: Белинская Е.П. Парадоксы эпохи эмоциональной неопределенности. Рецензия на книгу Е. Иллуз «Почему любовь ранит? Социологическое объяснение». Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с. // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 204–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110213>

Paradoxes of the age of emotional uncertainty

Review of the book by E. Illuz “Why does love hurt? Sociological explanation”. Moscow; Berlin: DirectMedia Publishing, 2020. 400 p.

Elena P. Belinskaya

Moscow State Lomonosov University,

Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

The reviewed book presents a sociological view of the dynamics of partnership relations in the postmodern era. Based on extensive theoretical and empirical material, the author analyzes the feeling of love as the social basis of self-consciousness of our contemporary. According to the author's position, the main paradox of actual gender relations consists in the combination of a certain cooling in the emotional sphere of life with the fact that love today becomes the leading basis for determining one's own value — both in social and psychological terms. This situation is based on the contradictions of public consciousness concerning the dichotomies of freedom and choice, power and subordination, community and independence. Their reflection on the level of individual experience and create, according to the author, modern "wounds of love".

Keywords: *modernism, romantic choice, love, need for recognition, social inequality, freedom, choice, power, submission.*

For citation: Belinskaya E.P. Paradoxes of the age of emotional uncertainty. Review of the book by E. Illuz "Why does love hurt? Sociological explanation". Moscow; Berlin: DirectMedia Publishing, 2020. 400 p. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 204–208. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110213> (In Russ.).

Вышедшая на языке оригинала еще в 2012 году книга известного социолога Евы Иллуз остается одной из влиятельнейших книг на тему любви и романтического партнерства. На богатом культурологическом, социологическом и психологическом материале автор выносит своеобразный приговор эпохе постмодерна, обвиняя последний в возникновении многих парадоксов нашей эмоциональной жизни. Основная цель, согласно авторской позиции, — показать, что за столь интимными и нередко трудно уловимыми переживаниями, каковыми являются «страдания от любви», стоит вполне конкретная социальная реальность, детерминируемая характером экономической и политической власти. «Облегчить боль любви» [1, с. 380] путем изучения ее социальных основ — а именно так звучит поставленная Е. Иллуз задача, — несомненно, привлекательно: сама формулировка уже притягивает читателя, не говоря о фундированности и одновременно изящности предлагаемых решений. И потому эта книга, несомнен-

но, будет интересна широкому кругу специалистов — социологам, психологам, культурологам, социальным философам, причем совсем не обязательно тем из них, кто интересуется гендерными отношениями: в своем анализе эпохи постмодерна автор затрагивает очень широкий круг вопросов — от актуальных оснований неравенства в экономической и политической сферах до индивидуальной ответственности, свободы и подчинения. Благодаря своему сюжету она, конечно, будет замечена и широким читателем, — нет ничего более объединяющего нас, вне зависимости от множества социальных и психологических различий, чем чувство любви. А в максимальной степени работа Е. Иллуз, как представляется, привлечет к себе социальных психологов — и в силу историко-гносеологических оснований социальной психологии, и по причине «узнаваемости» реализуемого методологического подхода (подчеркнем, что автор стоит на позициях социального конструкционизма), и вследствие самого своего содержания, гармонично соединя-

ющего анализ психологических и социологических реалий.

Однако стоит отметить, что возможны и некоторые разочарования. Несмотря на множественные отсылки к литературным произведениям (от Дж. Остин и О. Бальзака до Э.М. Ремарка и Э.Л. Джеймс), блестящие примеры из сериалов («Секс в большом городе», «Друзья») и веб-групп взаимоподдержки, последовательный тематический анализ соответствующих рубрик в *New York Times*, не говоря уже об увлекательных интерпретациях собственных глубинных интервью, взятых в Германии, Израиле и США, автор пишет в основном о женщинах и для женщин (и не скрывая, впрочем, своей приверженности к феминизму). Далее — эта книга исключительно о гетеросексуальном партнерстве (у подобной позиции также есть авторское объяснение). И наконец — значительную часть ее содержания составляет критический анализ того, как становление и развитие на протяжении всего двадцатого столетия различных форм психологической и психотерапевтической помощи способствовало возникновению «новых любовных страданий»¹. Последнее, на наш взгляд, является отдельным и крайне любопытным для любого психолога сюжетом книги: такой критический «взгляд со стороны», своего рода отражение направленной на индивида профессиональной практики в зеркале социальности, конечно, провоцирует на возражения, но не может не заинтересовать.

Будучи в целом посвящена анализу динамики партнерских отношений в эпоху постмодерна, общая характеристика которого дана в первой главе («Глава 1. Введение»), книга Е. Иллуз соединяет в себе несколько содержательных линий; таковых, по сути, три.

Во-первых, это анализ метаморфоз экономического, политического и, как следствие, социального неравенства мужчин и женщин на протяжении последнего века и соответствующих психологических изменений в переживаниях власти и подчинения («Глава 2. Великая трансформация любви или возникновение брачного рынка»). Во-вторых, — описание существующего дисбаланса в возможностях выбора и, соответственно, мужско-женских различий в понимании и переживании личной свободы («Глава 3. Страх перед обязательствами и архитектура романтического выбора»). И в-третьих, — исследование социальных закономерностей в формировании индивидуальной независимости от кого-либо (и как повседневной практики, и как социального представления), что мыслится психологическим основанием тотальной онтологической неуверенности человека вне зависимости от его гендерной принадлежности («Глава 4. Потребность в признании. Любовь и уязвимость личности»). Эти три дихотомии — власть/подчинение, выбор/свобода и независимость/общность — и определяют любовные трудности нашего современника: с точки зрения первой из них неопределен-

¹ Как иронично замечает Е. Иллуз, «на протяжении всего XX в. идея о том, что люди сами создают свои любовные муки, была невероятно успешной, возможно потому, что психология одновременно давала утешительное обещание избавления от них», в то время как «основной проблемой является не трудное детство или недостаток самосознания, а совокупность социальных и культурных напряженностей и противоречий, которые формируют современную личностную идентичность» [1, с. 9–10].

ным становится вопрос ответственности в партнерских отношениях, с позиции второй — не имеет однозначного ответа вопрос о том, как не прогадать с выбором партнера, а в контексте третьей — понятно, почему одним из сложных этапов в романтических отношениях оказывается период признания в своих чувствах.

И думается, что содержание этих глав в максимальной степени доказывает, что книга Е. Иллуз — не столько (или во всяком случае — не только!) про любовь: она про динамику актуального переживания любым человеком предельных, экзистенциальных выборов и про их ограниченность рамками существующих социальных представлений. Именно поэтому представляется, что означенные три содержательные направления авторских размышлений оказываются реализованы гораздо шире, нежели это было исходно заявлено. Социальному психологу с этой точки зрения максимально интересными видятся представления автора об «архитектуре» современного выбора. Последний в силу того факта, что ценность наличия самой возможности выбирать в общественном сознании только усиливается, становится все более и более ориентирован на учет своих отдаленных следствий; подчиняется не столько логике индивидуальных предпочтений, сколько требованиям следовать советам профессионалов; зависит от доминирующих культурных норм сомнения и недоверия к своим чувствам, а потому нередко сопровождается неуверенностью и иронией.

Обобщая содержание этих трех глав, отметим следующее. «Подобно тому, как свобода в экономической сфере создает неравенство и делает его невидимым, свобода в сексуальной сфере отвлекает внимание от социальных условий, кото-

рые делают возможным эмоциональное господство мужчин над женщинами» [1, с. 386]. Но одновременно объективное расширение возможностей романтического выбора (описанию электронного регулирования брачных рынков посвящен не один десяток страниц книги) приводит к тому, что «люди вынуждены постоянно заниматься самоанализом, чтобы установить свои предпочтения, оценить имеющиеся варианты и удостовериться в своих чувствах» [1, с. 157], а столь пристальное всматривание в мир иррационального неминуемо блокирует интуитивные решения, заменяя их рационализациями, что, в свою очередь, ведет к снижению ценности воспринимаемого объекта. Так, на место еще недавних сильных (и в жизни, и в любви) героев и верных (как своим героям, так и своим страданиям) героинь приходят фигуры неясной мужественности или женственности, характеризующиеся холодной амбивалентностью чувств и страхом оказаться социально незаметными. Подобная «концептуальная неуверенность в себе» нашего современника связана, по мысли автора, с двумя социально-психологическими обстоятельствами: все большим «размыванием» параметров идеального партнера и возрастающей неопределенностью критериев социальной ценности человека.

Последние две главы («Глава 5. Любовь, Разум, Ирония» и «Глава 6. От романтических фантазий до разочарований») посвящены эмоциональным следствиям всеобщей рационализации повседневности и новым формам воображения в современной ситуации избытка информации. Отмечая, что рационализация романтических чувств во многом опирается на существующие технологии интернет-поиска партнера, Е. Иллуз под-

черкивает, что в ее основе лежит все же не технология как таковая, а описанная еще Э. Гидденсом закономерность: пост-модернистское требование новой нормы справедливости («все поровну») требует от человека повседневной мобилизации когнитивного ресурса, в том числе — в эмоциональной сфере (например, постоянный подсчет, кто больше вкладывается в поддержание романтических отношений), что, в свою очередь, приводит к «чистым отношениям», в которых уже нет места страсти и спонтанному эротизму. И потому «разочарование в партнере есть сегодня господствующий эмоциональный стереотип» [1, с. 349], выступающее не только как разочарование в конкретном человеке, а, скорее, как неопределенная эмоция, сопровождаю-

щая оценку нашим современником всей своей жизни.

Иными словами, книга Е. Иллуз не столько дает ответы на поставленный в заглавии вопрос, сколько обращает читателя к новым ракурсам его поиска. Современный человек, по ее мнению, характеризуется внутренней неопределенностью в трех сферах: мотивации (как понимании того, что именно мы хотим), социальном признании (как рефлексии того, что наиболее важно сегодня для нашего чувства значимости) и желании (как представлении об идеальном). Социальные представления, отражающие эти затруднения, и делают актуальную реальность эпохой «эмоциональной неопределенности», приводя к парадоксам современной любви.

Литература

1. Иллуз Е. Почему любовь ранит? Социологическое объяснение / пер. с нем. С.В. Сидоровой. Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2020. 400 с.

References

1. Illuz E. Why does love hurt? Sociological explanation. Moscow; Berlin: DirectMedia Publishing, 2020. 400 p.

Информация об авторах

Белинская Елена Павловна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Information about the authors

Elena P. Belinskaya, Doctor of Psychology, Professor, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>, e-mail: elena_belinskaya@list.ru

Получена 27.05.2020

Принята в печать 30.05.2020

Received 27.05.2020

Accepted 30.05.2020

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: психологическая наука и практика о социальных изменениях и новых вызовах современности

Крушельницкая О.Б.

**ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

В статье представлен отчет о состоявшейся 12–13 мая 2020 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». Обозначены основные события научного форума, описаны его основные направления и результаты. Утверждается целесообразность подобных мероприятий для интенсификации социально-психологических исследований и практического применения их результатов с целью наиболее полного, обоснованного построения психологической науки, практики и образования.

Ключевые слова: конференция, социальная психология, этнопсихология, организационная психология, семья, интернет, киберпространство, дорожный трафик, психологический тренинг, психологическое консультирование.

Для цитаты: Крушельницкая О.Б. Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: психологическая наука и практика о социальных изменениях и новых вызовах современности // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 2. С. 209–213. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110214>

The conference commemorating Conference in memory M.Yu. Kondratyev: psychological science and practice on social changes and new challenges of our time

Olga B. Krushelnitskaya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

The article presents a report on the V All-Russian scientific and practical conference with international participation commemorating M.Yu. Kondratyev “Social psychology: issues of

theory and practice” held on may 12–13, 2020 at the Moscow State University of Psychology & Education. The main events of the scientific forum are outlined, its main directions and results are described. The expediency of such measures for the intensification of socio-psychological research and practical application of their results for the purpose of the most complete, justified construction of psychological science, practice and education is confirmed.

Keywords: *conference, social psychology, ethnopsychology, organizational psychology, family, Internet, cyberspace, road traffic, psychological training, psychological counseling.*

For citation: Krushelnitskaya O.B. The conference commemorating of M.Yu. Kondratiev: psychological science and practice on social changes and new challenges of our time. *Sotsial'naiia psikhologĭia i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 2, pp. 209–213. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110214> (In Russ.).

12–13 мая 2020 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете (ФГБОУ ВО МГППУ) состоялась V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики». В ней приняли участие свыше двухсот российских и зарубежных специалистов, преподавателей психологии, студентов и аспирантов, многие из них выступили на заседаниях секций и круглых столов, участвовали в работе мастер-класса.

В приветственном обращении к участникам конференции декан факультета социальной психологии МГППУ, профессор Т.Ю. Маринова отметила важность подобных встреч для сотрудничества, обсуждения актуальных вопросов социальной психологии, обмена опытом научно-практической работы. Современные средства связи позволяют единомышленникам продуктивно взаимодействовать вне зависимости от границ и расстояний.

Нынешняя конференция, как и четыре предшествующих (2016–2019 гг.), была посвящена памяти первого декана факультета социальной психологии МГППУ, профессора, доктора психологических наук, члена-корреспонден-

та Российской академии образования М.Ю. Кондратьева. Михаил Юрьевич был ученым с широкими интересами, выдающимся преподавателем и организатором науки. Он стал инициатором создания журнала «Социальная психология и общество», размышлял об организации Всероссийского научного социально-психологического общества.

Среди мероприятий первого дня конференции необходимо отметить заседание круглого стола «Читая Кондратьева...» (ведущая — О.Б. Крушельницкая), на котором обсуждались актуальные направления развития и практического приложения научных идей М.Ю. Кондратьева, изложенных в его книге «Слагаемые авторитета». Несмотря на то, что книга впервые была издана более 20 лет назад, описанная в ней оригинальная авторская концепция становления авторитета педагога не только сохраняет свою актуальность в наши дни, но и развивается в новых практико-ориентированных исследованиях. За круглым столом обсуждались особенности развития представлений об авторитете в социальной психологии, рассматривалась специфика авторитета личности в современном обществе. Особое внимание было уделено психологическим факторам авторитета школьного учителя как личности

профессионала, способного сформировать у обучающихся компетенции, необходимые для достижения социальной успешности. В частности, отмечено, что идеальный учитель, с точки зрения сегодняшних школьников, это прежде всего современный и гармонично развитый человек. Также на круглом столе обсуждалась специфика роли авторитетного мнения как средства информационных войн в современном мире.

Работа конференции проходила по семи направлениям, посвященным различным социально-психологическим вопросам, включая тенденции развития организационной психологии, применение современных технологий в психологии и образовании, специфику консультативно-тренинговой работы в социальной сфере, проблемы практической этнопсихологии, психологии дорожного трафика и киберпсихологии.

Большой интерес вызвал у участников конференции доклад доцента кафедры социальной психологии СПбГУ В.А. Чикер «Социально-психологический тренинг: итоги развития концепции М. Форверга в России», сделанный в первый день в рамках направления «Психологический тренинг и консультирование в социальной сфере» (руководитель — профессор Н.Н. Толстых). Вера Александровна отметила, что, несмотря на более чем сорокалетнюю историю развития предложенного М. Форвергом (M. Forwerg) метода практической социальной психологии — социально-психологического тренинга, который стал базой для разработки множества идей по совершенствованию компетенций, необходимых буквально во всех областях жизни, до сих пор не проведены четкие границы между различными подходами к групповой работе. В результате словом

«тренинг» обозначаются практически любые групповые обучающие процедуры, что не соответствует базовым идеям М. Форверга.

Тема социальной идентичности прозвучала в докладах и молодых ученых, и опытных исследователей, выступивших в рамках направления «Практическая этнопсихология» (руководитель — профессор О.Е. Хухлаев). Так, например, большой интерес был проявлен к докладу студента магистратуры факультета социальной психологии МГППУ Д.А. Закаряна «Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие русских Кабардино-Балкарии» об исследовании, проведенном совместно с доцентом О.С. Павловой с целью конструктивного решения проблем, возникающих в рамках межкультурных контактов.

Не меньший интерес у слушателей вызвал доклад «Метаанализ теоретических подходов исследования национальной идентичности», который сделал ведущий научный сотрудник лаборатории методологии психосоциальных и политико-психологических исследований Института социальной и политической психологии НАПН Украины, профессор А.Н. Плющ. Анализируя различные теоретические конструкты нации и идентичности, он пришел к выводу, что в многонациональных государствах гражданская идентичность является новым измерением конструктивной сложности национальной идентичности.

Направление «Современное состояние и тенденции развития организационной психологии» (руководитель — профессор А.В. Погодина) затронуло широкий спектр психологических проблем управленческой деятельности, включая личностные характеристики лидеров нового типа (доклад

В.В. Денисова и А.В. Погодиной), особенности взаимодействия наставника и наставляемого (С.Д. Крикун, ассистент кафедры общей и социальной психологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского), исследование «долгового менталитета» современного человека (М.А. Гагарина, доцент ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»).

Ответом на сложившуюся в мире сложную общественно значимую ситуацию стал доклад старшего преподавателя РАНХиГС М.Д. Кондратьева «Динамика социальных представлений студентов о врачах в условиях пандемии COVID-19». Изучение динамики структуры и содержания социальных представлений о врачах с февраля по апрель 2020 года показало, что за период принципиальной смены эпидемиологической обстановки в обществе значимость роли врача повысилась, а сам врач в глазах студентов стал добрее, внимательнее, полезнее и привлекательнее.

Также в первый день конференции успешно прошел мастер-класс «Мультипликация как психологическая техника в работе с детьми» Е.А. Верченовой, студентки магистратуры «Психология Востока» МГППУ. Новая техника вызвала большой интерес у участников мастер-класса.

Во второй день конференции, на секции «Актуальные проблемы современной социальной психологии» (руководитель — профессор М.Е. Сачкова) большой интерес вызвал доклад профессора кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета, профессора Т.И. Шульги «Особенности формирования группы воспитанников в органи-

зации для детей-сирот». Доклад вызвал живой отклик, поскольку речь шла о психологической помощи детям и подросткам, которые испытывают в силу своего сложного жизненного пути затруднения в проявлении эмоциональных положительных переживаний, что препятствует выстраиванию эффективных межличностных отношений.

В ходе работы направления «Киберпсихология и общество» (руководители — Н.В. Кочетков и Т.Ю. Маринова) живой интерес вызвал доклад Д.О. Бессонова о результатах проведенного совместно с Е.А. Александровой исследования особенностей понимания специфических мемов различными группами людей.

Большое количество участников собрал круглый стол «Социально-психологические условия и последствия пандемии» (ведущая — Т.Ю. Маринова). На нем обсуждались психологические проблемы, порожденные социальными изменениями во время и после пандемии коронавируса: влияние социальной изоляции и состояния неопределенности на психическое здоровье личности, плюсы и минусы вынужденной «виртуализации» межличностных отношений, слухи и паника как следствие массовой тревоги.

Майская конференция-2020 стала еще одной привлекательной площадкой для обмена опытом и идеями, продвижения новых разработок и обсуждения актуальных тенденций развития науки, а значит — и ценным ресурсом психологического знания. Она объединила и молодых ученых, и опытных специалистов, в том числе живущих и работающих в разных регионах России и за рубежом.

Свыше двухсот сообщений о результатах социально-психологических исследований вошли в сборник материалов конференции [1]. В нем нашли отражение

результаты новейших социально-психологических и психолого-педагогических разработок, выполненных отечественными и зарубежными специалистами-практиками, методологами, известными

учеными и начинающими исследователями. Сборник опубликован на портале психологических изданий Psyjournals.ru, свободный доступ к нему — по ссылке: https://psyjournals.ru/sptp_2020/

Литература

1. Социальная психология: вопросы теории и практики [Электронный ресурс] // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (г. Москва, 12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. 594 с. URL: https://psyjournals.ru/sptp_2020/ (дата обращения: 26.05.2020).

References

1. Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki [Elektronnyi resurs] [Social psychology: issues of theory and practice]. Materialy V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem pamyati M.Yu. Kondrat'eva "Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki" (g. Moskva, 12–13 maya 2020 g.) [Proceedings of the V All-Russian scientific-practical conference with international participation commemorating M.Yu. Kondratyev "Social psychology: issues of theory and practice"]. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2020. 594 p. URL: https://psyjournals.ru/sptp_2020/ (Accessed 26.05.2020).

Информация об авторах

Крушельницкая Ольга Борисовна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

Information about the authors

Olga B. Krushelnitskaya, PhD in Psychology, Head of the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0762-6925>, e-mail: social2003@mail.ru

Получена 26.05.2020

Received 26.05.2020

Принята в печать 30.05.2020

Accepted 30.05.2020

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Бюро в России

127051 Москва, ул. Сретенка, 29, к. 207

Тел.: +7 (495) 608-16-27

+7 (495) 632-95-44

Факс +7 (495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

Редакционно-издательский отдел МГППУ

123390 Москва, Шелепихинская наб., 2А, к. 409

Тел. +7 (499) 244-07-06 (доб. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Корректор *А.А. Кошкина*

Компьютерная верстка: *М.А. Баскакова*

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

Russian office:

Sretenka st., 29, office 207

Moscow, Russia, 127051

Phone: +7(495) 608-16-27

+7(495) 632-95-44

fax: +7(495) 632-95-44

e-mail: spas2010@mgppu.ru

MSUPE Editorial and publishing department

123390, Moscow, Shelepikhinskaya nab., 2A, office 409

Tel.: +7(499) 244-07-06 (ext. 233)

e-mail: k-409rio@list.ru

Technical editor *A.A. Koshkina*

Maker-up *M.A. Baskakova*